

ВЕСНІК

Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта
імя Янкі Купалы

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з сакавіка 1999 года

Серый 1

Гісторыя
Філасофія
Паліталогія
і сацыялогія
Культуралогія
Педагогіка
Псіхалогія
Правазнаўства
Філалогія

1(18), 2003

Люты

Гродна

Галоўны рэдактар
С.А.МАСКЕВІЧ

Намеснік галоўнага рэдактара
А.У.БОГУШ

Члены рэдакцыйнага савета:
В.А.ЛІЁПА, А.М.НЕЧУХРЫН, В.В.СЯНЬКО

Рэдакцыйная калегія серыі:

А.М.НЕЧУХРЫН — адказны рэдактар

Т.Я.АЎТУХОВІЧ	У.Д.РОЗЕНФЕЛЬД
I.Р. БУРЛЫКА	П.У.СЦЯЦКО
В.М.ВАТЫЛЬ	М.У.СІЛЬЧАНКА
Т.К.КАМАРОВА	В.П.ТАРАНЦЕЙ
Ч.С.КІРВЕЛЬ	МІХАЛ ГНАТОЎСКІ
I.П.КРЭНЬ	

Заснавальнік
Гродзенскі дзяржаўны універсітэт
імя Янкі Купалы
Рэгістрацыйны № 1241

ВЕСНІК ГРОДЗЕНСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА УНІВЕРСІТЭТА
ІМЯ ЯНКІ КУПАЛЫ

Серыя 1. Гуманітарныя науки. № 1 (18), 2003
На беларускай, рускай, англійскай, нямецкай і польскай мовах

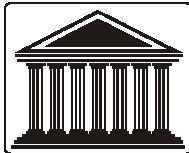
Адрес рэдакцыі: вул. Леніна, 32, 230023, Гродна. Тэл. 44-94-90

Рэдактар Н.М.Красніцкая
Камп'ютарная вёрстка: В.Р.Закрэўскі

Падпісаны да друку 26.02.2003. Фармат 70 x 108 / 16. Папера афсетная. Друк афсетны.
Ум. друк. арк. 13,84. Ул.-выд. арк. 15,9. Тыраж 100 экз. Заказ 24.

Надрукавана на тэхніцы выдавецкага аддзела Установы адукацыі
«Гродзенскі дзяржаўны універсітэт імя Янкі Купалы».
ЛП № 111 ад 29.12.2002. Вул. Пушкіна, 39, 230012, Гродна.

© Веснік Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта
імя Янкі Купалы, 2003

Гісторыя

УДК 947.6+930.1

I.P.Кулевіч

ПЕРШЫ УСЕБЕЛАРУСКІ З’ЕЗД: ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПРАБЛЕМЫ

В статье исследуется один из эпизодов белорусского национального движения в 1917 г. в работах отечественных историков — Первый Всебелорусский съезд — важное событие в становлении государственности Беларуси. Историография этой проблемы тесно связана с теми обстоятельствами, что историческая наука всегда была подвержена воздействию правящего режима в стране. Вот почему, когда в Белоруссии правили коммунисты, белорусское национальное движение рассматривалось как антимонархическое и контрреволюционное. После объявления независимости Беларуси многие аспекты этой проблемы стали пересматриваться и трактоваться иначе.

Адной з самых супярэчлівых і складаных падзеяў у гісторыі станаўлення беларускай дзяржаўнасці першай чвэрці XX ст. з’яўляецца правядзенне Першага Усебеларускага з’езда. Каstryчніцкая рэвалюцыя прывяла да распаду Расійскай імперыі і паклала пачатак фарміраванню новых дзяржаўных утварэнняў. Аднак гэта спрыяла памылковаму разуменню савецкай нацыянальнай палітыкі прадстаўнікамі беларускага нацыянальнага руху, закружыла ім галаву і спарадзіла мары аб незалежнасці Беларусі.

Патрэбна адзначыць, што асвятленне з’езду ў гістарычнай літаратуре ўскладнена шэрагам аб’ектыўных прычын. Гэта звязана з тым, што большасць дакументацый, перш за ёсё пратаколаў паседжанняў з’езду, страчана. Па звестках гісторыка В.Скалабана, стэнаграма Усебеларускага з’езда вялася, бо яшчэ 3 снежня 1917 г. газета «Беларуская Рада» змясціла аб’яву аб патрэбе дзвюх стэнаграфістак [1, с.64]. З успамінаў К.Езавітава таксама вядома, што ўсе матэрыялы з’езда знаходзіліся ў Т.Грыба, але дзе яны падзеліся, невядома [2, с.25]. Па словах В.Скалабана, у тагачасным беларускім друку з’езд асвятляўся даволі шырока, але даследчык аддае прырытэт справаўдышчы капітана Я.Ярушэвіча, якая друкавалася ў газете «Беларуская Рада» пад назвай «Усебеларускі з’езд». Некаторыя дакументы былі знайдзены ў архіве Беларускай Народнай Рэспублікі, які доўгі час захоўваўся ў партыйным архіве КПБ (зараз Нацыянальны архіў РБ), у прыватнасці, арыгіналы пратаколаў ваенай секцыі і фракцыі левых [1, с.65]. Гісторык С.Рудовіч выкарыстоўвае дакументы, якія захоўваліся ў Дзяржаўным архіве Літвы і былі апубліканы з каментарыямі С.Шупы, а таксама падборку матэрыялаў, апубліканых у эміграцыі Я.Запруднікам [3]. Усе гэтыя сведчанні хоць і праліваюць свято на азначаныя падзеі, але не даюць магчымасці ўяўіць поўную і разгорнутую карціну. Вось чаму даследчыкі шмат увагі надаюць мемуарнай літаратуры.

Першапачатковая апрацоўка падзеяў, звязаных з Усебеларускім з’ездам, знайшла адлюстраванне ва ўспамінах яго арганізатораў і ўдзельнікаў. Гэта прадстаўнікі беларускіх нацыянальных партый — П.Крачэўскі, Я.Канчар, А.Цвікевіч

(А.Галынец), М.Касцевіч (М.Краўцоў), А.Прушынскі (А.Гарун, А.Новадворскі), Зм.Жылуновіч (Ц.Гартны), К.Езавітаў і іх праціўнікі з ліку бальшавікоў — В.Кнорын, А.Чарвякоў і інш. [4]. Іх сведчанні, што называеца, з перших рук. Але яны, на жаль, грашаць недаставернасцю, бо ўласцівым палітыкам славалюбства і пыхлівасць, жаданне прыпісаць себе поспехі, пачываць на лаўрах першаправадцаў, а ў няўдачах і правалах абвінавачваць палітычных праціўнікаў, робяць мемуары суб'ектыўнымі. Трэба мець на ўвазе і той факт, што пэўную частку ўспамінаў складаюць паказанні арыштаваных падчас сталінскіх рэпрэсій, якія, жадаючы пазбегнуць адказнасці і зломленыя падчас допытаў, — зусім інакш трактавалі вышэй азначаныя падзеі.

Такім чынам, можна зрабіць выснову, што крыніцы даследавання Усебеларускага з'езда, якія складаюцца з асобных дакументаў і ўспамінаў, носяць недакладны і суб'ектыўныя характеристар. У якасці прыкладу можна прывесці рознагалоссі ў падліках удзельнікаў з'езда. Я.Канчар называе лічбу — 1915, Я.Варонка — 1900, Т.Грыб, Ад.Станкевіч, Ф.Турук, А.Гарун, К.Езавітаў, А.Чарвякоў зыходзяцца на 1872-х дэлегатах. Колькасць удзельнікаў з правам рашаючага голаса, адпаведна Я.Канчару, — 1175, усе астатнія называюць лічбу да 1167.

Адным з першых даследаванняў па гісторыі беларускага нацыянальнага руху і, у прыватнасці, Першага Усебеларускага з'езда, з'яўляецца праца Ф.Турука [5]. Гэта ўжо не проста ўспамін удзельніка, а навукова-даследчая праца з выкарыстаннем разнастайнай крынічнай базы. Яе станоўчая рыса заключаецца ў паслядоўнасці і аб'ектыўнасці разгляду, дзе Усебеларускі з'езд падаеца не як асобны выпадак, падзея Каstryчніцкай рэвалюцыі, а адзін з этапаў станаўлення беларускай дзяржаўнасці. У сваёй працы Ф.Турук сцісла і лаканічна, але па сутнасці, паказвае сітуацыю, якая склалася ў беларускім нацыянальным руху напярэдадані і ў час правядзення з'езда. Ён вылучае ў яго асяроддзі дзве плыні: адну — у асобе Вялікай Беларускай Рады (ВБР) і Цэнтральнай Вайсковай Беларускай Рады (ЦВБР), другую — у асобе Беларускага Абласнога Камітэта (БАК). Прадстаўнікоў першай плыні называе «незалежнікамі», ці правымі (параўноўвае з украінскім «самасційнікамі»), другіх — «абласнікамі-федэралістамі», ці левымі. Аўтар робіць акцэнт на іх супрацьстаянні, паказвае барацьбу за лідарства ў беларускім нацыянальным руху, за пяршынства ў падрыхтоўцы Усебеларускага з'езда. Даследчык адзначае стракатасць з'езда, характеристызуючы яго склад па палітычных і саслоўных прыметах. Да разгону з'езда Ф.Турук ставіцца негатыўна і галоўным вынікам гэтай акцыі лічыць пераход на нелегальнае становішча ўсіх беларускіх палітычных партый і арганізацый, нават у культурна-асветніцкім асяроддзі.

Але не ўсе сведчанні сучаснікаў аб'ектыўныя. Некаторыя з іх не пазбеглі суб'ектыўнай трактоўкі. Я.Канчар — адзін з іх. У сваіх успамінах [6] ён выступае як натхніцель і арганізатар БАК, лічыць сваю ролю ў правядзенні з'езда першаднай. Усебеларускі з'езд і БАК, на яго думку, — гэта звені аднаго ланцу гуга, два ўзаемадапаўняючыя элементы, таму што БАК быў адным з арганізатаў з'езда, лічыць яго важным палітычным мерапрыемствам у барацьбе за лідарства ў беларускім нацыянальным руху. Аргументам у пацвярджэнне дадзенай гіпотэзы служыць і той факт, што БАК спыніў свае існаванне праз непрацяглы час пасля яго разгону. Разам з тым аўтар ні словам не ўспамінае пра ту ю аклічнасць, што пазіцыі БАК ў галіне дзяржаўнага будаўніцтва супадалі з пазіцыямі бальшавікоў, якія не хацелі развалу былой Расійскай імперыі. Яны спачатку выступалі супраць самавызначэння Беларусі і шукалі паплечнікаў па гэтаму пытанню сярод беларускіх палітычных партый. Касцяк камітэта складалі правыя эсэры, галоўная мэта якіх на з'ездзе заключалася ў прыняцці рэзолюцыі, якая б захавала Расію непадзельнай. На гэтую справу БАК і атрымаў грошы з Масквы.

На словах выказываючы лаяльнасць да Савецкай улады, Я.Канчар у сваёй працы абаснаваў неабходнасць для беларусаў паклапаціца самастойна пра свой лёс, асабліва падчас грамадзянскай вайны і іншаземнай інтэрвенцыі, якія аслабілі Расію. Таму БАК, па словах Я.Канчара, як ніякая іншая арганізацыя, выступаў за ўтварэнне Беларускай Народнай Рэспублікі, але толькі такой, якая ўваходзіла б у склад Расійскай Федэрацыі як асобнае дзяржаўна-палітычнае звязно. Гэтую неабходнасць ён тлумачыў дамаганнямі на беларускія землі з боку Польшчы, Літвы і Украіны, у той час як федэратыўны саюз з Расіяй мог бы захаваць адзінства і непадзельнасць Беларусі. Разам з тым ён адхіляў абвінавачванні членаў ВБР у абласніцтве. Сам з’езд Я.Канчар лічыў найвышэйшай праявой беларускага нацыянальнага руху.

Ва ўспамінах А.Чарвякова, які стаяў на прасавецкай пазіцыі, можна ўбачыць іншае стаўленне да Усебеларускага з’езда [7, с.50-72]. Яго праца носіць палемічныя характеристары. На яе старонках, дыскутуючы з Я.Варонкай і А.Бурбісам, аўтар выказвае свае погляды наконт сутнасці з’езда і правамоцнасці яго роспуску. Ён негатыўна ставіцца і да БАКА, і да Вялікай Беларускай Рады, выяўляе іх варожасць да Кастрычніцкай рэвалюцыі, падмацоўваючы свае думкі намаганнямі апошніх стварыць беларускую дзяржаўнасць, што супярэчыла мэтам сацыялістычнага руху. А.Чарвякоў не пагаджаецца з Я.Варонкай і А.Бурбісам аб лаяльнасці з’езда да Савецкай улады, наадварот, лічыць, што ён складаўся з яе ворагаў і меў вузка нацыяналістычныя характеристары. Гэтыя абставіны і прывялі з’езд да роспуску, што, на думку аўтара, было непазбежным і правамоцным з боку бальшавікоў.

Даследаванні савецкіх гісторыкаў мала чым адрозніваюцца паміж сабой. Характарызуючы рэвалюцыйныя падзеі, асабліва пераломны 1917-ы год, яны, як у энцыклапедычных выданнях, так і ў манаграфічных працах, зыходзілі з афіцыйных савецкіх дакументаў і матэрыялаў перыядычнага друку. Выкарыстаўшы шэраг крыніц, яны змаглі папоўніць фактаграфію, але не мелі рэальнай магчымасці пераадолець палітычную і ідэалагічную тэндэнцыянасць, якія зрабілі працы аднабокімі і суб’ектыўнымі.

Падзеі, звязаныя з Першым Усебеларускім З’ездам, у працах савецкіх гісторыкаў разглядаюцца не інакш, як у рэчышчы барацьбы бальшавікоў з апазіцыяй. Трэба адзначыць, што такая ацэнка доўга практична не аспрэчвалася. Адпаведна, у гістарычнай літаратуры, уключаючы фундаментальныя выданні, аб 1-м Усебеларускім з’ездзе, калі і ўспаміналася, то толькі ўскосна, у сувязі з іншымі пытаннямі, у прыватнасці, з Кастрычніцкай рэвалюцыяй.

Сярод даследаванняў гэтага напрамку можна вылучыць між іншымі працы Н.Каменскай, С.Маргунскага, М.Завалеева, В.Гняўко, а таксама калектывныя даследаванні па гісторыі Кастрычніцкай рэвалюцыі [8]. Падабенства поглядаў, адзінства думак дало ім магчымасці прывесці наступную трактоўку 1-га Усебеларускага з’езда. Па-першае, прадстаўнікі ўсіх беларускіх нацыянальных партый і арганізацый падаюцца імі як ворагі Савецкай улады. Па-другое, імкненне лідараў беларускага руху ўтварыць сваю нацыянальную дзяржаўнасць трактуеца не інакш як фальшивая рэклама з мэтай скаваць зрадніцтва свайго народа, якое выразілася ў абароне буржуазнага ладу. Па-трэцяе, сам з’езд меў антысавецкія характеристары. Па-чацвертае, ён не адлюстроўваў памкненні рэвалюцыйна настроенай часткі працоўных з прычыны невялікага прадстаўніцтва бальшавікоў. На думку аўтараў, два апошнія фактары і паўплывалі на разгон з’езду.

Дарэчы, відавочны і той факт, што большасць даследчыкаў называюць гэту падзею не з’ездам, а кангрэсам, што ў значнай ступені прыніжае яго значэнне. У асобных выпадках некаторыя гісторыкі ў сваёй непрыязненасці да апазіцыі даходзяць нават да фальсіфікацыі фактаў. Так, у даследаванні Н.Каменскай

прыводзіцца думка, што Усебеларускі кангрэс быў скліканы без ведама прадстаўнікоў Савецкай улады. У той жа час вядома, што менавіта СНК выдзеліў сродкі на яго правядзенне, а гісторык У.Гняўко прама заяўляе, што з'езд быў скліканы з мэтай захопу ўлады.

Адным з першых даследчыкаў, хто даволі грунтоўна займаўся вывучэннем Усебеларускага з'езда, з'яўляецца І.Ігнаценка [9, с.353-376]. Ён упершыню ў айчыннай гістарыяграфіі вылучыў шэраг навывучаных пытанняў, патрабуючых асаблівой увагі. Да іх ён адносіць: прычыны склікання з'езду, барацьбу беларускіх нацыянальных партый паміж сабой, з аднаго боку, і з бальшавікамі, з другога, асабліва за пяршынства ў перыяд падрыхтоўкі з'езда і ў час яго працы, характеристыку яго нацыянальнага і палітычнага складу. Разглядаючы Каstryчніцкія падзеі ў цэлым і Усебеларускі з'езд, у прыватнасці, праз прызму сялянскага руху, аўтар прыйшоў да высновы, што няўдачы нацыяналістаў былі заканамернымі з той прычыны, што яны не мелі шырокай сацыяльнай базы.

У гэтым жа рэчышчы Першы Усебеларускі з'езд разглядалі і дысертанты І.Ігнаценка — Е.Саўчук, С.Рудовіч, гісторык М.Сташкевіч [10].

Пасляперабудовачныя часы адкрылі новыя магчымасці ў даследаванні гэтих даволі вострых праблем, садзейнічалі больш аб'ектыўнаму падыходу да разгляду так званых «белых плямай». Для айчыннай гістарыяграфіі гэтага перыяду ўласціва цікавасць да былых ворагаў Савецкай улады. Некаторыя даследчыкі, атрымаўшы доступ да раней закрытых дакументальных крыніц, перагледзелі свае погляды, што садзейнічала больш шырокай і разнастайнай трактоўцы Першага Усебеларускага з'езда.

Новае даследаванне В.Круталевіча працягвае тэматыку раней апублікованых манографій аб станаўленні дзяржаўнасці на Беларусі [11, с.18-28]. Пытанні самаўызначэння ён разглядае ў кантэксле палітычнай барацьбы дзвюх дыяметральна процілеглых плыняў, улічваючы ўнутраныя і знешнія ўмовы, іншаземную акупацию. Калі раней да Усебеларускага з'езда даследчык ставіўся ў рамках афіцыйнай савецкай гістарыяграфіі, то ў сваёй новай працы ён змяніў пазіцыю. Зараз гісторык, ацэньваючы з'езд, спрабуе адказаць на пытанне, чаму ў барацьбе за ўладу пацярпелі паражэнне арыентаваўшыся на заходнія каштоўнасці беларускі нацыянальны рух, прыходзіць да высновы, што меры ўздзейння бальшавікоў ў адносінах да з'езда маглі быць іншымі, калі б у цэнтральнай улады былі канкрэтныя планы да вырашэння беларускага дзяржаўнага ўладкавання.

І.Ігнаценка, даследуючы праблемы Каstryчніцкай рэвалюцыі ў Беларусі, падставай склікання з'езда лічыць незавершанасць ўтварэння органаў Савецкай улады, а таксама няўдзел у гэтых працэсах прадстаўнікоў Віцебскай і Магілёўскай губерній [12, с.41-101]. Ацэнку Усебеларускаму з'езду даследчык дае, зыходзячы з прынцыпу гістарызма, у адпаведнасці з якім адхіляе аднабаковыя падыходы. Ён лічыць, што права нацый на самавызначэнне, якое дала Каstryчніцкая рэвалюцыя, зусім не павінна было адпавядаць сацыялістычнаму ладу ствараемых дзяржаў. У якасці доказу прыводзіць Польшчу і Фінляндыю, якія вызначыліся як буржуазна-дэмакратычныя, што не з'яўлялася рэгрэсам. Больш того, для ўтварэння сацыялістычных краін не было яшчэ ні аб'ектыўных, ні суб'ектыўных умоў. Даследчык лічыць памылковым сцвярджэнне большасці гісторыкаў аб ігнараванні СНК нацыянальнага пытання. Кіраунікі Паўночна-Захадняга абкама РСДРП(б) не прызнавалі існаванне беларускай нації, а таму не лічылі патрэбным весці пошук форм нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва ў Беларусі. Рэалізацыя ленінскага плана самавызначэння беларускага народа была заўчаснай, што і даказаў ход Першага Усебеларускага з'езда і яго пастановы. Пытанне аб роспуску з'езда аўтар лічыць мала даследаваным і не знаходзіць правамоцных юрыдычных падставу на гэты крок з боку СНК.

Гісторыкі У.Ладысеў і П.Брыгадзін у сваёй манаграфіі таксама разглядаюць пытанні станаўлення беларускай дзяржаўнасці [13, с.22-33]. Аўтары лічаць, што пасля Кастрычніка нацыянальныя праблемы яшчэ не адыгрывалі такую ролю, як сацыяльна-класавыя, бо ў Беларусі не завяршылася фарміраванне беларускай нацыі. Характаразуючы палітычны склад беларускага руху напярэдадні склікання з’езда, яны выдзяляюць два выразна абазначыўшыся напрамкі: радыкальны, ці сацыялістычны, і нацыянальна-дэмакратычны. Каб паказаць расклад палітычных сіл у беларускім грамадстве ў той час, яны прыводзяць вынікі выбараў ва Устаноўчы сход, адзначаюць актыўнасць салдат Заходняга фронта, іх прыярытэт у рэвалюцыйным руху. Галоўнай памылкай бальшавікоў лічаць недаацэнку беларускага пытання, ігнараванне імі праблемы нацыянальнага самавызначэння беларускага народу. Яны не пагаджаюцца з І.Ігнаценка па пытанню аб сялянскай сутнасці БАКА. На думку даследчыкаў, у гісторычнай літаратуры не раскрыты змест і характар уплыву левай фракцыі на ход працы з’езда. Сам з’езд аўтары лічаць заканамерным вынікам развіцця беларускага нацыянальна-вызваленчага руху, гісторычна абумоўленым працэсам дэмакратычных пераўтварэнняў у нацыянальных ускраінах былой Расійскай імперыі. На іх думку, законных падстаў для разгону з’езда з боку кіраўніцтва Аблвыканкамаха і Саўнаркама Заходняй вобласці не было.

У калектыўнай працы беларускіх і расійскіх гісторыкаў падзеі, звязаныя з Першым Усебеларускім з’ездам, разглядаюцца ў рэчышчы станаўлення аднапартыйнага сістэмы ў савецкім грамадстве [14, с.5-17]. Аўтары лічаць, што ў Беларусі пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі, у адрозненне ад іншых рэгіёнаў Расіі, склаліся спецыфічныя органы кіравання ў выглядзе Аблвыканкамаха і Саўнаркама Заходняй вобласці, куды не ўваходзілі прадстаўнікі Віцебшчыны і Магілёўшчыны. Не было ў іх складзе і беларусаў. І гэтая акалічнасць, дадаюць даследчыкі, вельмі не падабалася беларускім нацыянальным дзеячам (перш за ўсё ВБР). Больш за тое, у іх складзе колькасць ваеннаслужачых у 1,5 раза перавышала лічбу цывільных. І, як адзначаюць аўтары, беларускія нацыянальныя дзеячы менавіта таму прыйшлі да высновы, што Аблвыканкамах — орган франтавы і створаны на час вайны. Вось чаму беларускія палітыкі лічылі неабходным вырашыць будучыню Беларусі, і, нягледзячы на важнасць аграрнага пытання, галоўным пунктам абмеркавання на з’ездзе было ўсё-такі пытанне аб самавызначэнні і ўзаемаадносінах з Расіяй. Рospуск з’езда, на думку даследчыкаў, падштурхнуў беларускую нацыянальную дэмакратыю, у большасці сацыялістычную, на шлях адкрытай барацьбы з Савецкай уладай.

Гэту тэматыку даследуе і М.Касцюк [15, с.53]. Раскрываючы сутнасць таталітарнай формы кіравання, ён лічыць, што разгонам Усебеларускага з’езда была зроблена сур’ёзная заяўка не толькі на ўсталяванне дыктатуры пралетарыята, але і на яе перарастанне ў аўтарытарнае праўленне.

У 2001 г. выйшла новая праца С.Рудовіча [16, с.166-189]. Яна прываблівае шырынёй ахопу, глыбінёй даследавання, рэгулярнімі апеляцыямі да дакументаў і ўспамінаў удзельнікаў падзеі. Даследчык пачынае з таго, што пашырае кола магчымых цэнтраў па падрыхтоўцы Усебеларускага з’езда. Разам з Вялікай Беларускай Радай і Беларускім Абласным Камітэтам называе таксама Беларускую Народную Грамаду ў Маскве і Краёвае арганізацыйнае бюро. Наяўнасць чатырох палітычных цэнтраў, на думку даследчыка, сведчыла аб надзённасці пытання самавызначэння Беларусі. Але тут трэба адзначыць не надзённасць, а перш за ўсё адсутнасць адзінства ў беларускім нацыянальным руху. І гэтае рознаголосце, на думку аўтара, яскрава прасочваецца ў матывацыі склікання з’езда. Ён, як У.Ладысеў і П.Брыгадзін, не пагаджаеца з большасцю даследчыкаў

наконт даты адкрыцця з'езда. Палемізуючы на старонках манаграфіі з І.Ігнаценка, уважліва даследуючы справаздачу Я.Ярушэвіча і паведамленні іншых газет у тыя дні, прыходзіць да высновы, што ніякага перапынку паміж 7 і 14 снежня ў працы з'езда не было. Зноў жа ў палеміцы з І.Ігнаценка і В.Круталевічам высявляе колькасны склад левай фракцыі. С.Рудовіч лічыць, што ў савецкай гісторыяграфіі замоўчваўся той факт, што значная частка дэлегатаў мела прабальшавіцкія настроі, бо інакш цяжка было апраўдаць разгон з'езда заходнефрантавымі бальшавікамі. Даследчык робіць акцэнт на патрыятызме беларускіх бальшавікоў, што з'явілася галоўнай перашкодай на шляху блакавання левай фракцыі. Не пагаджаецца аўтар і з іншымі стэрэатыпамі савецкай гісторыяграфіі аб узурпацыі з'ездам улады. Наадварот, лічыць С.Рудовіч, апошні разглядаўся толькі як часовы. Але, нягледзячы на ўсе цяжкасці, з'езд з'явіўся першым у гісторыі прадстаўнічым форумам беларускай этнасацыяльнай супольнасці і канчатковая сцвердзіў факт існавання беларускага народа.

Наступныя падзеі аднастайнай ацэнкі не атрымалі. У сваіх далейшых даследаваннях М.Сташкевіч разам з Р.Платонавым [17, с.132] акцэнтуюць увагу на трох харкторыстыках, адлюстроўваючых заканчэнне з'езда: «роспуск» — у СНК Заходній вобласці, «разгон» — у Савета Усебеларускага з'езда, «закрыцце» — у паведамленнях прэсы. Але самі аўтары называюць гэтую акцыю гвалтоўным разгонам, прычынай чаму, на іх погляд, паслужыла непрызнанне ўдзельнікамі з'езду існуючых органаў Савецкай улады на тэрыторыі Беларусі.

У апошнія часы даследчыкі началі больш надаваць увагі ня толькі фактам і лічбам, адказваючы на пытанні «што?», «дзе?», «калі?», а рабіць акцэнты на больш глыбокіх прычынах, якія б адказвалі на пытанне «чаму?» і дапамагалі б зразумець прыроду той ці іншай з'явы знутры. Адным з такіх важных у дачыненні да беларускага руху з'яўляецца пытанне нацыянальной палітыкі. І сапраўды, чаму бальшавікі, якія лічылі, што права нацый на самавызначэнне — адна з галоўных заваёваў Кастрычніка, разагналі Усебеларускі з'езд?

Гісторыкі не раз над гэтым разважалі. І.Ігнаценка ў адным з сваіх артыкулаў засяроджвае ўвагу на супяречнасцях у ажыццяўленні нацыянальной палітыкі з боку бальшавікоў [18, с.15]. Апошняя, лічыць даследчык, упусцілі магчымасць устанаўлення саюза паміж партыямі, адзінства ў грамадстве. Гісторычная слабасць бальшавікоў, на яго думку, заключалася ў tym, што яны ніколі не ішлі на кампроміс, які разумеўся імі не як узаемны ўступкі, а як уступкі толькі з аднаго боку — процілеглага. Яны дабіваліся, каб толькі іх думка мела права на жыццё. Вось гэта і прывяло да гвалтоўнага роспуска Першага Усебеларускага з'езда.

Сапраўды, можа скласціся ўражанне, што ў бальшавікоў не было падставы разганяць з'езд. Даследчык А.Сідарэвіч так прама і кажа, што з'езд не быў супраць Савецкай улады [19, с.114]. У якасці доказаў ён прыводзіць тыя факты, што, па-першае, з'езд выказаўся за перадачу зямлі сялянам без выкупу і ўстанаўленне рабочага кантролю ў прамысловасці і гандлі. Па-другое, на ім прысутнічала моцнае рэвалюцыйнае ядро — бежанцы, салдаты, камуністы. Па-трэцяе, дэлегаты з'езда выказаўся за самавызначэнне і перадачу ўлады Саветам сялянскіх, салдацкіх і рабочых дэпутатаў. Адным словам, дэлегаты не зрабілі нічога з таго, што магло бы супярэчыць палітыцы бальшавікоў па ажыццяўленню сацыялістычных заваёваў. Па сутнасці, на Першым Усебеларускім з'ездзе практычна былі рэалізаваны дагэтуль тэарытычна выказваемыя лозунгі.

Нацыянальная палітыка бальшавікоў не давала магчымасці рэалізаваць планы па дзяржаўнаму будаўніцтву ў літаральным яго разуменні.

Як справядліва заўважае В.Круталевіч [11, с.14], пераўтварэнні ў нацыянальной сферы павінны быті быць падпрадкаваны мэтам умацавання дыктату-

ры пралетарыята ў Расіі пад сцягам сусветнай сацыялістычнай рэвалюцыі. Аўтар падкрэслівае, што дэклараўаны прынцып нацый на самавызначэнне зусім не азначаў яго неадкладную аўтаматычную рэалізацыю. Да таго ж кіраўніцтва Заходняй вобласці лічыла, што ўзнікшыя ў ходзе рэвалюцыі абласныя адміністрацыйна-тэрытарыяльныя формы цалкам адпавядалі патрабаванням часу. Разам з гэтым, робіць акцэнт даследчык, у беларускім нацыянальным руху існавалі супяречнасці па пытанню самавызначэння. Беларусы, у аснове сваёй сяляне, адхілялі буржуазнае самавызначэнне, у той час як будаўніцтва савецкай дзяржавы для іх было непрыхільнім, бо сяляне па сутнасці — гэта дробныя ўласнікі, і сацыялістычныя ідэі, разлічаныя на працоўных, «якім, акрамя сваіх ланцугоў, няма чаго губляць», былі для іх незразумелыя. Бальшавікі ў сваю чаргу залог узаемаадносін Беларусі і Расіі бачылі не ў нацыянальным адасабленні, а ў адзінстве беларускіх працоўных з працоўнымі ўсёй Расіі. Такім чынам, у іх быў асаблівы спецыфічны падыход да нацыянальна-дзяржаўнага самавызначэння, заснаваны на прынцыпах пралетарскага інтэрнацыяналізма, дзе не павінна было існаваць нацыянальных прывілеяў і абмежаванняў.

Даследуе пытанні гэтага кшталту і М.Сташкевіч [20, с.153]. Спрабуючы разбарацца ў стракатаці беларускага нацыянальнага руху і ўзаемаадносінах беларускіх партый да савецкай улады, аўтар падрабязна выкладае пазіцыю І.Сталіна па нацыянальнаму пытанню. Так, кажа гісторык, ні Ленін, ні Сталін, ні СНК не былі супраць самавызначэння нацыянальных ускрайн былой царскай Расіі. Больш того, нельга забываць, што СНК не быў супраць Усебеларускага з’езду і нават выдзеліў на яго правядзенне неабходныя сродкі. АЛЕ! Тут ёсьць адна маленькая няўвязка, і аўтар робіць на ёй акцэнт. Даючы дазвол на правядзенне Усебеларускага з’езда, у Наркамнацыі лічылі, што ён прыме пастанову аб самавызначэнні Беларусі на савецкай аснове. Гэта адбылося з прычыны недацэнкі нацыянальнага пытання. У гэтых адносінах не лішне яшчэ раз успомніць, што пабудова савецкай дзяржавы мела ў сваёй аснове ідэю сусветнай пралетарскай рэвалюцыі, дзе галоўнай задачай было не ўтварэнне новых нацый, а знішчэнне старых нацыянальных асаблівасцей. Таму, і аўтар гэта падкрэслівае, у планах савецкіх партыйных кіраўнікоў самавызначэнне Беларусі не павінна было пайсці далей Заходняй вобласці і адміністрацыйнай адзінкі ў складзе РСФСР — першапачатковай аснове сусветнай рэвалюцыі. Яны нават і не думалі, што можа быць інакш, што ў беларускага народа хопіць нацыянальной самасвядомасці жадаць большага. І толькі тады, калі стала зразумела, што беларускія арганізацыі адважыліся патрабаваць аўтаноміі, калі ў прынятай з’ездам рэзалюцыі было абвешчана аб утварэнні новай краёвай улады, што ў сваю чаргу сведчыла аб недаверы раней утворанаму Аблывянкам заху, бальшавікі затурбаваліся. Да таго ж абраны дзяржаўны лад — рэспубліка — у большай ступені адпавядаў буржуазнаму ўладкаванню, чым дыктатуры пралетарыята. Як лічыць М.Сташкевіч, менавіта пралікі бальшавікоў па нацыянальнаму пытанню садзейнічалі таму, што меўшаяся на з’ездзе левая фракцыя, якая магла ўзяць ініцыятыву ў свае рукі, гэтага не зрабіла. А прадстаўнікі Рады і БАК, як бы не адрозніваліся былі іх пазіцыі па пытанню дзяржаўнага ўладкавання Беларусі, у патрэбны момант змаглі адкінуць супяречнасці, аб’яднаць намаганні, і, захапіўшы лідарства на з’ездзе, павесці за сабой апошні. Як указвае даследчык, абазнанчыўшаяся ядро з’езда выразіла недавер Савецкай уладзе перш за ўсе таму, што апошняя, на іх думку, праводзіла бяздушную палітыку бальшавісцкага цэнтралізму, якая, маўляў, мала чым адрознівалася ад палітыкі царызму. І гэтыя абставіны, натуральна, не маглі не выклікаць адпаведную рэакцыю з боку бальшавікоў.

Такім чынам, з вышэй сказанага можна зрабіць выснову аб прычынах няўдач у ажыццяўленні нацыянальнай палітыкі на Беларусі. Самая галоўная — гэта

недаацэнка нацыянальнага пытання з боку бальшавікоў. Па сутнасці, яны самі сябе загналі ў вугал. На першы погляд, адным з галоўных лозунгаў Каstryчніка было дэклараванне права нацый на самавызначэнне, з другога боку, будаўніцтва нацыянальных дзяржав лічылася перажыткам буржуазнага мінулага. Як бы само сабой падразумевалася, што самавызначэнне адбудзеца па савецкаму ўзору, г.зн. без нацыянальных межаў. Вось чаму СНК не стаў перашкаджаць правядзенню Усебеларускага з'езда і адкрыта весці барацьбу супраць ВБР, каб не парушаць «Дэкларацыю правоў народаў Расіі». Бальшавікі паспрабавалі дзейнічаць дыпламатычным шляхам — знайшлі процівагу ў абліччы БАКА. Недаацэнка заключалася яшчэ і ў тым, што апошнія перабольшылі магчымасці простых людзей зразумець такія высокія касмапалітычныя ідэі, як сусветная рэвалюцыя.

Разам з тым не трэба ва ўсіх недарэчнасцях абвінавачваць выключона бальшавікоў. Гэтая тэндэнцыя была характэрна для шэрагу даследаванняў апошняга часу, а таксама прац гісторыкаў беларускай эміграцыі. Гэта — іншая крайнасць. Да аўтараў дадзенага напрамку можна аднесці Я.Запрудніка [21, с.81-83], Ю.Весялкоўскага [21, с.115-125], А.Сідарэвіча [19], А.Калубовіча [21] і інш. У адносінах да з'езду іх погляды мала чым адрозніваюцца. Яны такія ж аднабаковыя і нецярпімыя, як і ў даследчыкаў савецкай афіцыйнай гісторыяграфіі. Толькі вони тут не прадстаўнікі беларускага нацыянальнага руху, а бальшавікі, сам з'езд — не змова жменькі нацыяналістаў, а волевыяўленне беларускага народа, а яго заканчэнне — не роспуск, а гвалтоўны разгон.

Так, бальшавікі гвалтоўна разагнали Усебеларускі з'езд, яны не стрымалі сваіх абязцянняў і зрабілі гэта не толькі ў адносінах да беларускага народа. Але не трэба забываць і той факт, што беларускі народ у большасці сваёй быў пазбаўлены нацыянальнай свядомасці, напрач адбітай шматекавым нацыянальным прыгнётам і перацягваннем беларусаў з польскага каталіцкага ў рускі праваслаўны лагер. Самавызначыцца ў падобных умовах, ідэнтыфікаваць сябе па нацыянальных прыметах, абазначыць свае карані вельмі цяжка, а каб быць больш аб'ектуальным, то практычна немагчыма. І бальшавікі, і прадстаўнікі дробнабуржуазных партый адной з галоўных задач ставілі бязвыплатную і неадкладную перадачу сялянам усёй зямлі. Але большую лаяльнасць апошнія прайвілі ўсё ж такі ў адносінах да бальшавікоў. Чаму? Ды ўсё тому ж, што сялянам не хапіла гэтай самай нацыянальнай самасвядомасці, патрыятызму. І патрабаванні беларускіх нацыяналістаў аб аддзяленні Беларусі ад Расіі, хай не зусім, а нават у якасці аўтаноміі, адштурхнулі іх ад незалежнікаў.

Вярнуцца хаця б да сведчанняў сучаснікаў. Адзін з іх — М.Краўцоў (прыхільнік нацыянальнага адраджэння) успамінаў [22, с.11], што на адчыненні з'езда сяляне разам з іншымі дэлегатамі ўзнёсла пелі беларускую марсельезу і віталі кожнае новае прынятае рашэнне наконт лёсу сваёй Айчыны, а калі ўварваліся бальшавікі і началі арыштоўваць удзельнікаў з'езда, з халопскай пакорнасцю малілі і прасілі, каб іх выпустілі, «бо яны, быццам, ня ведаюць, што тут робіцца....». Немагчыма дасягнуць незалежнасці, калі сам народ гэтага не жадае, бо толькі ў барацьбе можна адстаяць свае правы.

У.Казлякоў лічыць, што пэўную долю адказнасці павінны несці і некаторыя беларускія неанароднікі, асаўстыя амбіцыі якіх таксама не далі магчымасці выпрацаваць неабходны кампраміс [23, с.121].

Такім чынам, з вышэй сказанага можна зрабіць наступную выснову. Айчынную гісторыяграфію па даследаванню дадзенай тэмы можна падзяліць на два перыяды: савецкі і пасляперабудовачны. Для першага характэрна негатыўнае стаўленне да Усебеларускага з'езда, выклікане аднабаковасцю і суб'ектыўізмам савецкай ідэалогіі, тады як для другога — больш памяркоўны падыход да

разгляду падзеяў, звязаных з беларускім нацыянальным рухам. Выданне вышэй названых прац дазволіла раскрыць далёка не ўсе пытанні тэмы. Як адзначыў В.Скалабан, дарэчы, адзін з галоўных даследчыкаў гэтай тэмы, які нават па-спрабаваў даць яе гісторыяграфічны агляд, існуе магчымасць падрыхтоўкі спецыяльнага зборніка дакументаў і матэрыялаў пра з’езд [24, с.75]. Але на сённяшні дзень у беларускай гісторыяграфіі яшчэ няма грунтоўнага навуковага даследавання па Першам Усебеларускаму з’езду.

1. Усебеларускі з’езд 1917 года: сведчанне сучасніка / Падрыхтаваў да друку В.Скалабан // Беларускі гісторычны часопіс. — 1993. — № 1. — С.62-69, № 2. — С.42-55, № 3. — С.61-69, № 4. — С.50-62.

2. Езявітаў К. Першы Усебеларускі кангрэс / Прадмова У.Міхнюка, Я.Паўлава // Беларуская мінуўшчына. — 1993. — № 1. — С.24-29.

3. Запруднік Я. Да першага Усебеларускага з’езду 1917 году: Дакументы і матэрыялы // Запісы (Мюнхен). Кн.2. — 1963. — С.181-204; Кн.3. — 1964. — С.131-176; Кн.4. — 1966. — С.217-247. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі / Укладанне, падрыхтоўка тексту, уступны артыкул, каментары, пераклады, паказальнікі, камп'ютарны набор, макет С.Шулы. — Т.1. — Кн.1. — Вільня; Нью-Ёрк; Менск; Прага. — 1998. — С.15-38.

4. Кречевскій П. Кто был на 1-м Всебелорусском съезде // Варта. — 1918. — № 1. — С.34-35; Яго ж. Беларусь у минулым і сучаснім // Замежная Беларусь: Зб. Гісторыі, культуры і эканомікі. — Кн.1. — Прага, 1926. — С.52; Яго ж. Мандаты БНР // Спадчына. — 1993. — № 1. — С.2-3; Канчэр Е. Из истории общественных, национальных и революционных движений белорусов. Часть 2. Выпуск 1. // Неман. — 1993. — № 1. — С.138-164; Цвікевіч А. Краткий очерк возникновения Белорусской Народной Республики. — Киев, 1918. — С.9; Галынец А. [Цвікевіч А.] Чатыры гады: 1918-25.Ш.1922 // Спадчына. — 1996. — № 3. — С.140-141; Касцевіч М. [Краўцоў М.] Разгон (Успамін). 20 гадоў назад (Успамін пра Усебеларускі з’езд 1917 г.) / Прадмова і падрыхтоўка да друку А.Гесь // Спадчына. — 1996. — № 1. — С.181-195; Яго ж Усебеларускі з’езд 1917 г. (рэферат, чытаны ў Лодзі для афіцэрскай Беларускіх Вайсковых Аддзелаў і служачых Беларускай Вайсковай Камісіі 27 кастрычніка 1920 г.) / Прадмова і публікацыя В.Скалабана // Наша Ніва. — 1997. — № 30. — 20 кастрычніка. — С.6, 11; Варонка Я. Беларускі рух ад 1917 да 1920 году. — Коўна, 1920. — 29 с.; Гарун А. [Новадворскі А., Прушынскі А.] З цяжкім возам на гнілой грэблі // Літаратура і мастацтва. — 1991. — 8 лістапада; Яго ж. Беларускі кангрэс: матэрыялы і дакументы // Роднае слова. — 1997. — № 8. — С.200-207; Жылуновіч З. [Гартны Ц.] Беларускія секцыі РКП і стварэнне Беларускай Савецкай Рэспублікі // Польмія. — 1928. — № 10. — С.77; Езявітаў К. Першы Усебеларускі кангрэс // Беларуская мінуўшчына. — 1993. — № 1. — С.24-29; Кнорын В. Камуністычнае партыя на Беларусі // Беларусь: Нарысы гісторыі, культуры і рэвалюцыйнага руху. — Мн., 1924. — С.218; Чарвякоў А. За Савецкую Беларусь. — 1927. — С.218.

5. Турук Ф. Белорусское движение: Очерк истории национального и революционного движения белорусов. — М.: Госиздат, 1921. — 144 с.

6. Канчэр Е. Из истории общественных, национальных и революционных движений белорусов. Часть 2. Выпуск 1 // Неман. — 1993. — № 1. — С.138-164.

7. Чарвякоў А. Я ніколі не быў ворагам: Выбр. арт. і прамовы. Успаміны сучаснікаў / Склад. В.Мыслівец. — Мн.: Беларусь, 1992. — 183 с.

8. Каменская Н. В. Первые социалистические преобразования в Белоруссии (25 октября 1917 г. — июль 1919 г.). — Мн.: Акад. Наук БССР, 1957. — 279 с.; Её же. Великий Октябрь в Белоруссии. — Мн.: Наука и техника, 1977. — 80 с.; Маргунский С.П. Создание и упрочение белорусской государственности. 1917-1922. — Мн.: Акад. Наук БССР, 1958. — 259 с.; Завалеев Н.В. Рабочий класс Белоруссии в борьбе за социализм. 1917-1932. — Мн.: Наука и техника, 1967. — 316 с.; Гневко В.Г. Под знаменем революции: Борьба трудящихся Белоруссии за установление Советской власти. — Мн.: Беларусь, 1977. — 239 с.; Победа Советской власти в Белоруссии. — Мн.: Наука и техника, 1967. — 507 с.

9. Игнатенко И.М. Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917-1918). — Мн.: Изд-во высш., сред.-спец. и проф.обр-ния БССР, 1962. — 498 с.

10. Савчук Е.Ф. Борьба Советской власти против контрреволюционной деятельности белорусских буржуазных националистов (октябрь 1917 — декабрь 1918 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Мн, 1917. — 28 с.; Рудович С.С. Белорусское национальное движение в период Февральской буржуазно-демократической и Великой Октябрьской социалистической революций: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Мн, 1987. — 20 с.; Сташкевіч М.С. Непазбежнае банкротства: з гісторыі палітычнага краху нацыяналістычных партый у Беларусі (1917 — 1925 гг.). — Мн.: Голос Радзімы, 1974. — С.24-27.

11. Круталевич В.А. Рождение Белорусской Советской Республики / На пути к провозглашению республики. Октябрь 1917 — декабрь 1918. — Мн.: Наука и техника, 1975. — 336 с.; Его же. История Беларуси: становление национальной державности (1917 — 1922 гг.). Серия: «История Отечества», приложение к журналу «Право и экономика». — Мн., 1999. — 388 с.
12. Игнатенко И.М. Октябрьская революция и самоопределение Белоруссии. — Мн.: Наука и техника, 1992. — 254 с.
13. Ладысёў У.Ф., Брыгадзін П.І. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917 — 1920). — Мн.: БДУ, 1999. — 128 с.
14. Становление и крушение однопартийной системы в СССР / Под общ. ред. Э.М.Энтина. — Гомель: Техническая книга, 1995. — 506 с.
15. Касцюк М. Бальшавіцкая сістэма ўлады на Беларусі. — Мн.: Экаперспектыва, 2000. — 308 с.
16. Рудовіч С. Час выбару: Проблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. — Мн.: Тэхнаглорыя, 2001. — 201 с.
17. Платонов Р., Сташкевич Н. Тернистый путь к свободе // Неман. — 1992. — № 10. — С.129-155.
18. Игнатенко И. Эхо Октября // Беларусь. — 1997. — № 11. — С.15-16.
19. Сидоревич А. Антон Луцкевич: главы из книги // Неман. — 1990. — № 7. — С.91-166.
20. Сташкевіч М. На зломе часу: да пытання аб беларускай дзяржаўнасці // Маладосць. — 1989. — № 8. — С.150-163.
21. Запруднік Я. Беларусь на гістарычных скрыжаваннях. — Мн.: Бацькаўшчына, 1996. — 326 с.; Весялоўскі Ю. Беларусь у Першай сусветнай вайне (Гіст. нарыс). — Беласток; Лондан. — 1996. — 361 с.; Калубовіч А. Рэха 1-га Усебеларускага кангрэсу на Захадзе // Крокі гісторыі. — Беласток: Гамакс; Вільня: Наша Ніва; Менск: Мастліт., 1993. — 288 с.
22. Краўцоў М. Усебеларускі з'езд 1917 г. // Наша Ніва. — 1997. — 20 кастрычніка. — С.6, 11.
23. Козляков В. Идеи социализма и белорусское национальное возрождение // Беларуская думка. — 1996. — № 2. — С.114-124.
24. Скалабан В. Усебеларускі з'езд 1917 года: перспектывы вывучэння // Białoruskie Zeszyty Historyczne. — Białystok. — 2001. — № 15. — С.63-75.

Поступила в редакцию 01.04.2002 г.

This article deals with the history of Belarusian national movement in 1917 in works of Belarusian historians. It The First Belarusian Congress is described, in particular, as one of the main events in the creation of the stateship. The historiography of this problem was bound with that circumstance, that historical science was always exposed to influence of ruling regime in the country. That is why when the communists were in power in Byelorussia, the national movement was considered as criminal. Gaining of independence by Belarus leads to reconsideration of many aspects of our past.

Кулевич Инна Ростиславовна, аспирант кафедры истории Беларуси ГрГУ им. Я.Купалы. Научный руководитель — профессор, кандидат исторических наук И.И.Ковель.

УДК 947.6

В.Н.Лінкевіч

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БЕЛАРУСИ В 60-е ГОДЫ XIX В.

В статье рассматриваются положение и взаимоотношения конфессиональных групп Беларуси в 1860-е годы. На основании анализа архивных документов и фактического материала, содержащегося в работах отечественных и зарубежных исследователей автор пришел к выводу, что решающее влияние на конфессиональную ситуацию в регионе в этот период оказало польское восстание 1863 г. Связанные с ним общественные потрясения в Беларуси и Литве не только осложнили межконфессиональные отношения, но и привели к серьезному изменению конфессиональной политики и состояния основных вероисповедных групп.

Большое влияние на историческую судьбу белорусского народа оказало развитие и доминирование в Беларуси в различные времена разных христианских вероисповеданий (православие, униатство, католицизм). Отношения между пред-

стителями этих конфессий складывались довольно сложно и противоречиво, что было обусловлено как разногласиями между ними в области религиозной доктрины и культа, так и различной политической ориентацией духовенства и верующих этих вероисповеданий. Если католический костел служил проводником польской культуры в Беларуси, то православная церковь выступала активной поборницей упрочения здесь русских начал. Поэтому конфессиональная ситуация в регионе напрямую зависела от важнейших политических событий. Те или иные политические потрясения либо изменения в политике правящего режима в той или иной мере оказывали воздействие как на положение конфессий в обществе, так и на их взаимоотношения.

Заметно повлияло на конфессиональную ситуацию в Беларуси и польское восстание 1863-1864 гг., которое охватило значительные территории польских и белорусско-литовский земель. Это событие не оставило в стороне ни одну из конфессий. В той или иной степени оно затронуло духовных лиц и верующих как христианских, так и нехристианских вероисповеданий. Однако, в первую очередь, происходящее сказалось на положении и взаимоотношениях двух христианских конфессий — православной и католической, представители которых встали, за редким исключением, на противоположные позиции по отношению к восстанию.

Что касается отношения православной части белорусского общества к восстанию, то оно было преимущественно негативным. Еще 19 декабря 1861 г. глава Литовской православной епархии Иосиф (Семашко), предвидя грядущие события, направил духовенству секретное «предписание». Обратив внимание на то, что «польской партией» возбуждается смута, митрополит Иосиф призвал православное население (и прежде всего бывших униатов) не вступать в какие-либо отношения с восставшими и предлагал информировать его обо всех происшествиях. «...Злонамерные люди, — говорилось в документе, — ceют неправду и между православными, стараясь сорвать их с пути истины, смущают их ложными вестями и внушениями... Нам указывают на Польшу... Но какое дело нам до Польши... Мы родились в России, присягали на верность русскому царю. Нас страшат поляками!.. Не потому ли, чтобы напомнить нам вековые страдания отцов наших, присоединившихся, быть может, доверчиво вместе с Литвой к Польше? Как будто была, или даже могла быть, униатская вера. Как будто уния не была лишь приманкой для отклонения отцов наших от России и от истинно православной восточной церкви? Не была ли эта злосчастная уния орудием тяжких терзаний и гонений, которые испытали наши предки в течении 300 лет?» [1, с. 43-46].

Обращение Литовского митрополита было с пониманием встречено как православными священнослужителями, так и прихожанами. Не случайно, что в восточных губерниях Беларуси, где православное население преобладало, а число католиков было незначительным, восстание не получило сколько-нибудь серьезного размаха. Местное население в Могилевской, Витебской, а также в отдельных уездах Минской губернии оказывало помощь властям в борьбе с повстанцами. Известно немало случаев, когда крестьяне вместе с войсками совершали нападения на повстанческие отряды, ловили и отдавали властям отставших и раненых повстанцев [2, с. 117; 3. Ф. 296. Оп. 1. Д. 32. Лл. 16-18].

Все попытки со стороны руководства восстания привлечь на свою сторону православных оказались неудачными. О чем убедительно свидетельствует, в частности, реакция воспитанников Литовской духовной семинарии на возвывание повстанческого правительства, в котором содержался призыв к семинаристам оказать содействие восстанию. Сам факт обращения повстанцев к ним они сочли большой обидой для себя и в знак протesta решили не употреблять польский язык в разговорах друг с другом. Семинаристы также выступили со специальным

заявлением, в котором говорилось, что православное духовенство сохранит свою преданность царю, православной вере и Отечеству и не пойдет за изменниками [1, с. 467-468].

Иную позицию по отношению к восстанию заняли католики, большая часть которых либо приняла участие в восстании, либо сочувственно отнеслась к его целям. Оценивая роль, которую сыграло католическое духовенство в восстании 1863 года, генерал-губернатор Северо-Западного края граф М.Н.Муравьев отмечал: «Римско-католическое духовенство, разжигая вначале народные страсти и содействуя тайно мятежу, дерзнуло наконец стать открыто во главе восстания; римско-католические монастыри, прикрываясь недоступностью светскому контролю, сделались центром революционной организации и пропаганды.» [4, с. 2]. О том, что католическое духовенство было основной идейной силой восстания писали в те годы многие отечественные историки и публицисты (П. Брянцев, М. Коялович, А. Миловидов и др.).

Католическое население и в особенности католическое духовенство и дворянство, не оставлявшие надежд на возрождение рухнувшей Речи Посполитой, сожалевшие об утраченных привилегиях и мечтавшие об упрочении своего влияния, приняли самое непосредственное участие в подготовке и осуществлении восстания 1863 г. Деятельность эта началась в белорусских костелах в начале 60-х гг. С 1861 года в костелах систематически происходили торжественные богослужения, крестные ходы, пение польских патриотических гимнов и собирание «оффаря» (пожертвований деньгами и вещами) на дело восстания. В костелах произносились проповеди против России, русского правительства и православной церкви [5, с. 26-36; 17]. Когда началось восстание, в начале 1863 г., многие католические священники открыто в костелах озвучивали манифесты центрального революционного комитета и призывали прямо с амвона крестьян к борьбе против правительенных сил [5, с. 35]. Несмотря на то, что 31 января 1863 г. Виленский римско-католический епископ Красинский предписал, «дабы священники никаких решительно оглашений в церкви без разрешения епархиального начальства объявлять не осмеливались», агитационно-пропагандистская деятельность католических священнослужителей в поддержку восставших продолжалась. Наряду с этим отдельные священники оказывали материальную помощь восставшим и принимали участие в деятельности повстанческих органов. Например, священники Козловский, Гинтаут и Зарижский входили в состав Гродненской революционной организации [5, с. 47; 6, с. 634]. О своей поддержке восстания заявил и папа римский. Более того, папа тайно направил в Польшу и Беларусь специальную секретную булу, которая освобождала католиков от присяги царю [3. Ф. 561. Оп. 1. Д. 5448. Лл. 15].

Были среди католических иерархов и те, кто осудил восстание. Однако таких было значительно меньше, главным образом — представители высшего духовенства. Среди привлеченных к ответственности 265 священнослужителей лишь 4 были из высшего духовенства [7, с. 141]. Не случайно, что после того как стало очевидно, что массовое восстание не удалось, высшее католическое духовенство обратилось к населению католического вероисповедания с призывом сложить оружие и подчиниться законному правительству. 13 сентября 1863 г. Виленская римско-католическая консистория решила «сделать циркулярное распоряжение на польском языке по всей епархии о призвании народа к горячим молитвам с чистосердечным раскаянием и просьбой у Господа Бога положить конец этим несчастьям и установления мира...» [8, с. 62].

Что касается иных конфессий и их духовных лиц, то они либо негативно отнеслись к восстанию, либо предпочитали не вмешиваться в ход событий. На-

пример, старообрядцы, несмотря на непримиримое отношение к царским властям и официальному православию, заявили о своей верности истинно русскому духу. Во время восстания идейные руководители старообрядцев — старообрядцы Рагожского кладбища и беспоповцы Преображенской церкви — прислали «верноподданические адреса» [9, с. 370]. Это свидетельствует о том, что верующие данной конфессии не поддержали восставших.

Мусульманское население Беларуси и их духовные лица во время восстания сохраняли нейтралитет. Отдельные представители данной конфессии сочувствовали восставшим, но активных действий не предпринимали.

Что касается еврейского населения, исповедавшего иудаизм, и их духовных лиц, то они, в отличие от евреев Польши, принявших активное участие в революционных событиях, за редким исключением (распространение среди крестьян возвзываний ксендзов, донесения восставшим о движении русских войск), не принимали участия в восстании, и даже не сочувствовали ему. В отдельных случаях иудеи оказывали помощь властям в поимке повстанцев [4, с. 19].

Таким образом, главными действующими лицами восстания 1863 г. в Беларуси были католическая и православная конфессии, их верующие и священнослужители. Вражда и противоречия, которые издавна существовали между ними, сейчас, в экстремальной ситуации, вспыхнули с новой силой. Свидетельством этого стали произошедшие в ходе восстания жестокие расправы над священнослужителями обеих конфессий. Еще 5 апреля 1862 г. римско-католическое духовенство Польши направило возвзвание к православному духовенству Беларуси и Литвы, в котором говорилось: «Не волнуйте сельских жителей, мы вам приказываем, потому что знаем о ваших злых и тайных умыслах, поступайте с народом благоразумно, внушайте ему любовь к ближнему, потому что мщение поляков за свою веру ужасное» [5, с. 47]. Вскоре эти угрозы были приведены в действие. Наряду с нанесением оскорблений православным священникам, их нередко приуждали подписывать от имени неграмотных крестьян разные возвзвания, присутствовать во время приведения ксендзами к присяге повстанческому правительству православных крестьян, чтения манифеста восставших на польском языке и т.д. [10, с. 263].

Происходили и убийства священников. Назовем наиболее «громкие» из них. В ночь с 22 на 23 мая 1863 г. был убит настоятель православной церкви в м. Сураж Гродненской губернии Прокопович. Еще за несколько недель до прихода восставших на улицах местечка были разбросаны угрожающие прокламации; на дверях домов православных жителей появились изображения виселиц с надписью — кто из жителей будет казнен. 23 мая «мятежники» ворвались в дом священника, избили его жену, сына и дочь, учинили погром. Когда нашли священника Прокоповича, «вытащили его во двор, рвали его за волосы, били ружьями и дубинами», потом убили и повесили [10, с. 263]. 23 мая 1863 г. был также убит отец Конопосевич — священник в м. Богушевичи Игumenского уезда Минской губернии, 3 июля — отец Рапацкий, священник в д. Котры Пружанского уезда Гродненской губернии [10, с. 262]. Всего же от рук повстанцев пострадало, по некоторым сведениям, более 70 православных священнослужителей [13. Ф. 1. Оп. 22. Д.1569].

Расправы над православными священнослужителями привели к росту антикатолических и антипольских настроений среди православного населения и его духовных лиц. Об этом, в частности, свидетельствовало решение духовенства Брагинского благочиния Речицкого уезда Минской губернии. На прошедшем 17 декабря 1863 г. собрании «священники всего благочиния... единодушно постановили: 1) Искоренять в домах прихожан, а тем более в домах духовенства, если будут замечены, польские книги, не в духе православия, а также и польской

и иностранной кисти иконы и картины, не согласные с православно-византийским стилем... 3)... Отныне никому из духовных, ни под каким предлогом, не говорить по-польски, даже с ближайшими соседями и друзьями...». Такого рода настроения не были единичными.

Среди католических священнослужителей также были жертвы. Первой из них стал ксендз-викарий Ишора (Лидский уезд), который был приговорен к расстрелу за чтение манифеста национального польского правительства и сотрудничество с восставшими. Всего же в Беларуси и Литве убиты восемь католических священников [8, с. 62].

Восстание 1863 года закончилось поражением. Одним из его результатов стали серьезные изменения в конфессиональной политике и, как следствие этого, перемены в положении конфессий, в первую очередь — православной и католической.

Активное участие и поддержка восстания со стороны католиков вызвали соответствующую реакцию царских властей. Многие католические священники и монахи были осуждены, большое количество костелов и монастырей закрыто. Данные официальной статистики свидетельствуют о том, что за участие в восстании в белорусских губерниях были подвергнуты различным видам наказания 294 ксендза, из них 36 сосланы на каторжные работы, 25 — на поселение в Сибирь, 91 — во внутренние губернии, 104 — подвергнуты административным взысканиям [12, с. 95-98]. Кроме того, в течении 1864-1867 гг. в Виленской и Гродненской губерниях было ликвидировано 140 римско-католических храмов [8, с.65].

Упраздненные костелы в большинстве случаев передавались в ведение православной церкви. Так, в Гродненской губернии из 62 закрытых костелов и часовен 55 перешли в сферу православного ведомства [13. Ф. 1. Оп. 6. Д. 1643. Лл. 167; Ф. 97. Оп. 1. Д. 228. Лл. 22-24]. Учитывая то, что первоначально на месте многих из них были православные либо униатские храмы, которые впоследствии, во времена гонений на православие, были либо насильственно захвачены католиками, либо разрушены, православным населением эти меры правительства воспринимались положительно, поскольку речь шла, как отмечали отдельные исследователи церковной истории, о восстановлении здесь того, «что всегда было» [14, с. 10-11]. Понятна и реакция на такие действия католического населения. Несмотря на то, что в целом преобразование костелов в церкви проходило спокойно, тем не менее в ряде мест духовенство и верующие католической конфессии активно сопротивлялись этому [3. Ф. 43. Оп. 1. Д. 88; 18, с.62-63].

Одновременно с передачей храмов православным были приняты меры по возврату в православие «совратившихся» в католицизм. Нанесение ущерба авторитету костела в итоге восстания, энергичные действия православного духовенства и гражданских властей привели к тому, что за несколько лет после восстания из католичества в православие перешли в целом по Российской империи более 80 тыс. человек (в Виленской, Гродненской и Минской губерниях — почти 70 тыс. человек) [15, с. 51]. По этому поводу известный отечественный историк и публицист М. О. Коялович писал: «Перед этим поголовным русским православным походом латинство таяло как снег жаркой весной. В православие переходили не только совращенные в латинство из того же православия, но и совращенные давно из унии, даже целые приходы иногда с ксендзами во главе» [16, с. 132]. И несмотря на то, что в действительности все было гораздо сложнее, одно очевидно — ослабление позиций католического костела в белорусских губерниях.

В то же время позиции православной церкви на территории Беларуси значительно укрепились. Возросла численность православных храмов и прихожан, священнослужителей и монахов. Увеличилась поддержка со стороны правитель-

ства, в том числе и материальная помощь православному духовенству. Что касается остальных конфессий, то изменения в конфессиональной политике в белорусских губерниях их затронули в меньшей степени.

1. Литовские епархиальные ведомости за 1863 год. — Вильно, 1864.
2. Самбук С. М. Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX века. — Мин., 1980.
3. Национальный исторический архив Белоруссии в Минске.
4. Отчет графа М.Н.Муравьева по управлению Северо-Западным краем с 1 мая 1863 по 17 апреля 1865. — Вильно, 1865.
5. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863-1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 1. — Вильно, 1913.
6. Гончарук І.І. Да пытаннія аб ролі каталіцкай царквы ў вызваленчым руху Беларусі ў XIX ст. // Наш Радавод. — Кніга 4. — Гродна, 1992.
7. Зайцев В.М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). — М., 1973.
8. Канфесіі па Беларусі (к. XVIII-XX ст.). — Мн., 1998.
9. Русское православие: вехи истории. — М., 1989.
10. Гродненские епархиальные ведомости за 1901 год. — Гродно, 1902.
11. Литовские епархиальные ведомости за 1886 год. — Вильно, 1887.
12. Восстание в Литве и Белоруссии 1863-1864 гг. — М., 1965.
13. Национальный исторический архив Белоруссии в Гродно.
14. Скрынченко Д.В. Трагедия белорусского народа. — Мн., 1908.
15. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840-41 по 1890-91 гг. — СПб., 1897.
16. Литовские епархиальные ведомости за 1881 год. — Вильно, 1882.
17. Komar J. Grodzieńskie manifestacjy przed powstaniem styczniowym. — Warszawa, 1938.
18. Смалянчук А. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй: Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864-1917 г. / Пад рэд. С.Куль-Сальверставай. — Гродна: ГрДУ, 2001.

Поступила в редакцию 24.05.2002.

The status and the relation of the confessional groups of Belarus in the 1860-s are considered in this article. On the basis of the analysis of archive documents and factual material, contained in the works of both native and foreign explorers, the author came to the conclusion that the Polish Rebellion of 1863 exerted the decisive influence on the confessional situation in the region of that time. Social upheavals in Belarus and Lithuania connected with it did not only complicate the interconfessional relations but led to the serious changes in confessional policy and the status of the groups of faith.

Линкевич Виктор Николаевич, преподаватель кафедры истории славянских государств ГрГУ им. Я.Купалы.

УДК 947.6

Т.Б.Блинова

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ В БЕЛАРУСИ (КОНЕЦ XVI в. — 1820 г.)

В статье показаны основные типы документов, хранящихся в различных архивах, которые были использованы автором при изучении истории ордена иезуитов в Беларуси. Особое внимание обращается на ежегодные иезуитские каталоги, использованные в процессе исследования проблем педагогической деятельности этой монашеской организации.

Для изучения истории пребывания ордена иезуитов в Беларуси имеется большой круг документов. Источники, свидетельствующие о различных направлениях деятельности ордена иезуитов на территории Беларуси, отложились во многих архивах, рукописных отделах и отделах редких книг библиотек республик бывшего СССР и Республики Польша. Особенно богаты польские документальные хранилища, в частности, архивы Малопольской провинции «Общества Иисуса» и издательства «Apostolstwa modlitwy» в Кракове. Многие

из них позволяют решить ряд проблем, связанных с этой тематикой. Так, одной из важнейших является тема проникновения ордена иезуитов в Беларусь, а из нее вытекают и все остальные: культурно-просветительская, миссионерская и др. В этом отношении главное место среди всех изученных автором документов занимают ежегодные каталоги (*Catalogi breves*), предназначенные для секретного использования их в практической работе руководящими лицами ордена, главным образом генералов и провинциалов. Ежегодные каталоги находятся в архиве «Общества Иисуса» в Риме. Однако иезуиты — работники издательства «Apostolstwa modlitwy» и Краковской иезуитской коллегии — располагают полным перечнем этих источников в фотографиях, переснятых с оригиналов.

Они составлялись по каждой провинции. В начале каждого из них указывались фамилии провинциала и его секретаря, затем следовало перечисление в алфавитном порядке иезуитских организаций, расположенных на ее территории. Список иезуитов, находящихся в пределах каждой коллегии и резиденции, открывался фамилией ее ректора либо супериора. Потом по алфавиту приводились имена и фамилии ксендзов, или отцов, как это принято во всех монашеских объединениях католической церкви. Далее шли учителя (магистры), не бывшие еще ксендзами, и заканчивался список братьями, или коадъюторами, занимавшими низшую ступень в иерархической структуре ордена. Напротив каждой фамилии члена «Общества Иисуса» перечислялись должности, исполнявшиеся ими. Без этих данных ежегодных каталогов нельзя полно и глубоко изучить ни одну проблему, связанную с пребыванием иезуитов на территории Беларуси. Только в них можно обнаружить достоверные сведения о времени возникновения миссий, резиденций и коллегий. Даже в фундаментальном труде «Иезуиты в Польше» С.Заленского имеются многочисленные ошибки в датах их появления. Между тем все исследователи, работавшие над данной тематикой, пользовались этим трудом крупнейшего иезуитского ученого; и неверные сведения, сообщенные С.Заленским, кочевали из одной книги в другую.

Большинство историков XIX в. считали, что главным городом, куда первоначально были направлены значительные силы «Общества Иисуса», являлся Полоцк. Между тем сведения, содержащиеся в каталогах, позволяют сделать иное заключение. Исходя из численности членов ордена, направленных руководством «Общества Иисуса» в Полоцк и Несвиж, бывшим в конце XIX в. значительно меньшим по размерам по сравнению с Полоцком, Рим больше интересовался Несвижем — центром реформационного движения и главной резиденцией Радзивиллов. Полоцкая же коллегия по количеству иезуитов, работавших там на протяжении нескольких десятилетий, значительно уступала Несвижской.

Другим важнейшим источником для исследования указанной проблемы служат трехлетние каталоги — *Catalogi triennales* [4]. Каждый из них состоял из трех частей. *Catalogus primus* — первая часть трехлетних каталогов. В ней приведен полный список иезуитов с их краткой биографией, в которой указаны место и дата рождения, состояние здоровья, образование, полученное до вступления в «Общество Иисуса», а также число, месяц и год этого события в жизни членов ордена. Наряду с этими данными там названы дисциплины, изученные ими после того, как они связали свою судьбу с «Обществом Иисуса», наличие ученой степени, а также перечень иностранных языков, которыми они владели. Вторая часть трехлетних каталогов именовалась «*Catalogus secundus*». В ней имелась характеристика на иезуитов, работавших в пределах провинции. Она писалась либо провинциалом, либо ректором и их советниками. Если сведения, отраженные в «*Catalogus primus*», ни для кого из членов ордена не являлись секретом, то информация, отраженная в «*Catalogus secundus*», была тайной. Третья

часть этих документов — *Catalogus tertius* — посвящена экономическим вопросам состояния иезуитских учреждений. В ней отражены их доходы, расходы с указанием, на какие цели потрачены те или иные денежные суммы. В конце трехлетних каталогов помещались списки умерших иезуитов и перечень наиболее значимых произведений членов ордена, опубликованных в типографиях, расположенных не только в пределах провинции, но и за рубежом.

Следующая группа источников — это истории коллегий и резиденций, составлявшихся, как правило, профессорами риторики. Они существенно дополняют сведения ежегодных и трехлетних каталогов, т.к. в них отражены не только факты, имевшие место во внутренней жизни иезуитских организаций, но и события, происходившие в городе и его окрестностях, а также в государстве и соседних с ним странах. Эти документы следует разделить на три вида. К первому относятся дневники, в которых указаны наиболее значимые события, случившиеся в течение дня. К сожалению, автору исследования удалось обнаружить только два дневника, сохранившихся в фондах НГИА РБ в Минске.

Ко второму и третьему видам этих документов относятся *Litterae annuae* и собственно истории. *Litterae annuae* некоторое время печатались. В основе этих публикаций лежали ежегодные, а затем трехлетние отчеты, присылаемые с мест. *Litterae annuae* принадлежат к числу наиболее известных в ордене документов, уже использовавшихся в различных исследованиях, главным образом работах ученых XIX в., т.к. библиотека каждой иезуитской организации располагала ими, а после 1773 г. папа римский Климент XIV распустил «Общество Иисуса». В Восточной Беларуси, отошедшей к России после первого раздела Речи Посполитой, орден был сохранен, и в 1820 г. указом от 13 марта 1820 г. Александр I выслал иезуитов из пределов России.

Каково основное содержание *Litterae annuae*? Наряду с перечислением отцов и братьев, а также определением их должностей, в них отражен процесс формирования земельных и денежных богатств коллегий и резиденций. В этом виде документов большое внимание уделяется результатам миссионерской деятельности иезуитов с определением количества людей, перешедших в католицизм, строительству костелов или превращению православных храмов в униатские, работе учебных заведений, иногда с указанием численности учащихся, открытию музыкальных бурс, аптек и т.д. В *Litterae annuae* много места отведено описанию военных действий, проходивших на территории Беларуси. В «Историях...» отражена картина страшных народных бедствий, пережитых многострадальным белорусским народом в годы войн и их неизбежных спутников: эпидемий и голода. В них можно найти немало примеров конкретного проявления иезуитами милосердия — практической помощи бедным и умирающим, имеющего место во всех всемирных религиях.

К этой группе документов тесно примыкает другой вид источников, получивших наиболее широкое распространение с конца XVI в., а особенно с начала XVII в., и носивших название «*Annuae*». Между «*Litterae annuae*» и «*Annuae*» есть только одно сходство: количество иезуитов в той или иной организации и их категории. Остальная же часть «*Annuae*» посвящена перечислению различных религиозных практик, совершенных за год: выслушиванию простых и генеральных исповедей, окрещенных младенцев, вернувшихся в лоно католической церкви взрослых людей, посещение тюрем, оказание помощи для примирения поссорившихся соседей и т.д.

В связи с вышеизложенным нельзя не отметить наличие такого вида документов, как «*Fructus missionum*». Они писались провинциалами. В этих источниках отражена религиозная обстановка на подвластных им территориях. В них

освещен только один вопрос, а именно борьба иезуитов с реформационным движением, а следовательно, их роль в распространении влияния и упрочения позиций римско-католической церкви. К сожалению, их ценность снижается в результате того, что их авторы ограничились только указанием количества людей, перешедших в католицизм, не назвав при этом ни одной фамилии.

Помимо перечисленных источников, среди которых пальма первенства принадлежит ежегодным и трехлетним каталогам, а также историям иезуитских учреждений, немалое значение для решения указанной проблемы имеют инвентарные описания имений иезуитов, а также их костелов. Они были составлены в 1773–1774 гг. членами Эдукационной комиссии. Следует отметить, что понятие «полный инвентарь» того или иного земельного комплекса значительно шире понятия «полный инвентарь» магнатского владения. Относительно последнего полный инвентарь включает такие компоненты, как: 1) описание господского двора и хозяйства; 2) описание волостей и местечек, входивших в состав данного владения; 3) перечень повинностей разных групп населения в пользу феодала [5]. Полный инвентарь иезуитских имений, кроме указанных элементов, содержит и ряд других сведений. Во-первых, главное назначение инвентарей церковных владений вообще и иезуитских в частности состоит в том, что они позволяют охарактеризовать экономические позиции ордена, проследить в хронологическом порядке процесс формирования землевладения иезуитских коллегий и резиденций; во-вторых, названные инвентари бросают яркий свет на ростовщическую деятельность «Общества Иисуса» на территории Беларуси. В них прослеживается рост капиталов иезуитов за счет отдачи под проценты, указания на то, что ростовщичество служило важным подспорьем для увеличения земельной собственности ордена. Во-вторых, они содержат важный материал для характеристики организационной деятельности ордена по укреплению своих идеологических позиций. Так, в них имеются данные о строительстве костелов, создании школ, аптек, содержании библиотечного фонда в коллегиях и т.д. К полным относятся инвентарии Гродненской, Брестской, Несвижской, Слуцкой, Пинской коллегий и Слонимской резиденции. Что же касается инвентарей Витебской, Полоцкой, Оршанской, Новогрудской и Минской коллегий, то они являются неполными.

Инвентарии иезуитских имений, относящихся к 1773–1774 гг., находятся в фондах «Древние акты» НГИА Республики Литва, а также 694 (Радзивилловский), 1928 (коллекции древних инвентарей) НГИА Республики Беларусь в Минске. Их данные дополняют документы 1603 фонда (фундушевый) ЦГАДА в Москве, где сосредоточены оригиналы дарственных грамот, подтвержденных различными инструкциями Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, списки книг в библиотеках иезуитских учреждений и т.д. Инвентарные описания Полоцкой Академии и Витебской коллегии, относящиеся к 1820 г. — времена изгнания иезуитов из пределов России, отложились в фондах РНИА в С.-Петербурге. По богатству различной информации эти источники значительно превосходят инвентарии 1773–1774 гг.

Одним из важнейших источников являются акты визитации иезуитских учреждений. В НГИА РБ в г. Минске автору удалось обнаружить два подобных документа за 1817 и 1818 г. В них перечислен весь персонал коллегий с указанием возраста, срока пребывания ксендзом и обязанностей по службе, отражена экономическая жизнь коллегий, описано состояние всех фольварков, перечислены доходы и расходы. Помимо этих сведений, в актах визитации определенное внимание удалено школам с точным указанием количества детей, обучающихся в них, а также конвиктам с определением числа конвикторов. Те же сведения

даны относительно семинарий. Особое внимание составители документов уделили изучению такого вопроса, как уровень обеспеченности коллегий музыкальными инструментами. Они перечислили всех преподавателей, обучающих детей игре на них.

История различных учреждений, в том числе и «Общества Иисуса», является историей жизни людей, состоявших в них. Изучение биографий, а также творческого пути, помимо трехлетних каталогов, требует дополнительных документов. Ими являются некрологи, составлявшиеся в трех копиях, одна из которых оставалась в коллегии, другая высыпалась в архив провинции, третья отправлялась в Рим. Поскольку большинство из них несут на себе субъективный оттенок писавших их, то некрологи нуждаются в проверке ежегодными и трехлетними каталогами. Небольшая их часть помещена в Историях Полоцкой коллегии, а с 1812 г. — Академии. Некоторые некрологи были любезно предоставлены автору статьи в пользование членом «Общества Иисуса», ксендзом-профессором Л.Гжебенем.

Неоценимым источником по указанному вопросу является работа Я.Пошаковского «О знаменитых мужах Литовской провинции “Общества Иисуса”», созданная на основе широкого круга документальных материалов, известных автору. Этот труд одного из видных деятелей ордена содержит 1016 страниц, написанных мелким почерком [6].

Очень многообразными по содержанию являются документы фонда Виленского университета (ф. 733, оп. 62), хранящиеся в РНИА в С.-Петербурге. В них отражено содержание учебных программ и расписание занятий в школах за отдельные годы. Имеются даже списки иезуитских воспитанников, что является большой редкостью. В этом же фонде представлен «Устав, или общие постановления Полоцкой иезуитской Академии и принадлежащих к оной институтов, пансионов, семинарий, бурс и прочих училищ». В нем определена материальная база, а также руководящий состав Академии, количество факультетов, перечень дисциплин и время их преподавания. Особое место удалено правам и обязанностям как профессоров, так и студентов, а также наказаниям последних. В «Уставе...» освещен порядок присвоения ученых степеней. В этом же документе представлена учебная программа средних школ, подчиненных Академии. Указанный фонд содержит также материалы, свидетельствующие о Полоцком музее, а также книжных богатствах иезуитских коллегий, расположенных на территории Беларуси.

Подспорьем для раскрытия темы послужила корреспонденция К.Корицкого — представителя от польской ассистенции при генерале ордена за 1779–1783 гг., находящаяся в архиве «Общества Иисуса» в Риме [7]. (Эти документы были подарены автору статьи ксендзом — профессором Л.Гжебенем. — Т.Б.). Ее данные свидетельствуют о том, что в Вечном городе хорошо знали обо всем, происходящем в коллегиях, расположенных в Восточной Беларуси. По рекомендации Корицкого в Полоцк направлялись наиболее талантливые члены ордена, поднявшие школьное дело на более высокий уровень.

Помимо архивных материалов, для изучения ряда вопросов темы использовался большой круг опубликованных источников. В первую очередь к ним необходимо отнести работы, созданные основателем ордена Игнатием Лойолой, «Устав» и «Духовные упражнения». Если в первом документе описывались основные положения деятельности высших и средних учебных заведений, а также руководство ими, то второй получал практическое применение в религиозной работе.

Другими немаловажными источниками являются произведения самих иезуитов. Здесь в первую очередь необходимо назвать работы таких крупнейших идеологов контрреформации, как С.Гозия, Я.Вуека, П.Скарги, М.Смилецкого,

К.Дружбицкого, а также их последователей, которые отстаивали ортодокальное учение римско-католической церкви и, естественно, критиковали с ее позиций различные направления в протестантизме.

Большую ценность для исследования указанной темы представляет работа С.Ростовского, посвященная истории деятельности «Общества Иисуса» в Литовской провинции, выдержавшая два издания в Вильно [8]. Рукописный вариант его труда находится в Ягеллонской библиотеке в Кракове [9]. Автор раскрывает приемы и методы утверждения членов ордена в новых городах. Так, в частности, он обратил особое внимание на роль театральных представлений, организованных иезуитскими педагогами. Эти мероприятия, как указывает Ростовский, значительно поднимали авторитет «Общества Иисуса» в глазах общественности. Он дал блистательные характеристики лиц, главным образом магнатов и других знатных особ, поддержавших иезуитов. Ростовский уделил большое внимание освещению различных аспектов деятельности членов ордена: просветительской, религиозной, харитативной и т.д.

Немалый интерес для постановки школьного дела представляют учебники и учебные пособия, издававшиеся членами «Общества Иисуса». В связи с этим особенно привлекают их труды по истории, написанные по поводу реформы образования в середине XVIII в. В этом отношении нельзя не отметить работы по истории и географии (поскольку в XVIII в. различия между исторической и географической литературой не существовало) Ф.Папроцкого, Я.Бельского, К.Головни и К.Вырвича. Их произведения, значительная часть которых погибла, написаны на основании большого количества документального материала. Они являются бесценным источником для изучения истории нашей страны. Кроме того, труды вышеперечисленных авторов являются неоценимым документом по генеалогии, метрологии, нумизматике, хронологии, ономастике, исторической географии и другим вспомогательным историческим дисциплинам.

Полный перечень работ вышеупомянутых авторов, а также других иезуитов, имеющих опубликованные произведения, находится в прекрасном справочнике библиографического характера, составителем которого являлся Ю.Броун. Исследование любого вопроса, связанного с деятельностью «Общества Иисуса», во многом облегчается наличием этой работы [10].

Среди опубликованных источников нельзя не отметить «Материалы по истории Полоцкой Академии и школ, подчиненных ей», составленные Ф.К.Гижицким [11]. В этом сборнике документов в основном представлены сведения по Полоцкой, Витебской, Оршанской, Мстиславской и Могилевской коллегиям, относящиеся к 1772–1820 гг. Однако прежде чем перейти к освещению фактов интересующего его периода, Гижицкий скжато изложил основные события из истории каждой коллегии до издания буллы Климента XIV. Судя по содержанию документов, его составитель изучал некоторые архивные материалы. Так, сведения Гижицкого о количестве учеников в отдельные годы XIX в. полностью совпадают с данными источников, хранящихся ныне в 733 фонде РНИА в С.-Петербурге. В сборнике представлены «Собрания наук...» за отдельные годы. Они представляют ни что иное, как программу предметов, изучавшихся иезуитскими учениками и студентами. Опубликованные в свое время «Собрания наук...» являются сегодня библиографической редкостью. Большой интерес вызывают списки учеников, преуспевших в освоении тех или иных предметов, а также получивших похвальный лист за усердие, проявленное в учебе. Вместе с тем следует отметить, что Гижицкий весьма поверхностно охарактеризовал состояние библиотечного и музеиного дела у иезуитов. В материалах представлены фамилии педагогов, трудившихся в учебных заведениях ордена. Правда, эти сведения

нуждаются в проверке по иезуитским каталогам, полное собрание которых имеется у современных иезуитов-исследователей в Краковской коллегии, а отдельные их экземпляры хранятся в отделе «Россики» Российской национальной библиотеки в С.-Петербурге. В сборнике Гижинского опубликованы с сокращениями воспоминания одного из учеников полоцких иезуитов О.Слизня. Полный текст этого документа находится в архиве Малопольской провинции ордена иезуитов в Кракове [12].

Определенный материал по теме содержится в «Полоцком ежемесячнике», — издавался с 1818 г. В этом же году увидели свет три тома, а в 1820 г. вышло два номера этого журнала. В 1819 г. издание «Полоцкого ежемесячника» не осуществлялось, т.к. типография была загружена печатанием учебной литературы, необходимой для нормальной деятельности школ «Общества Иисуса». Основной целью его издания являлась пропаганда идей католицизма, укрепление авторитета «Общества Иисуса» среди населения Восточной Беларуси. В «Полоцком ежемесячнике» помещались лучшие, по мнению редакции, сочинения студентов. Они были написаны с позиций идеализма, духом которого пронизывалось преподавание теологии, метафизики, философии и других предметов в Полоцкой академии. Что же касается письменных работ иезуитских подопечных по точным и естественным дисциплинам, то они поражают современного читателя знанием законов физики, химии и умением использовать их на практике.

Таковы основные документы по истории ордена иезуитов в Беларуси.

1. Bednarski S. Polonica w archiwach jezuickich / «Nauka Polska». — Warszawa, 1935. — S. 153 — 155.
2. Козловский П.Г., Чепко В.В. Инвентари и хозяйственные документы магнатских владений Белоруссии XVI—XVIII вв. и инвентари первой половины XIX века как исторический источник // «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». 1962 г. — Мин., 1964. — С. 25.
3. APMP T.J. w Krakowie, sygn. 1536; Poszakowski J. De viris illustribus Provinciae Lituaniae Societatis Jesu.
4. ARSI, Epistolae Caroli Korycki (1779–1783).
5. Lituanicarum Societatis Jesu historiarum provincialium. Pars prima. Auctore Stanislao Rostowski. Exeadem Societate et provincia sacerdote. — Vilnae, 1768.
6. Biblioteka Jagiellońska, od rek., sygn. 5914. Towarzystwa Jezusowego dziejów prowincyjonalnych Litewskich. Cześć pierwsza przez Stanisława Rostowskiego z tegoż Towarzystwa i Prowincji kaplana napisana. 1768 w Drukarni JKM i Rzeczypospolitej Akademii Towarzystwa Jezusowego.
7. Brown J. Biblioteka pisarzów assystencyi Polskiej Towarzystwa Jezusowego... — Poznań, 1862.
8. Materyał do dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych. Zebrał I.J. — Kraków: Druk W.L.Anczyca i Spółki, 1905.
9. APMP T.J. w Krakowie, sygn. 1027- XV, s. 141 — 151.
10. Lojola I. Konstytucje Towarzystwa Jezusowego. — Kraków, 1982. — S. 138, 251.
11. Łukaszewicz J. Historia szkół w Koronie i w Wielkim księstwie Litewskim od roku 1794. — Poznań, 1849. — T. 1. — S. 232 — 233.
12. Ibid. — S. 233.

Поступила в редакцию 27.05.2002.

The article specifies the main kinds of documents, which were used by the author for studying the history of jesuit order in Belarus. The classification of these documents is presented. Special attention is paid to the annual jesuit catalogs, which were jesuit catalogs, and which were used in the process of investigation of the problem of pedagogical activity of this monastic organization.

Блинова Тамара Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси ГрГУ им.Я.Купалы.

Філософія

УДК 008 (= 927) + 159.922.4 (= 927)

Мохсен Али Еслам Ба-Шугейра

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ АРАВИЙСКИХ ОБЩЕСТВ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ ВОСТОКА И ЗАПАДА

В статье анализируется социодинамика традиционных ценностей государств Аравийского полуострова второй половины XX — начала XXI вв. Показано, что модернизация арабо-исламских обществ проходит по варианту, который предполагает внедрение организационно-технологических элементов индустриального общества, рыночных отношений при сохранении социальной системы восточного типа. Образ жизни и ценностные ориентации большинства жителей арабских стран по-прежнему базируются на традициях мусульманской религии и менталитета.

Государства, культурологическому анализу которых посвящена данная статья, — Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Оман, Катар, Йемен — объединяет географическая и этноконфессиональная близость. Кроме того, эти страны (за исключением Республики Йемен) имеют сходное социально-политическое и хозяйственное развитие, включая монархическую форму государственного управления, а также наличие в их недрах огромных нефтяных богатств, определивших характер их социально-экономической эволюции в последние десятилетия.

В начале XXI столетия ни одна арабская страна не может устойчиво развиваться, обособившись от общесивилизованного опыта и достижений научно-технического прогресса. Вместе с тем традиции арабо-исламской культуры имеют более чем тысячелетнюю историю и должны стать предметом системного анализа в связи с модернизацией обществ восточного типа и глобализацией современной мировой цивилизации. Интерес к традиционной культуре народов мира, а также стремление сохранить лучшее из ее достояния в условиях все возрастающей глобализации, нивелировки, стандартизации, наступления так называемой массовой культуры стали очень актуальными. Сохраняет свою актуальность и введенное Д.С.Лихачевым понятие «экология культуры», которое означает и сбережение культурной среды, и активную действенную память о прошлом, и понимание невосполнимости разрушения памятников и явлений культуры, и осознание страшной опасности забвения. Это понятие принципиально важно для созидания духовно-нравственной среды, в которой живет как отдельный человек, так и целый народ [3, с. 485].

Системный анализ аксиологической традиции необходимо дополнять цивилизационным подходом, в основе которого — представление об истории как многолинейном, многовариантном процессе. В цивилизационном многообразии

с очевидностью просматриваются типы развития, выделение которых можно осуществить по набору признаков, имеющих особенности, характерные для многих существовавших и существующих обществ. Благодаря цивилизационному подходу в современной науке наблюдается эффект «очеловечивания» истории («человек — начало и конец истории») и выявляется самоценность общества, независимо от стадии его историко-культурного развития, его места в мировой истории и культуре.

Исследование традиционных основ культуры дает возможность определить реальные механизмы и закономерности реализации многообразных общественных процессов и рассмотреть духовную и социально-политическую жизнь государств Аравийского полуострова как целостный, сложноорганизованный, саморегулирующийся механизм. В ходе исследования важно применять методы социально-гуманитарных дисциплин (диалектический, структурно-функциональный, сравнительный, историко-культурный), а также философско-аксиологические принципы изучения духовной и социально-политической жизни. При этом под понятием «ценности» — ключевым понятием аксиологии — подразумевается более или менее общепризнанные поведенческие стандарты, т.е. разделяемые обществом или социальной группой убеждения по поводу общественно-политических целей, которые необходимо достичнуть, и тех основных путей или средств, которые ведут к достижению этих целей.

Материалы данной статьи будут интересны и белорусским специалистам, так как в настоящее время Республика Беларусь решает сложные задачи обеспечения устойчивого развития на основе модернизации различных сфер жизнедеятельности общества.

Теория модернизации возникла на Западе (Г.Алмонд, Т.Парсонс, У.У.Россту, С.Н.Айзенштадт и др.) и опирается на западный опыт. Модернизационные процессы по западному образцу привели в конечном итоге к формированию индустриального общества, постепенному переходу от корпоративной общественной структуры и соответствующего ей авторитарного государства к индивидуализированной общественной системе и демократическому, правовому государству. Кроме того, западная цивилизация на современном этапе развития приобрела черты постиндустриальной, информационной цивилизации.

В узком смысле под модернизацией понимается промышленная революция и индустриализация, складывание общенационального рынка и единой социально ориентированной системы хозяйствования. В более широком значении модернизация может быть интерпретирована как универсальное явление, имеющее свою специфику в зависимости от принадлежности общества к определенному цивилизационному типу. Модернизация — реконструкция социально-экономических, политических, культурных, религиозных, нравственных и других основ жизни общества путем различных нововведений и усовершенствований.

Наиболее масштабно модернизация стран, развивающихся по восточному типу, развернулась после второй мировой войны. Особенностью послевоенных модернизаций явилось то, что они предполагали не только ускорение развития, индустриализацию, но и сохранение фундаментальных цивилизационных ценностей, то есть самосохранение общества от разрушения под давлением ценностей другого типа цивилизации. Толчок процессам модернизации дала деколонизация Востока: освободившиеся страны стремились обрести свою судьбу в мире, который все более обезличивался под стандартами индустриального прогресса.

Еще в 40-50-е гг. страны Аравийского полуострова оставались отсталой окраиной Ближнего и Среднего Востока с прочно законсервированными феодальными и родоплеменными укладами. Даже в начале 60-х годов эти страны

были опутаны сетью кабальных договоров и концессионных соглашений, прежде всего с Соединенным королевством Великобритании и Северной Ирландии.

С середины 60-х гг. для аравийских монархий начинается новый период, когда впервые за их историю возникла прочная, постоянно развивающаяся база для быстрого увеличения общегосударственного фонда накопления, что было связано с огромными нефтяными доходами и новой ролью этих государств в международных отношениях. Социальные связи буржуазного типа складываются в монархических странах данного региона не под влиянием капитализма «вообще» (каковой мыслим лишь в системе политэкономических абстракций), а в процессе формирования исторических типов капитала (сырьевого, промышленного, банковского) на основе различных естественно сложившихся общностей (этнических, религиозно-общинных и т.п.). Вместе с тем в последней трети XX века на юге Аравийского полуострова была предпринята попытка осуществления общественного идеала на основе социалистических принципов: с завоеванием политической независимости 30 ноября 1967 г. в Южном Йемене открылись новые перспективы по коренному переустройству всех базисных и надстроек институтов государства. Южнойеменское общество, избравшее девизом своего развития принцип «Все во имя человека, для блага человека», стало воплощением идей «пролетарского гуманизма». В образовавшейся Народной демократической республике Йемен (НДРЙ) были осуществлены глубинные социально-экономические преобразования (национализированы промышленные предприятия, банки, страховые компании, введена монополия на внешнюю и оптовую внутреннюю торговлю, проведена радикальная аграрная реформа, созданы кооперативы и госхозы).

Безусловно, в небольшой по объему статье невозможно во всей полноте и всесторонности проанализировать все многообразие традиций и новаций, присущих государствам исследуемого региона. Методологически важно сконцентрировать внимание на основополагающих областях жизнедеятельности социума и соответствующих сферах культуры — экономической, политической, духовной.

В экономической культуре модернизация предполагает индустриализацию, утверждение частной собственности и рыночных отношений. В результате возникает рыночная экономика, которая имеет внутренние, собственные стимулы для развития.

В рамках планов социально-экономического развития правительства государств Персидского залива со второй половины 70-х годов начали осуществлять программы индустриализации, хорошо понимая, что залогом прогресса может служить лишь наличие у национальных экономик развитой дифференцированной индустрии и прежде всего ее наиболее динамичного сектора — обрабатывающей промышленности. Результатом такой социально-экономической политики явилось ускоренное развитие в первую очередь отраслей промышленности, базирующихся на нефти и газе, — нефтеперерабатывающей, нефтехимии, производства сжиженного газа и удобрений. Наряду с этим в странах Аравийского полуострова был создан ряд новых отраслей обрабатывающей промышленности: появились современные металлургические предприятия (по производству стали, алюминия и др.).

Тем самым в экономической жизни стран Аравийского полуострова проявилась основополагающая роль государственных структур. Показательна в этой связи позиция правящего семейства Королевства Саудовская Аравия — государства, превосходящего по территории Англию, Германию, Францию и Италию, вместе взятые, с одним из самых крупных в мире запасами нефтяных богатств и

финансовыми ресурсами. В наиболее обобщенном виде основные направления саудовской политики в социально-экономической области содержатся в высказываниях бывшего короля Фейсала, наметившего программу модернизации Саудовской Аравии на путях государственно-капиталистических преобразований. «Мы движемся вперед по пути национального прогресса, руководимые своими исламскими законами и верой, с помощью обширного планирования... Мы избрали экономическую систему, основанную на частном предпринимательстве, поскольку, по нашему убеждению, она полностью соответствует исламским законам и подходит нашей стране, предоставляя все возможности народу и поощряя каждого индивидуума работать на общее благо. Это не означает, однако, что все остается бесконтрольным. Мы будем вмешиваться, когда правительство сочтет необходимым такое вмешательство, но без ущерба основополагающим принципам, в целях исправлять возможные ошибки и обеспечивать социальную справедливость» [7, р. 18].

Особое место в экономической стратегии аравийских государств в 70-80-е гг. занимало развитие инфраструктуры — производственной и социальной, — что было необходимым условием создания высокоразвитой промышленности, неизменной предпосылкой полноценного функционирования национальных рынков (на ее создание только в 1974-1986 гг. было потрачено свыше 150 миллиардов долларов). По размеру валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения первое место во всем арабском мире (1995 г.) занимали ОАЭ (17693 американских доллара), второе — Кувейт (15731 долл.), третье — Катар (13888 долл.). Далее следуют Оман, Саудовская Аравия и Бахрейн, в которых размер ВВП составил от 5 до 10 тысяч американских долларов [6, с. 36]. В настоящее время аравийские монархические государства являются финансовыми донорами США и Западной Европы: по экспертным оценкам, в банках этих экономических центров только Саудовская Аравия аккумулировала около 470 миллиардов долларов [8, р. 2].

В мусульманской трактовке социально-экономическое содержание исламского учения об обществе предусматривает равенство возможностей для всех трудиться и получать образование, непрерывное перераспределение национальных богатств с целью предотвращения обогащения за счет общества и другие уравнительные принципы. На фоне поощряемого сверху «обуржуазивания» аравийских обществ вместе с семейными династиями, шейхами главных бедуинских племен, богатыми землевладельцами и высшим мусульманским духовенством правящую верхушку аравийских монархий пополнила также крупная торгово-банковская буржуазия, а позднее, с 60-х годов, — представители прозападной технократии. По мере становления национальных государств и увеличения потока нефтедолларов «средний класс» аравийских монархических обществ развивался наиболее интенсивно, превратившись в самую многочисленную социальную группу городского населения. По подсчетам И.А.Александрова, «ее удельный вес с учетом превалирующего в этих странах госсектора в экономике, многочисленного аппарата, расширения сети образовательных и медицинских учреждений, наращивания армейских и специальных структур достигает трети занятого коренного населения в городах» [2, с. 24]. Все правительства рассматриваемых стран разработали патерналистскую законодательную базу, предусматривающую защиту предпринимательской и коммерческой деятельности своих граждан. Во всех монархиях введен институт местного «агента», при посредничестве которого иностранный капитал может действовать в частном секторе.

На современном этапе экономического развития при имеющихся планах денационализации ряда крупных промышленных предприятий сохраняется

своеобразный госкапитализм. Ведущий саудовский экономист Абдель Азиз Мухаммед Ад-Духейль в этой связи отмечает: приватизация отдельных отраслей и предприятий — по сути неизбежный императив для саудовской экономики. Однако прежде чем приступать к практическим приватизационным шагам он настаивает на глубоком, всестороннем рассмотрении всей совокупности их экономических и социально-политических последствий, с точки зрения государственных интересов, определении реальных перспектив повышения эффективности приватизированных компаний [1, с. 22].

Высокий уровень вмешательства в экономическую жизнь НДРЙ был присущ и правящей Социалистической партии. Однако в начале 90-х гг. власти НДРЙ столкнулись с системным кризисом, углублению которого способствовал развал социалистического содружества, бывшего их наиболее влиятельным и мощным союзником. Первый опыт построения социалистического государства на Аравийском полуострове завершился безрезультатно. Образовавшееся в начале 90-х гг. объединенное государство Республика Йемен провозглашало в качестве первоочередных цели и задачи строительства демократического общества с рыночной экономикой. Демократия в Йемене была провозглашена в чрезвычайных обстоятельствах, связанных с объединением страны, в условиях нестабильности, то есть демократия появилась по решению «сверху», вследствие того, что все влиятельные силы на Юге и Севере, стоявшие у власти, стремились ее использовать для достижения собственных политических целей.

В политической культуре модернизация предполагает переход к светскому государству, введение принципа разделения властей, включение населения в политический процесс (через выборы, деятельность партий и т.п.), внедрение демократии. Такое устройство предполагает плюрализм политического поведения. Демократия, обеспечивая согласование индивидуальных, групповых, общественных интересов, представляет собой механизм саморазвития общества в социально-политической сфере.

Мусульманский менталитет, аккумулировав религиозный, социально-политический и правовой опыт многочисленных народов, исповедующих ислам, обладает самостоятельным вариантом миропонимания и моделью общественного жизнеустройства. Для самих носителей мусульманского менталитета вся совокупность его культурных проявлений (в том числе в политической и правовой сферах) выступает как «естественная», единственная возможная и потому не подлежащая осмыслению. Такое отношение к собственной традиционной культуре может быть сопоставлено с механизмом использования естественного языка, которое отнюдь не требует знания правил построения его текстов, но реализуется бессознательно, усваиваясь в процессе социальной коммуникации. Главная особенность исламской духовной традиции, в корне отличающая мусульманский менталитет от других, заключается в принципиальной нераздельности в ней религиозного и светского, сакрального и земного, в ее абсолютной, «чистой» религиозности. Разделение понятий «религия» и «менталитет» применительно к мусульманской духовной традиции довольно условно: исламский менталитет — это всецело религиозный менталитет; мусульманин мыслит на языке ислама, взгляд на ислам «со стороны» для него просто невозможен. Если, например, для христианина возможен взгляд на Библию в том числе и как на памятник культуры, то для мусульманина Коран — воплощение Откровения в чистом виде, стоящее несравненно выше любой культуры. В соответствии с мусульманским менталитетом, качественно иными представляются социальная база и цели «исламской демократии». Умма не имеет ничего общего ни с нациями, ни социально-экономическими группами, ни с другими известными социальными общностями. Это общность чисто духовная, объе-

диняющая всех мусульман, независимо от национальных различий, социального и имущественного положения людей.

Специфика исторического и социального развития государств Аравийского полуострова, во многом отличающая их от других стран Арабского Востока, предопределила живучесть монархических устоев, влияние мусульманской религии на все сферы общественной жизни, и даже относительную устойчивость племенного уклада. Все это привело к складыванию особой аравийской формы государственности — монархий патерналистского типа с оригинальными сущностными характеристиками (сохранение наследственной верховной власти, передаваемой от отца к старшему сыну, от брата к брату; жесткий контроль со стороны семейных кланов и близких к ним племенных групп за деятельность государственных органов; неразвитость представительных институтов, в том числе и в сфере законодательной власти; строгий запрет на деятельность политических партий, массовых профсоюзных и общественных организаций; регулирование общественно-политической жизни, системы законодательства и судопроизводства нормами исламского шариата и неписанными племенными законами).

При всей общности характера и механизма социально-политического режима аравийских монархий развитие их конституционно-государственного строя с момента оформления независимости пошло неодинаковыми путями: выделяются три типа монархий Аравийского полуострова, основы государственно-политической системы которых имеют существенные отличия:

“ Саудовская Аравия с наиболее жесткой моделью государственно-политического устройства исламского образца, которая оказывает воздействие на конституционную эволюцию малых монархий, называемых в западной литературе «периферийными государствами». С полным основанием можно утверждать, что настоящее и будущее политическое развитие всего региона во многом зависит от тех внутренних социально-политических процессов, которые происходят в Саудовской Аравии;

“ Нефтяные монархии Аравии второго типа — Катар, Оман и ОАЭ — совмещают в себе абсолютизм верхового клана с некоторыми чертами социально-политического дуализма: введение в конституционном порядке даже такого подчиненного института, как консультативные советы имеет большое значение для перспектив дальнейшего государственно-политического развития данных стран. Наряду с введением совещательных институтов Конституции Катара и ОАЭ содержат важные положения о социально-экономических основах государства и декларируют целый ряд общегражданских прав и свобод;

“ Государственное развитие Кувейта и Бахрейна после провозглашения независимости пошло по пути оформления монархий конституционного типа со значительными ограничениями юридических полномочий исполнительной власти в пользу института парламентского представительства.

Судя по заявлениям представителей руководства Саудовской Аравии, Кувейта, ОАЭ и других аравийских государств, а также по отголоскам обсуждения путей социально-политического развития района Персидского залива в местной печати и научной литературе, проблема поисков модели государственно-политической эволюции все больше выдвигается на первый план в регионе Аравийского полуострова. Понимание необходимости государственной эволюции на современной основе являлось, с одной стороны, результатом быстрых перемен в общественных структурах, которые сопровождались выходом на политическую арену новых социальных слоев вне правящих семейств, а с другой — давлением внешних факторов, обязывающих правителей придавать старым формам и методам удержания власти внешне респектабельную оболочку.

В отличие от монархических стран Аравии, образовавшейся в начале 90-х гг. объединенное государство Республика Йемен провозглашало в качестве первоочередных цели и задачи строительства демократического общества. Однако йеменский опыт социально-политических преобразований 90-х гг. явился подтверждением факта: если власти развивающихся стран лишь выдвигают лозунг демократии, а на деле не реализуют его, то это ведет к уничтожению элементов демократии в самом зародыше.

Отличие западных государственно-правовых теорий, основанных на формально-юридическом принципе «суверенитета нации», от концепции исламской политической мысли состоит в том, что, согласно последней, суверенитет мусульманского сообщества не является абсолютным, будучи ограниченным представлением об общности всех правоверных мусульман мира в умме. Тем самым умма отражает идеал общественно-политического движения арабов, заданный необходимостью укрепления государственности и реализации господствующей мусульманской идеологии.

Связанные с традиционной мусульманской политической и правовой культурой представления о наиболее предпочтительных формах организации жизни общества, разумеется, в первую очередь относятся к самому исламскому миру. Вместе с тем в арабском мире справедливо полагают, что политика изоляционизма, искусственного отгораживания от опыта и достижений народов мира, чревата потерями в экономике и культуре.

В духовной сфере модернизация предполагает секуляризацию образования и распространение грамотности, обеспечение свободы мысли и творчества, религиозной терпимости и свободы совести.

В последние десятилетия арабо-мусульманский Восток становится все более открытым к ценностям Запада, воплощающим в себе как апологетическую тенденцию и подавляющую силу, так и критическую,rationально-просветительскую культуру, которой он и обязан в значительной степени своими социальными и культурными достижениями. Как справедливо подчеркивает В.Э.Шагаль, большинство социальных перемен, которые фиксируются в арабских странах в последние десятилетия, «явились прежде всего следствием заимствования западной модели организации общественно-политической и экономической жизни, обретения западной технологии, создания системы здравоохранения, характерной для многих стран Запада, использования политических идей и взглядов, концепций западной системы образования, внедрения отдельных черт западного образа жизни» [6, с. 22].

Особую роль в распространении западных стандартов играет процесс информатизации: арабские средства массовой информации и коммуникации интегрируются в международные; на фоне модернизации и унификации информационных технологий происходят изменения не только в экономике и в быту, но и в художественной культуре и традиционном образе жизни. Техническое перевооружение печати, радио, телевидения и других средств массовой информации дает возможность вовлекать в сложные и противоречивые процессы массовой общественно-политической информации многомиллионные массы населения.

В социально-политических условиях каждого из арабских государств средства массовой информации и коммуникации характеризуются наличием собственной системы отношений с населением (объектом воздействия), отличной от тех отношений, которые связывают население с органами государственного управления. Вместе с тем положение СМИ в современных арабских обществах характеризуется имеющимся противоречием между той активной социальной ролью, которую они начинают играть в общественно-политическом процессе, и нераз-

витостью социальных, правовых и, особенно, экономических гарантий независимости, что предопределяет амбивалентный характер их роли. Одна из важнейших причин возникновения данного противоречия состоит в сохранении в большинстве арабских стран политических и общетеоретических основ функционирования СМИ, в соответствии с которыми коммуникация часто интерпретируется как пропаганда, в свою очередь, пропаганда — как социальное управление, а сами СМИ — как один из его институтов. Средства массовой информации государств Аравийского полуострова практически круглосуточно осуществляют целенаправленную работу по пропаганде ценностей арабо-мусульманской культуры. Ислам рассматривается как важнейший источник этических норм и взглядов, как средство мобилизации населения на общее дело и пропаганду общих принципов, что тесно увязано с новыми задачами по преобразованию общественно-экономической жизни. Перспективы эффективного развития СМИ в арабских странах связаны с развитием гражданского общества, а в качестве условий их реализации выступают правовые, экономические и социальные гарантии, обеспечивающие независимость самих СМИ.

Наряду с информационной сферой наглядной иллюстрацией новых тенденций в духовной культуре являются сферы образования и науки. Сформированная на базе развитой производственной и социальной инфраструктуры система бесплатного начального, среднего и высшего образования в аравийских монархиях носит по преимуществу светский характер. Имеет устойчивую тенденцию падения престижа школьных и университетских исламских учреждений: сугубо религиозное обучение изначально перекрывает возможность в будущем найти себе применение за пределами исламских структур.

Даже правящий монархический режим Саудовской Аравии сознает, что интенсивное развертывание системы светского образования — фактор крупного социально-политического и психологического значение, необходимое условие достижения передовых позиций в цивилизационном развитии. Поэтому, начиная с 50-х гг., происходит бурное развитие системы высшего образования Королевства — уже с 1950 по 1970 г. количество выпускников 6 университетов Саудовской Аравии увеличилось почти в 16 раз. В начале 70-х гг. появилось два новых университета и значительно увеличился прием в старые. В результате только за 15 лет (с 1970 по 1986 гг.) количество студентов высших учебных заведений страны увеличилось более чем в 7 раз (с девяти до шестидесяти пяти тысяч человек) [5, с. 159-160]. Абитуриенты колледжей и университетов предпочитают перспективные в условиях индустриализации светские специальности. Благодаря специализированным государственным программам тысячи граждан Саудовской Аравии и других монархических государств полуострова получают университетское и послевузовское образование в лучших учебных заведениях США, Англии, Франции и других западных стран.

Статистические данные по монархическим государствам Аравии свидетельствуют также о резком повышении уровня образования среди женщин. В конце XX века в системах среднего образования рассматриваемых стран количество учащихся девочек и мальчиков практически сравнялось. У женщин, прежде занятых только домашним хозяйством и детьми, появляется больше прав: в Омане, Катаре и особенно в Кувейте женщины проявляют себя на высоких должностях в бизнесе и государственных структурах.

На фоне впечатляющих успехов Аравийских монархий ситуация в сфере образования Республики Йемен является удручающей: доля неграмотных среди населения страны оценивается в более чем 50 %. Невежество, бедность, элементарная неграмотность, а также необразованность в сфере политики и культуры

не способствуют успеху демократического курса, а только создают благоприятную почву властям для ущемления демократии, нарушения Конституции и действующего законодательства, для лишения граждан их законных прав.

Важнейшей политической задачей правящих кругов арабских стран становится поиск оптимальных средств и методов сочетания традиционных устоев с прогрессивными концепциями устойчивого развития. В сознании арабской интеллигенции уживаются новейшие достижения гуманитарных наук с религиозностью. С точки зрения повышения уровня общегуманитарной подготовки студентов, наиболее оптимальной является такая идеяная программа и стратегия развития социальных дисциплин в системе высшей школы, которые осуществили бы органическую связь современных структур с прогрессивными элементами национального культурного развития. В этой связи важно учитывать опыт других государств по совершенствованию общегуманитарной подготовки специалистов. Учебные заведения и средства массовой информации должны стремиться к массовому внедрению ценностей, основанных на уважении закона и прав человека, обучение граждан способам мирного разрешения конфликтов, не ставящим под сомнение общественный консенсус по основополагающим вопросам государственного устройства. В этой связи важным представляется внедрение в учебные программы ВУЗов арабских стран специальных курсов по социологии, политологии и правам человека, так как «утверждение... исторически апробированных политico-юридических ценностей в общественном сознании и государственно-правовой практике является одной из важнейших задач современного этапа развития страны» [4, с. 3].

Таким образом, проведенный анализ показал, что в условиях углубления мирохозяйственных связей модернизация монархических аравийских обществ происходит по варианту, предполагающему внедрение организационно-технологических элементов индустриального общества, рыночных отношений при сохранении общественной системы восточного типа. Традиционная система ценностей, основанная на мусульманской догматике, как правило, выступает в качестве основополагающего образа мышления и регулятора поведения. В условиях НДРЙ (70-80-е гг.) была предпринята неудачная попытка перенесения только организационно-технологических структур индустриального общества при отрицании рынка и демократии.

Исторический опыт модернизаций богат, разнообразен и является свидетельством того, что страны идут разными путями и в результате, обретая механизмы саморазвития (рыночная экономика и демократия), не утрачивают, а сохраняют свое своеобразие и фундаментальные цивилизационные основы общества. Успешный вариант модернизации имеет место там (Юго-восточная Азия, Турция, аравийские монархические общества), где в обход вестернизации (слепому копированию Запада) учитывалась местная специфика, эндогенные условия. Политическая тактика и стратегия руководящих лиц и правительства монархических государств Аравии впитали в себя выработанные традиционной мусульманской культурой ценности, стереотипные способы видения и оценки мира, тот «ментальный инструментарий», которым пользовалась основная масса граждан на протяжении столетий.

Экономические успехи монархий Аравийского полуострова нельзя обусловливать только сырьевыми, углеводородными факторами: такие страны, как Ангола, Нигерия, Ливия, Ирак, Венесуэла и др., тоже обладают огромными нефтяными ресурсами, однако не стали преуспевающими державами. В конкретных социально-политических условиях аравийских обществ исторически оправдан-

ной явилась госкапиталистическая форма развития монархий по пути модернизации. Происшедшая концентрация капитала в госсекторе позволила осуществить широкомасштабные экономические проекты и социальные программы.

Социальное предвидение контуров будущего предполагает многообразие выбора во всех областях — от политики до стиля жизни и духовных ценностей. Проведенный анализ показал, что дальнейшее устойчивое развитие аравийских обществ будет обеспечено при сочетании традиционных основ с элементами прогрессивного развития в отдельных сферах культуры:

■ в экономической культуре — дальнейшее внедрение и приспособление элементов прогрессивного типа развития при сохранении господствующей роли государства в экономике и создании мощных слоев средних собственников;

■ в политической культуре — формирование и постепенное развитие представительских законодательных органов, укрепление смешанной шариатско-светской системы права;

■ в духовной культуре — наряду с поддержанием исламских ценностей и традиций формирование на уровне массового сознания осознанного подхода к требованиям модернизации, а также осуществление специальных государственных программ в сфере светского образования и науки с целью подготовки национальных кадров.

Проблема гуманизации социально-политической жизни стоит перед всеми типами обществ, независимо от того, к какой социально-политической формации или культурному пространству они относятся. Приоритеты аравийских обществ в XXI столетии — опора на собственные традиции и ресурсы при разумном использовании достижений мировой цивилизации.

1. *Ад-Духейль, Абдель Азиз Мухаммед*. Аль-Иктисад ас-саудий: аль-муавикат ва аль-хулюль, мухадара улькият фи аль-гурфа ат-тиджария ва ас-синайя. — Джидда, 1995. — 44 с.
2. *Александров И.А.* Монархии Персидского залива. — М.: Изд-во «Дело и Сервис», 2000. — 544 с.
3. *Лихачев Д.С.* Избранные работы: В 3-х т. — Т. 2. — Л., 1987.
4. Политико-правовые ценности: история и современность / Под ред. В.С.Нерсесьянца. — М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 256 с.
5. *Rodriges A.M.* Нефть и эволюция социальных структур аравийских монархий. — М.: Наука, 1989. — 259 с.
6. *Шагаль В.Э.* Арабский мир: пути познания. Межкультурная коммуникация и арабский язык. — М.: Ин-т востоковедения РАН, 2001. — 288 с.
7. *Faisal Speaks*. — Riyadh: Ministry of Information Kingdom of Saudi Arabia, 1980. — 202 p
8. Middle East Monitor. — London. — 1998. — № 11 (november).

Поступила в редакцию 13.06.2002.

In the article the socio-dynamics of traditional values of states of Arabian peninsula of the second half of the XXth — the beginning of the XXIst centuries is analyzed. It is shown, that modernization of arab-islamic societies was realized according to the model, which presupposes the promotion of organizational-technical elements of industrial society, market relations with preservation of social system of eastern type. The style of life and value orientations of the majority of Arab states population are still based on the traditions of Muslim religion and mentality.

Мохсен Али Еслам Ба-Шугейра (Йемен), аспирант Белорусского государственного университета культуры. Научный руководитель — профессор Белорусского государственного университета культуры, доктор филологических наук А.В.Морозов.

УДК 1:008

И.Б.Степаненко

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ

Современная цивилизация, достигшая высокого уровня социального прогресса, материальной и духовной культуры общества, вызвала глубокие преобразования в природе и социальном окружении человека. Она обусловила заметные изменения его физической и духовной организаций.

Современная цивилизация ставит человека в новую ситуацию, подвергая новым испытаниям его биологические и социальные адаптивные механизмы. Человек, сохранив и неся в себе всю историю природы и общества, адекватно реагирует на их изменения. В связи с этим на повестку дня ставится ряд новых специально-научных и философских вопросов, которые приобретают большое значение для решения кардинальной проблемы нашего времени: гармонизация отношений общества с природой, адаптации индивидуально-личностного и физиологического развития человека к потребностям развивающейся природной и социальной среды.

Основная задача, которая ставится в работе, — исследовать в методологическом и философском плане некоторые аспекты адаптации человека.

Адаптация человека является комплексной социально-биологической проблемой и требует для успешной разработки синтеза целого ряда наук естествознания и обществознания. Становление теории адаптации человека неизбежно ставит на повестку дня вопросы взаимодействия методологических установок ряда наук одного уровня общности и интеграции теорий различного уровня и характера.

Следует отметить целый ряд важных моментов, еще не нашедших достаточного отражения в литературе по данной проблеме или имеющих дискуссионный характер. Во-первых, существуют определенные трудности, связанные с отсутствием необходимых методологических положений при переходе от философского уровня к конкретно-научному уровню исследования социального и биологического в человеке. Во-вторых, не до конца преодолены разногласия по поводу определения понятия «адаптация» и степени универсальности этого понятия. В-третьих, недостаточно разработан вопрос о специфике биологической эволюции человека в условиях социального развития.

Адаптация человека как объект комплексного исследования. Потребности всестороннего изучения человека поставили науку перед необходимостью взаимообмена научным материалом, обогащения и наполнения новым содержанием понятийного аппарата. Интересы разных наук в познании человека, переплетаясь между собой, образуют общую межотраслевую комплексную проблему, которая может быть решена лишь в единстве, с учетом достижений всех дисциплин.

Реальные предпосылки для использования комплексного подхода к исследованию проблемы человека наметились еще в середине XX столетия. В.Г.Ананьев отмечал, в частности, что «значение естествознания в современной системе наук о человеке не уменьшается, а возрастает, так как в изучение человека все более успешно включаются многие точные и естественные науки с их техническими приложениями» [1, с.41]. Показывая, что изучением человека более не может, как полвека назад, заниматься какая-то одна наука, он сознавал сложность, нетривиальность объединения усилий разных специалистов вокруг исследования одного объекта.

Комплексный подход предполагает организационное подчинение всех исследований единой программе. Эффективность его во многом зависит от соци-

альных условий, особенно если речь идет о решении глобальных проблем, требующих объединения усилий многих наук, институтов.

Анализ современной научной литературы позволяет выделить следующие направления в исследовании проблемы адаптации человека: эволюционно-генетическое, экологическое, медико-биологическое, социальное.

Эволюционно-генетическое направление возникло как результат синтеза генетики и эволюционной теории, для поиска ответа на вопрос: каковы генетические основы приспособления человека к изменяющейся среде? Что является биологической основой приспособительных свойств человеческого организма? Успехи генетики позволили экспериментально доказать существование законов наследственности, изменчивости и вызвали живейший интерес к изучению проблем наследственности человека.

Центральной проблемой эволюционно-генетического направления является изучение материальных основ адаптации и человека. Оно не может быть эволюционно-генетическим в чистом виде. Все попытки анализа биологической эволюции человека затрагивают комплекс социальных проблем и детерминант.

Вместе с тем возникает и другой вопрос: каковы механизмы адаптации человека к среде? Применимо ли в данном случае положение о том, что адаптация любого живого организма связана с его специфической экологией? Поэтому в 30 — 40-х годах XX столетия в результате синтеза эволюционной теории, генетики человека и экологии возникло экологическое направление исследования проблемы адаптации человека, которое в своем становлении неразрывно связано с формированием экологии человека.

Важную роль в методологическом плане для понимания взаимодействия человека со средой сыграло преодоление организмоцентризма в биологии и медицине.

Успехи генетики позволили экспериментально доказать статистический характер естественного отбора, открыть новый уровень организации живого-популяцию как элементарную единицу эволюции. А.С.Серебровский еще в 20-е годы прошлого столетия обращал внимание на различие физиологического приспособления индивида и филогенетического приспособления, связанного с эволюцией популяции и вида. Онставил вопрос о специфической природе явлений филогенеза. Поэтому возникла необходимость различать два вида различных явлений: онтогенетическую адаптацию, связанную с индивидуальными изменениями организма в ответ на воздействие среды, и филогенетическую адаптацию как результат исторического преобразования организмов.

Различие онтогенетической и филогенетической адаптации явилось основой для возникновения двух тенденций в экологии человека: факторной или частной экологии и популяционной экологии.

Представители факторной экологии изучают воздействие отдельных условий среды (биотических и абиотических) на организм человека. Такие исследования получили развитие в рамках экологической биохимии, морфологии, физиологии и этиологии.

В целом факторная экология ставит и пытается решить проблему реализации адаптационных возможностей человека в конкретных условиях среды.

Представители популяционной экологии исследуют законы становления, саморегуляции и динамики численности популяций человека, и в основном именно вопрос о применении популяционного подхода к адаптации человека является тем дискуссионным и лимитирующим моментом в становлении экологии человека как самостоятельной дисциплины.

Популяционная экология ставит реальную проблему исследования внутривидовых микроэволюционных изменений человека, проявляющихся в адаптивных модификациях человеческих популяций.

В последние десятилетия на первый план выдвинулись проблемы адаптации человека к тем глубоким изменениям, которые происходят в окружающей среде под воздействием научно-технической революции. Антропогенное воздействие на биосферу вызывает изменения, и даже исчезновение биогеоценозов, что меняет условия функционирования растительного и животного мира, от которого зависит и жизнедеятельность человека.

Формирование популяционно-центрического мышления в медицине и проблема приспособления человека к новым экстремальным зонам среды стали основой **медицинско-биологического направления** исследования проблемы адаптации человека. Заслуживают внимания следующие концепции.

Первая концепция — «болезнь-адаптация», впервые выдвинутая И.В.Давыдовским. Принимая в целом положение И.В.Давыдовского о приспособительной сущности болезни, необходимо учитывать следующие моменты: а) качественное своеобразие болезни, в частности ее социальный аспект; б) два уровня рассмотрения — филогенетический и онтогенетический.

Важнейшее значение концепции И.В.Давыдовского состоит в том, что в ней в начале 60-х годов был поставлен вопрос о необходимости изучения противоречивости адаптации человека, как норме, так и при патологических состояниях на основе популяционно-центрического мышления.

Вторая концепция — общего адаптационного синдрома, основы которой сформулированы в 1936 году Г.Селье, привлекла внимание исследователей к проблеме соотношения специфического и неспецифического в адаптации человека.

Третья концепция — «синдром полярного напряжения» В.П.Казначеева — характеризует специфическое напряжение организма человека, прибывшего на Север. В.П.Казначеев выделяет различные стратегии адаптивного поведения людей и соответственно адаптивных типов в человеческих популяциях в районах Крайнего Севера.

Таким образом, медико-биологическое направление связано с попыткой преодоления противоречий организмо-центрического и популяционно-центрического подходов, общего и особенного в адаптации человека.

Социально-биологические последствия научно-технического прогресса для человека вызвали интерес ученых всех стран и стали обоснованием социального направления в исследовании проблемы адаптации человека. Поэтому перед наукой стала важная задача построения теории, которая не только вскрыла бы причины создавшейся ситуации, но и позволила бы выработать конкретные рекомендации. Такой теорией, по мнению зарубежных ученых, является концепция «социальной дезадаптации», появление которой относится к 50 — 60-е годы XX века.

Теория «социальной дезадаптации». Несмотря на то, что эта «теория социальной дезадаптации» создавалась представителями социальной медицины и медицинской социологии (P.Delore, G.Rosen, E.Wellin, E.Huant, A.Dussert, R.Dubuot), она выходит за рамки этих отраслей науки, так как охватывает широкий круг вопросов. В данной теории научно-техническая революция объявляется главной причиной дисгармонии ритмов природной жизни человека и ритмов, создаваемых в обществе.

По мнению одного из основоположников теории «социальной дезадаптации», П.Делора, основная причина «социальной дезадаптации» заключается в диспропорции, далеко зашедшем несоответствии современных условий жизни человека условиям его формирования как биологического вида. Р.Дюбо (1962) подчеркивает, что выделение человека из природы привело к его дисгармонии с

«естественными ритмами», свойственными ему как биологическому виду, что в свою очередь и порождает физиологические нарушения.

Э.Гюан и А.Дюссер в книге «Болезни нашего общества» (1961) писали, что человеческая личность в результате воздействия факторов цивилизации, которые созданы ею самой, находится в настоящее время в состоянии «социальной инадаптации», что приводит к потере индивидуальности. Дисгармония ритмов природной жизни человека и ритмов, создаваемых образом жизни современного общества, — вот, по мнению ученых, наиболее универсальный механизм и наиболее общая причина патологии человека.

Итогом такого подхода к решению проблемы адаптации человека в современном обществе является вывод о том, что «социальная инадаптация» (дезадаптация) ведет к вырождению личности.

Рассмотренная концепция «социальной инадаптации» претендует не только на роль универсальной теории патологии, но и социологической теории вырождения человечества, обусловленного научно-техническим и социально-экономическим прогрессом.

При анализе места и роли человека в современном обществе сторонники теории «социальной дезадаптации» исходят из основных положений философии экзистенциализма. Идеи о деперсонализации личности, ее отчужденности, деградации нормального человеческого существования, ухода в бессознательное и болезнь как средства выхода из состояния «социальной дезадаптации» мы находим в работах философов-экзистенциалистов Ж.Л.Сартра, А.Камо, Г.Марселя, Ж.Батая, П.Тиллиха, У.Баррета, Д.Уайлда, К.Ясперса.

Взглядам Э.Гюана и А.Дюссера в заметной степени присуща экзистенциалистская трактовка личности, как находящейся в дисгармонии и глубоком внутреннем разладе своего Я с самим собой.

Понятия отчуждения из области конкретных производственных отношений общества механически переносятся в абстрактную область вневременных и внеклассовых отношений — в область «цивилизации». Отчуждение в теории «социальной дезадаптации» принимает всеобщий, а потому абстрактный метафизический характер; оно проецируется на все сферы жизни современного человека. Отчуждение выступает как антропологическая сущность существования, как основа человеческого бытия, вне зависимости от изменяющихся исторических, экономических и политических факторов.

В основе теории «социальной дезадаптации» лежит признание того положения, что все общественные явления и взаимоотношения между различными классами и социальными группами якобы предопределяются внутренним индивидуальным опытом личности, т.е. в конечном счете обусловлены психологическими факторами.

В результате критического анализа данной концепции, используя рациональные моменты ее положений, можно предложить понятие «социальной адаптации», суть которого может быть выражена в следующем определении: «Социальная адаптация представляет собой не только процесс изменения самой личности или социальной группы, который связан с отражением ими существенных общественных отношений, нравственных норм, ценностных ориентаций, но и определенную перестройку социально-экономических отношений в соответствии с уровнем развития производства и требованиями эпохи».

Сущностные параметры понятия «социальная адаптация». Понятие социальной адаптации не имеет в литературе однозначного определения.

Е.А.Климов рассматривает этот процесс с точки зрения интенсивности и эмоциональности его протекания. На основе экспериментальных данных он

заключает, что адаптация людей с различными индивидуально-типологическими свойствами нервной системы «протекает различно и по темпу и стратегии инертности и подвижности субъекта», что «инертным свойственно превентивное поведение в отличие от подвижных, которые склонны адаптироваться экспротом» [4, с. 250].

Д.А.Андреева определяет социальную адаптацию как «процесс выработки по возможности оптимального режима целенаправленного функционирования личности, т.е. приведение ее в конкретных условиях времени и места в такое состояние, когда вся энергия, все физические и духовные силы человека направлены и расходуются на выполнение ее основных задач» [5, с.64].

Г.П.Медведев, Б.Г.Рубин, Ю.С.Колесников рассматривают социальную адаптацию как «приобщение личности к определенным видам деятельности, которое происходит в данной социальной среде. Адаптация есть усвоение личностью социального опыта общества в целом и той среды, к которой она принадлежит» [6, с. 64]. В данном определении подчеркивается активный характер овладения личностью новыми условиями жизнедеятельности в процессе адаптации, но не учитывается ее приспособительный характер.

М.Шабанова рассматривает социальную адаптацию в контексте свободы [7, с.34].

А.С. Готлиб определяет социальную адаптацию с точки зрения факторов, способствующих ее «успешности — неуспешности» [8, с. 51].

Л.А.Беляева анализирует социальную адаптацию как «процесс и состояние» одновременно. Как процесс адаптация осуществляется для того, чтобы привести поведение индивида в соответствие с господствующей системой норм и ценностей. Состояние социальной адаптации — это характеристика отношений индивида с внешней средой, которая служит выражением успешности адаптации как процесса» [9, с. 45].

В разработанной И.А.Милославовой модели социальной адаптации нашли отражение последовательность и стадии данного процесса. В качестве модели стадиальности адаптационного процесса выделяется степень соответствия личности условиям изменяющейся социальной среды и в связи с этим характеризуются четыре основных стадии социальной адаптации:

1) уравновешивания (установления равновесия между средой и индивидом, которые проявляют взаимную терпимость к системе ценностей и стереотипам поведения другого);

2) псевдоадаптация (сочетание внешнего приспособления к обстановке с отрицательным отношением к ее нормам и требованиям;

3) приоровление (признание и принятие основных систем ценностей новой ситуации);

4) уподобление (психическая переориентация индивидов трансформирующихся прежних взглядов, ориентаций, установок в соответствии с новой ситуацией [7, с. 23].

Под адаптационной способностью понимают способность человека приспосабливаться к различным требованиям среды (как социальной, так и физической) без ощущения внутреннего дискомфорта и без конфликта со средой.

Процесс социальной адаптации личности — это сложнейшее общественное явление, которое включает в себя различные стороны жизнедеятельности человека. Экстремальные ситуации, возникающие в области экономических, политических, собственно социальных и духовных отношений в обществе, требуют от индивида психического и физического здоровья для успешной деятельно-

сти, знания и умения в использовании наиболее эффективных механизмов адаптации в различных усовершенствованиях государства, саморазвития. В настоящее время система социальных институтов, призванная стать активным помощником человека в совершенствовании своей жизни, сам статус социальных работников только складывается. Поэтому так важно проанализировать некоторые теоретические и практические основы, наиболее существенные механизмы социальной адаптации личности.

Механизмы социальной адаптации. Существуют различные уровни взаимоотношения личности с окружающим миром, и здесь необходимо найти оптимальные, гармоничные механизмы адаптации человеческого организма (его морфофизическая организация) с индивидуально-личностными сторонами (психическая организация) и потребностями, нуждами социального обустройства (система социальных отношений и практики) — с окружающей природной средой.

Характерным признаком человека является то, что он существует общественное. У человека с поступательным развитием цивилизации не исчезают приспособительные функции, присущие биологическим системам, а появляются новые, социальные, качественно особые способы и средства адаптации. Здесь уже не просто влияние определенно заданных биологических параметров, определенный продукт природы — человек, а высокоорганизованная развивающаяся система, отличительной чертой которой является эффективная связь телесного и психического как основы становления личности.

Конечно, биологическое, физиологическое, психическое и социальное развитие человека, которые постоянно обогащаются и изменяются посредством его активной деятельности, взаимосвязаны и взаимообусловливают друг друга. Заданные природные особенности человека составляют важнейшую предпосылку, необходимые условия для его социального развития, которые в свою очередь зависят от психических, интеллектуальных и других особенностей человека. Подчеркивая эти стороны развития человека, его связь с внутренним и внешним миром, мы этим самым показываем многозначность проблемы адаптационных процессов, важность выбора действий самого индивида и его связь с социальной практикой.

Спецификой человеческой адаптации является то, что этот процесс связан с социализацией человека, его врастанием в социальный мир, которое предполагает активное участие как в потреблении, так и в передаче социально значимых норм и ценностей существующей и прошлой социальной среды. В понятии социализации характеризуются способность человека усвоить изменяющиеся условия, его адаптационная сущность. Социализация человека как непрерывный процесс развития и саморазвития личности органически связана с социальной адаптацией. По существу социальная адаптация является важнейшим механизмом, специфической формой социализации человека.

Однако, если процесс социализации человека идет, как правило, эволюционным путем, посредством накопления и усвоения предыдущего опыта, приобретения в конкретно-исторических условиях навыков в труде, быту, политических отношениях, культуре, то механизм социальной адаптации носит более быстрый характер, когда необходимо в относительно короткий промежуток времени активно устранить или усвоить создавшиеся социальные прецеденты.

Вместе с тем процесс социальной адаптации — это процесс освоения относительно стабильных условий социальной среды, решения повторяющихся, типичных проблем путем использования принятых способов социального

поведения, действия. В этом процессе есть две характерные стороны, которые можно назвать объективной и субъективной.

Объективный процесс социальной адаптации заключается в том, что человек со дня своего рождения приобретает различные социальные свойства, отражающие его место в системе общественных отношений. С детства и до самой смерти идет непрерывный процесс усвоения и развития механизмов адаптации, в формировании которого активное участие принимает окружающая социальная среда (родители, друзья и т.д.), а также различные социальные институты.

Субъективный процесс социальной адаптации непосредственно не связан с общественным положением человека или половозрастными особенностями, а с его личными качествами, взглядами, убеждениями, со всеми аспектами социально-психологического развития. И здесь во многом проявляется активизирующая роль человека, его желание или нежелание изменить или усвоить существующие социальные ценности.

Поэтому эффективному развитию всех механизмов социальной адаптации способствует взаимодействие многих составляющих; это и объективные социальные условия (социальное происхождение, образовательный уровень и т.д.); условия непосредственной среды обитания (семья, школа, трудовой коллектив, неформальное окружение и т.д.) и, конечно, сама личность, которая формируется в зависимости от активной или пассивной позиции, его способностей и творческой деятельности, природных задатков.

В основе понимания развития механизмов социальной адаптации, ее сущности, лежит активная деятельность человека, ключевым моментом которой является потребность в преобразовании существенной социальной действительности. Поэтому сам процесс формирования механизмов социальной адаптации личности неотделим от всех видов преобразований индивидов и проходит в трех основных фазах: деятельности, общении, самосознании, характеризующих его социальную сущность. В этой триаде происходит не просто изменение внешней действительности, но и преобразование внутреннего мира человека, раскрытие и реализация его скрытых потенций, помогающих полноценно включиться в процессы социальной адаптации как активной личности.

Механизм адаптации социальной деятельности личности имеет свои закономерные этапы, которые в основном свойственны основным видам деятельности. Эта схема примерно такова: нужда индивида — потребности — мотивы принятия решения — реализация и подведение итогов — ее оценка. Далее этот механизм может повторяться в зависимости от достигнутых результатов.

Итак, социальная адаптация личности — многогранный процесс активного развития индивидуума, который осуществляется в объективно-субъективной форме и в основе которого лежит активное или пассивное приспособление, взаимодействие с существующей социальной средой, а также способность изменять и качественно преобразовывать саму личность на основе познанных биологических, физиологических, психологических механизмов развития.

Существуют процессы заданности в человеке, различные виды адаптации, которые влияют на полноценное развитие личности. В целом проведенные научные исследования позволяют выделить четыре вида (уровня) адаптации человека: биологическую, физиологическую, психологическую и социальную. Эти виды тесно взаимосвязаны, но иногда на различных уровнях реализации адаптационной потенции личности имеют относительную независимость или приобретают временный приоритет. Конечно, процесс социальной адаптации не тож-

дествен биологическому приспособлению живого организма к среде обитания. Человек — носитель и обладатель сознания, с помощью которого он не только воспринимает реальную социальную действительность, но и активно влияет и взаимодействует с социальной средой, природой, пытается изменить существующее положение дел.

Процесс социальной адаптации личности имеет многоплановый характер и в зависимости от направленности исследования возможно изучение этого явления в ракурсе трех структурных уровней: общества (макросреда), социальной группы (микросреда); самого индивидуума (внутриличностная адаптация). Процесс социальной адаптации носит конкретно-исторический характер, который по-разному влияет или подталкивает личность к определенному выбору механизмов действия в заданном контексте времени. Формы и характер адаптации, мотивы и результаты действия личности во многом определяются уровнем развития общества. Но эта заданность во многом изменяется под воздействием личности, способной пойти против устоявшихся традиций и норм данного общества, определенного коллектива и т.д.

Человек как социальный субъект принадлежит к определенной общественной структуре, которая задает различные формы, виды, стереотипы деятельности. Условия деятельности объективны, так как индивид действует в природной и социальной среде, однако результаты его деятельности персонифицированы и во многом уникальны, так как личность несет в себе творческое начало, нестандартность. Человек входит в широкую систему профессиональных, деловых и межличностных операций, которые позволяют ему адаптироваться в данном социуме. Любой вид социальной адаптации личности требует не только определенных способностей индивида, но и хорошо организованной профессиональной работы со стороны органов социальной работы различного профиля, призванных помочь человеку на различных этапах его развития. В опросных данных это обычно выражается как ощущение неуверенности в будущем, такая черта свойственна носителям как «новых» так и «старых» типов поведения индивидов» [11, с. 10].

Современная стадия развития современного общества показывает, что человек не успевает адаптироваться в новые экономические, политические, духовные и собственно социальные стороны бытия. Отсюда возрастает роль социальных работников, различных служб помощи, призванных отрегулировать механизмы взаимоотношений человека с социальной средой благодаря своей профессиональной компетенции.

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. — Л., 1969.
2. Общество и здоровье человека / Под ред. Г.И.Царегородцева. — М., 1973.
3. Лисицын Ю.П. Современные теории медицины. — М., 1969.
4. Климов Е.А. Индивидуальный стиль деятельности в зависимости от типологических свойств нервной системы. — Казань, 1979.
5. Андреева Д.А. О понятии адаптации // Человек и общество. — Л., 1983.
6. Медведев Г.П., Рубин Б.Г. Колесников Ю.С. Адаптация — важнейшая проблема педагогики высшей школы // Советская педагогика, — 1982. — № 3. — С.64-71.
7. Шабанова М. Добровольные и вынужденные адаптации // Свободная мысль. — 1998. — №1. — С. 34-45.
8. Готлиб А.С. Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности-неуспешности // Социологические исследования. — 2001. — №7. — С.51-57.
9. Беляева Л.А. Стратегии выживания, адаптации, преуспевания // Социологические исследования. — 2001. — №6. — С. 44-53.
10. Милославова И.А. Адаптация как социально-психическое явление // Социальная психология и философия. — Л.. —1983.

11. Левада Ю.А. Homo Post-Soweticus [Человек приспособленный] // Общественные науки и современность. — 2000. — № 6. — С.5-24.

Поступила в редакцию 01.07.2002.

Modern civilization has reached high level of social progress, material and spiritual culture of society and has caused deep transformations in the nature and social encirclement of people. It has caused noticeable changes in their physical and spiritual organization.

Modern civilization puts the man and his biological and social adapted mechanisms up to the new situation and exposes him to the new examinations.

The man keeps in himself all the history of nature and society and reacts to its changes adequately. According to it, there are some new special-scientific and philosophical questions on the agenda that have great importance for the solution of cardinal problem of our time. This problem is the harmonization of relations between society and nature, adaptation of man's individual-personal and physiological development to the requirements of developed natural and social environment.

The main aim of the work is to research methodological and philosophical aspects of some problems of man's adaptation.

Степаненко Ирина Брониславовна, аспирант кафедры философии ГрГУ им. Я. Купалы. Научный руководитель — профессор, доктор философских наук Ч. С. Кирвель.

Паліталогія і сацыялогія

УДК 347.63

Л.И.Цыганкова

ПРАВА ДЕТЕЙ: СТАНОВЛЕНИЕ, ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматривается история формирования и развития представлений о правах ребенка, их закрепление в соответствующих международно-правовых документах, а также международный механизм контроля по защите прав детей. Вторая часть статьи посвящена анализу некоторых проблем обеспечения и защиты прав детей в Республике Беларусь.

Обеспечение и защита прав детей рассматриваются современным мировым сообществом как одна из первоочередных целей, реализация которых не терпит отлагательства. Повышенное внимание к проблемам детей объясняется не только гуманистическими принципами заботы о наиболее слабых и социально уязвимых членах общества, но и осознанием того, что будущее человечества во многом зависит от подрастающего поколения, от того, в каких условиях, в какой социальной среде оно будет развиваться, какие ценностные ориентации и идеалы оно усвоит и выберет себе в качестве основополагающих жизненных принципов.

Проблемы защиты прав ребенка стали активно обсуждаться в начале прошлого столетия. В 1919 году Лига Наций создала Комитет детского благополучия, который курировал вопросы детской беспризорности, рабства, детского труда, торговли детьми и проституции несовершеннолетних. В 1923 году неправительственная организация Международный союз спасения детей разработала и приняла Декларацию о правах ребенка. В 1924 году эта Декларация была принята пятой Ассамблеей Лиги Наций. В Декларации отмечалось, что о детях должны заботиться не только их родители, общество, государство, но и все человечество. Сама декларация состояла из пяти принципов, формулирующих цели международно-правовой защиты детей: ребенку должна быть предоставлена возможность нормального физического и духовного развития; голодный ребенок должен быть накормлен, больному ребенку должен быть предоставлен уход, порочные дети должны быть исправлены, сиротам и беспризорным детям должно быть дано укрытие и все необходимое для их существования; ребенок должен первым получать помощь при бедствии; ребенку должна быть предоставлена возможность зарабатывать средства на существование, и он должен быть огражден от всех форм эксплуатации; ребенок должен воспитываться с сознанием того, что его лучшие качества будут использованы на благо следующего поколения [1, с.51]. Генеральная Ассамблея ООН в 1948 году одобрила несколько расширенный текст этой декларации.

В ноябре 1959 года Генеральная Ассамблея ООН принимает новую декларацию прав ребенка, состоящую из десяти фундаментальных принципов обеспечения

защиты детей. В преамбуле Декларации было отмечено, что «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту, как до, так и после его рождения» [2, с.135]. Принципы Декларации зафиксировали недопущение дискриминации в отношении детей по каким бы то ни было признакам (пр.1); при всех обстоятельствах ребенок должен быть среди тех, кто первым получает защиту и помочь (пр.8); ребенок должен быть защищен от всех форм небрежного отношения, жестокости и эксплуатации, он не должен быть объектом торговли в какой бы то ни было форме (пр.9); родители, общество и государство должны осуществлять заботу о детях (пр.6); особая забота должна проявляться по отношению к ребенку, который является неполноценным в физическом, психическом или социальном отношении (пр.5); детям должна быть обеспечена социальная защита и предоставлены возможности для нормального развития в условиях свободы и достоинства (пр.2); на имя и гражданство (пр.3); на надлежащее питание, жилище, развлечения и медицинское обслуживание (пр.4); на получение образования (пр.7). В заключительном положении Декларации отмечено, что ребенок должен воспитываться в духе взаимопонимания, терпимости, дружбы между народами, мира и всеобщего братства, а также в полном сознании, что его энергия и способности должны посвящаться служению на пользу других людей (пр.10) [2, с.135-136].

Принятие декларации, безусловно, является важной вехой в процессе разработки международных норм по защите прав человека. Зафиксированные в декларации фундаментальные принципы по защите прав детей были введены во многие международные документы. Но сама декларация (от лат. *deklaratio* — объявление, провозглашение) является рекомендацией и не имеет обязательной силы. Многие из принципов, провозглашенных в Декларации прав ребенка, в реальной действительности не соблюдались. Организации Объединенных Наций были представлены доклады, которые свидетельствовали о серьезных нарушениях прав детей. Во многих государствах по-прежнему сохранялась высокая детская смертность, детям не оказывалась должная медицинская помощь, они не имели возможности получить образование, были заняты на работах с вредными условиями труда, становились жертвами наркодельцов, торговли людьми, вовлекались в проституцию и т.п. Стало очевидно, что просто провозглашение общих принципов защиты прав детей явно недостаточно, что необходимо принятие и проведение в жизнь целого комплекса действенных мер, которые бы содействовали осуществлению и защите прав детей. Сама жизнь поставила на повестку дня вопрос о принятии конвенции о правах ребенка, которая представляет собой международный договор по определенному вопросу (от лат. *conventio* — договор, соглашение), имеющий силу обязательства для подписавших и ратифицировавших его государств.

В 1978 году правительство Польши предоставило Комиссии ООН по правам человека первоначальный проект текста Конвенции о правах ребенка. В 1979 году, который был объявлен международным годом прав ребенка, Комиссия по правам человека пришла к выводу, что предложенный текст требует углубленного рассмотрения и утвердила специальную рабочую группу для разработки Конвенции по правам ребенка. Кропотливая работа над текстом конвенции продолжалась десятилетие. Активное участие в разработке конвенции принимали международные неправительственные организации. В 1985 году пятьдесят неправительственных организаций объединились в специальную группу для оказания помощи Рабочей группе ООН. Ряд статей Конвенции был принят по их инициативе или при их непосредственном участии.

В ноябре 1989 года Генеральная Ассамблея ООН единогласно приняла Конвенцию о правах ребенка, а 2 сентября 1990 года она вступила в силу. Согласно Конвенции ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, за исключением тех случаев, когда в соответствии с национальным законодательством совереннолетие предусматривается в более раннем возрасте.

Основой для всех прав, содержащихся в Конвенции, послужили четыре основополагающих принципа. Принцип недискриминации, означающий, что государство обязано обеспечить права каждого ребенка, находящегося в пределах его юрисдикции, без какой-либо дискриминации, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, состояния здоровья и рождения ребенка, его родителей или иных обстоятельств (ст.2). Принцип приоритетности интересов детей, предусматривающий, что государственные, частные и общественные учреждения во всех действиях в отношении детей обязаны руководствоваться критерием наилучшего обеспечения интересов ребенка (ст.3). Принцип соблюдения неотъемлемого права детей на жизнь, выживание и здоровое развитие, обязывающий государства в максимально возможной степени обеспечивать нормальные условия для жизни детей (ст.6). Принцип уважения собственных взглядов ребенка (ст.12), предусматривающий право детей свободно выражать свои взгляды по вопросам, затрагивающим их интересы. Причем этим взглядам необходимо уделять должное внимание при принятии решений, влияющих на судьбу ребенка.

Конвенция включает в себя широкий спектр прав человека, которые взаимно дополняют друг друга. Конвенция закрепляет за детьми следующие права: право на жизнь и здоровое развитие (ст.6); на имя, гражданство и, насколько это возможно, право знать своих родителей и на заботу с их стороны (ст.7); на сохранение своей индивидуальности, включая гражданство, имя и семейные связи (ст.8); право жить со своими родителями, за исключением тех случаев, когда это противоречит интересам ребенка (ст.9); на въезд и выезд из страны с целью воссоединения или поддержания личных отношений и прямых контактов между ребенком и родителями (ст.10); помочь и защиту национального права (ст.2, 3, 4, 11); право свободно выражать свои взгляды по всем вопросам, затрагивающим интересы ребенка, причем этим взглядам необходимо уделять должное внимание в соответствии с возрастом ребенка (ст.12); свободу мысли, совести и религии (ст.14); защиту от незаконного вмешательства в личную жизнь и свободу переписки (ст.16); право на защиту от всех форм эксплуатации, наносящих ущерб любому аспекту благосостояния ребенка (ст.36); защиту от незаконного ущемления чести и репутации (ст.16); право не подвергаться пыткам, жестокому обращению и наказанию; смертная казнь и пожизненное заключение без возможности освобождения не назначаются за преступления, совершенные лицами моложе 18 лет (ст.37); право на неучастие в военных действиях до 15 лет (ст.38); статья 40 оговаривает нормы отправления правосудия в отношении несовершеннолетних; право свободно выражать свое мнение, свободу искать, получать и передавать информацию и идеи независимо от границ (ст.13); свобода ассоциаций и свобода мирных собраний (ст.15); право на труд и особые условия труда, право на защиту от экономической эксплуатации (ст.32); право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития (ст.27); право пользоваться благами социального обеспечения (ст.26); право на медицинскую помощь (ст.24); государство обязано обеспечить особую социальную защиту ребенка, лишенному своего семейного

окружения (ст.20); ребенок-инвалид имеет право на особую заботу и уход за ним (ст.23); право на образование (ст.28); на отдых, досуг и участие в культурной и творческой жизни (ст.31); государства оказывают родителям надлежащую помощь в воспитании детей (ст.18); государство должно защищать ребенка от любых форм плохого обращения с ним со стороны родителей или других лиц, несущих ответственность за заботу о нем (ст.19); государства должны принимать все необходимые меры для предотвращения торговли детьми в любой форме (ст.35) и т.д. [3, с.306-323].

Даже краткий перечень прав иллюстрирует, что Конвенция включает в себя все основные гражданские, политические, экономические, социальные и культурные права. Это свидетельствует о том, что ребенок в Конвенции рассматривается не только как объект, требующий специальной защиты со стороны государства, общества и родителей, но и выступает как субъект права, обладающий основными правами и свободами.

В рамках Конвенции было предусмотрено создание международного механизма контроля за выполнением государствами-участниками их обязательств по данному договору. В соответствии с положениями Конвенции (ст.43) был учрежден Комитет по правам ребенка, который уполномочен рассматривать периодические доклады государств (раз в пять лет) о принятых ими мерах по защите и обеспечению прав детей и о прогрессе, достигнутом в обеспечении этих прав.

Процесс рассмотрения представленных в Комитет докладов состоит из двух стадий. Первоначально доклад рассматривает Предсессионная рабочая группа. На заседания Рабочей группы Комитет может приглашать международные и национальные неправительственные организации, которые имеют возможность комментировать официальные доклады государств, а также делать свои дополнительные доклады, представляющие собой альтернативный взгляд на ситуацию с обеспечением прав детей в стране, а также они могут представлять дополнительную информацию по ряду вопросов, не освещенных в официальных докладах государств. Изучив доклад, Рабочая группа составляет список вопросов, которые должны быть уточнены. Государство дает письменный ответ на них до официального рассмотрения доклада этой страны в Комитете. После этого в присутствии представителя этой страны на очередной сессии Комитета рассматривается официальный доклад государства и выносятся заключительные замечания и рекомендации [4, с.7-8].

Комитет по правам ребенка также осуществляет координацию международного сотрудничества для оказания технического содействия государствам по выполнению поставленных в Конвенции целей. Комитет может посыпать доклады государств — участников Конвенции, в которых содержится просьба о технической консультации или помощи, указывается на потребность в этом, в специализированные учреждения, Детский фонд ООН и другие компетентные органы, сопровождая эти доклады своими замечаниями и предложениями. Комитет может предлагать Генеральному секретарю ООН проводить исследования, посвященные конкретным вопросам, касающимся прав ребенка. Осуществление Комитетом этой функции позволяет выявлять факты нарушения прав ребенка гораздо быстрее, чем посредством анализа представляемых государствами докладов.

На своих сессиях Комитет по правам ребенка не только рассматривает доклады государств-участниц, но и проводит дискуссии по какой-либо конкретной статье Конвенции или по связанному с ней вопросу. Так, например, Комитетом уже рассматривались следующие темы: дети в условиях вооруженных конфликтов; экономическая эксплуатация детей; роль семьи в поощрении прав ребенка;

проблемы защиты прав детей-девочек; правосудие по делам несовершеннолетних; дети и средства массовой информации; торговля детьми, детская проституция и детская порнография; права детей-инвалидов; дети, живущие с ВИЧ/СПИД заболеваниями; насилие над детьми со стороны государства; насилие над детьми в семье и школе. Данные дискуссии способствовали разработке Комитетом по правам ребенка совместно с Комиссией по правам человека двух Факультативных протоколов к Конвенции о правах ребенка: «Вовлечение детей в вооруженные конфликты» и «Продажа детей, детская проституция и детская порнография», принятых Генеральной Ассамблеей ООН 25 мая 2000 года. Эти дискуссии Комитет по правам ребенка может использовать для выработки своих Общих комментариев к отдельным статьям Конвенции.

Конвенция о правах ребенка в рекордно кратчайшие сроки была ратифицирована большинством стран-участниц, что само по себе является беспрецедентным событием в истории международного гуманитарного права. На конец 2001 года среди стран-участниц Конвенцию не ратифицировали только две страны — Сомали и Соединенные Штаты Америки.

Государства, ратифицировавшие Конвенцию, осуществляют ряд законодательных, административных и других мер, способствующих защите прав детей. Так, например, в ряде государств (Ботсвана, Гондурас, Доминиканская Республика, Кения, Куба, Республика Беларусь, Соединенное Королевство, Финляндия и др.) были приняты специальные законы или кодексы, посвященные детям. Другие государства внесли соответствующие изменения в конституции (Ангола, Непал, Норвегия, Парагвай, Уганда, Эфиопия и др.). Государства стали создавать специальные национальные структуры, предназначенные для работы с детьми и молодежью. Сейчас почти во всех государствах мира правительства располагают министерством, комиссией или советом, несущими ответственность за детей.

Республика Беларусь 28 июля 1990 года ратифицировала Конвенцию о правах ребенка и с 30 октября того же года она вступила в силу. 19 ноября 1993 года Верховный Совет Республики Беларусь принял Закон «О правах ребенка», который основывается на Конвенции ООН о правах ребенка и направлен на обеспечение физического, нравственного и духовного здоровья детей, на формирование у них национального самосознания на основе общечеловеческих ценностей мировой цивилизации. В октябре 2000 года в данный закон были внесены изменения и дополнения. Закон определил правовой статус ребенка как самостоятельного субъекта, обладающего гражданскими, политическими, экономическими, социальными и культурными правами. В законе также определены принципы государственной политики по отношению к детям, обязанности юридических и физических лиц по защите детства [5, с.80-95].

Права ребенка закреплены также в Конституции Республики Беларусь. В Основном Законе зафиксировано, что родители или лица, их заменяющие, имеют право и обязаны воспитывать детей, заботиться об их здоровье, развитии и обучении. Дети не должны подвергаться жестокому обращению или унижению, привлекаться к работам, которые могут нанести вред их физическому, умственному или нравственному развитию (ст.32) [6, с.55].

С целью защиты интересов детей в апреле 1995 года был принят Национальный план действий по защите прав ребенка на 1995 — 2000 годы. В марте 1996 года была создана Национальная комиссия по правам ребенка, являющаяся центральным государственно-общественным органом, призванным координировать осуществление государственной политики в отношении детей. Национальная комиссия осуществляет контроль за соблюдением прав детей, координирует деятельность государственных органов по защите прав детей,

разрабатывают программы в поддержку детей, информирует общественность о защите и обеспечении прав детей и т.д.

Для улучшения социальной защиты детей в январе 1998 года была принята президентская программа «Дети Беларуси», которая включает в себя пять подпрограмм: «Дети Чернобыля», «Дети-инвалиды», «Дети-сироты», «Развитие социального обслуживания семьи и детей», «Развитие индустрии детского питания» (данная программа продлена до 2005 г.). Также в январе 1998 года были утверждены «Основные направления государственной семейной политики Республики Беларусь». В данном документе определено, что одним из важных принципов государственной политики является обеспечение выживания и защита каждого ребенка, создание условий для его полноценного физического, психического, нравственного, интеллектуального и социального развития независимо от социального статуса родителей.

В последние годы в Республике Беларусь принято значительное количество нормативно-правовых актов, призванных улучшить положение детей. Среди них: Законы «О государственных пособиях семьям, имеющим детей», «О присоединении Республики Беларусь к Факультативному протоколу к Конвенции о правах ребенка, касающемуся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии»; Указы Президента Республики Беларусь «О сохранении бесплатного оздоровления детей и подростков, проживающих в населенных пунктах, ранее относившихся к зонам радиоактивного загрязнения», «О материальной поддержке семей, усыновивших (удочеривших) детей»; Постановления Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении примерного положения о территориальном центре социального обслуживания семьи и детей», «О санаторно-курортном лечении инвалидов в возрасте до 18 лет», а также большое количество соответствующих инструкций, положений, приказов [7, с.4-11].

Разработка законодательной базы, направленной на защиту и обеспечение прав детей, безусловно, способствует организации и проведению в жизнь действенных мер по улучшению положения детей в обществе. Но, тем не менее, в стране есть еще много проблем, затрагивающих интересы детей, ждущих своего решения. Рассмотрим некоторые из них.

Важнейшим правом любого человека является право на жизнь. В шестой статье Конвенции о правах ребенка зафиксировано, что «каждый ребенок имеет неотъемлемое право на жизнь. Государства-участники обеспечивают в максимально возможной степени выживание и здоровье ребенка» [3, с.308]. В настоящее время в Республике Беларусь проживает почти 2600000 детей, что составляет примерно 25 % всего населения страны [8, с.64]. Демографическая ситуация в стране характеризуется ярко выраженной негативной тенденцией. Так, если в 1960 г. в стране появилось на свет 200,2 тысячи малышей, в 1980 — 154,4 тыс., то в 2000 г. — всего 93,7 тыс. [8, с.73]. При сохранении нынешнего уровня рождаемости лет через пятьдесят лет число жителей страны сократиться вдвое. На фоне этой статистики особенно тревожным фактором является проблема абортов. В 2000 году в стране было произведено 121895 абортов [9, с.55]. Иными словами, на 100 родов приходится 144 абORTA, тогда как в развитых странах этот показатель варьирует от 10 до 27 [10, с.71]. Безусловно, в таком деликатном вопросе, как регулирование количества детей в семье, у супругов должна быть свобода выбора. Но в то же время в обществе должны быть предприняты соответствующие меры по защите зародыша человека. Наряду с самой действенной мерой в этом направлении — повышением благосостояния граждан, необходимо усиление эффективности адресной помощи семьям, имеющим детей. Параллельно с этим необходимо принимать меры, способствующие развитию просве-

тительской работы и услуг в области профилактической медицинской помощи и планирования размера семьи.

Право ребенка на проживание в семье, зафиксированное в 15 статье Закона Республики Беларусь «О правах ребенка», также достаточно часто нарушается. В связи с ростом количества разводов в стране ежегодно около 45 тыс. детей остаются без одного из родителей. [11, с.145]. В 2000 году 17442 ребенка родились вне брака [9, с.18]. Вполне вероятно, что из-за продолжающегося кризиса института семьи в современном обществе эти цифры уменьшаться не будут.

Остро стоит в Республике Беларусь проблема детей-сирот. Дети остаются однокими, если родители умирают, добровольно отказываются от них (в стране ежегодно отказываются от новорожденных около 500 матерей) или лишаются родительских прав в судебном порядке. В настоящее время в стране насчитывается около 30 тысяч детей-сирот и детей, находящихся без попечения родителей [12, с.3]. Из общего количества детей, лишенных родительской опеки, большинство определяются в семью и немногим менее половины — в детские интернатные учреждения. В 2000 году в опекунских семьях воспитывались 13012 детей. А в детских интернатных учреждениях (дома ребенка, детские дома, школы-интернаты) воспитывались 29,6 тысячи детей, из них 11 тысячи детей-сирот [8, с.150,148].

Основными причинами пополнения контингента воспитанников детских интернатных учреждений являются алкоголизм и другие формы девиантного поведения родителей. Почти 90 процентов нынешних детдомовцев являются сиротами при живых родителях. Извлечение детей из семьи, где отсутствует должный уход за ними и установлены факты аморального поведения родителей, является мерой вынужденной. Пребывание детей в детских интернатных учреждениях более благоприятно оказывается на их судьбе, нежели их нахождение в асоциальных семьях. Но и деятельность системы государственных интернатных учреждений характеризуется рядом серьезных недостатков: неприспособленностью большинства зданий интернатов к длительному пребыванию в них большого количества детей, недостаточная «персонифицированность» помещений, вследствие чего у детей развивается «эмоциональная глухота» (невосприимчивость к чужому горю); недостаточная подготовленность персонала к работе с детьми, страдающими от последствий материнской депривации; неразработанность методик организации воспитательного процесса в интернатных учреждениях; отсутствие контактов в социальной и культурной сфере, прочих связей с внешним миром, своеобразной «закрытостью», что затрудняет постинтернатную адаптацию и др. [13, с.5.]. О том, как трудно бывшим воспитанникам детских домов и интернатов благополучно наладить свою жизнь свидетельствуют следующие данные: 40 процентов из них страдают алкоголизмом и наркоманией, 40 процентов пополняют ряды криминальных групп, 10 процентов заканчивают жизнь самоубийством и лишь 10 процентов оказываются в состоянии относительно удачно социально адаптироваться в обществе [14, с.14].

Наиболее оптимальным вариантом решения судьбы детей, оставшихся без попечения родителей, является их устройство в другую семью. Это нашло свое отражение и в новом Кодексе Республики Беларусь о браке и семье. В статье 118 зафиксировано, что «дети, оставшиеся без попечения родителей, подлежат передаче на воспитание в семью (на усыновление (удочерение), под опеку, попечительство, в приемную семью), а при отсутствии такой возможности — в государственные и негосударственные детские интернатные учреждения на патронатное воспитание. Органы опеки и попечительства, администрация детского интернатного учреждения обязаны принимать все необходимые меры по устройству ребенка на воспитание в семью» [15, с.54].

Усыновление (удочерение) представляет собой основанный на судебном решении юридический акт, в силу которого между усыновителем и усыновленным возникают такие права и обязанности, как между родителями и детьми. К сожалению, среди белорусов желающих усыновить детей становится все меньше и меньше. Так, в 1993 году гражданами страны были усыновлены 732 ребенка, а иностранными гражданами — 17, в 1999 году эти цифры составили, соответственно, 600 и 150 детей [16, с.39]. Эти цифры незначительны, если учесть, что в стране почти 12 тысяч детей, подлежащих усыновлению.

Поэтому весьма перспективным является развитие института приемной семьи, позволяющей детям, оставшимся без присмотра родителей, расти в атмосфере семьи. Пребывание детей в семье выгодно родителям, государству и, конечно, детям. Приемные родители заключают договор с органами образования, одному из них идет педагогический стаж, зарплата, ежемесячно на ребенка выплачивается пособие, а если кто-то из биологических родителей умер, то ребенку выплачивается пенсия по потере кормильца. Пребывание ребенка в семье является временным (договор можно заключить на срок от 1 месяца до достижения ребенком возраста 18 лет) и не влечет за собой возникновения между приемными родителями и приемными детьми алиментных и наследственных правоотношений [17, с.33-37]. Существование института приемной семьи выгодно государству, т.к. на содержание ребенка в приемной семье государство в целом затрачивает значительно меньше средств, чем на его содержание в интернатном учреждении. К тому же дети, выросшие в семейной атмосфере, меньше склонны к противоправным поступкам, нежели дети из «семей риска», прошедшие через государственные интернатные учреждения. Воспитание ребенка в приемной семье, безусловно, положительно оказывается на его судьбе, т.к. он будет расти в нормальной семейной обстановке.

Но в настоящее время приемная семья как новая форма устройства детей еще не получила широкого распространения. Необходима не только широкая пропаганда этого института, но и серьезная разъяснительная работа с целью изменения общественного мнения. В общественном сознании еще существует предубеждение, что приемные родители незаслуженно находятся в более благоприятных материальных условиях, чем обычные семьи. При этом молчанием обходится тот факт, что люди, воспитывающие социальных сирот, исправляют недостатки общественной жизни, а также избавляют общество от возможных негативных последствий нахождения и воспитания детей вне семьи.

Большое значение для судьбы каждого ребенка имеет образование. В Республике Беларусь действует система непрерывного образования, позволяющая детям получать бесплатное среднее образование. В последнее время значительно возросло количество учащихся, которые получают образование на повышенном уровне, заканчивая гимназии, лицеи, школы (классы) с углубленным изучением отдельных предметов. В дальнейшем дети могут продолжить образование в развитой сети средних и высших учебных заведений. Но, реализуя свое право на образование, дети сталкиваются с серьезными проблемами, обусловленными возросшей учебной нагрузкой. В связи с тем, что школьные программы сильно перегружены, у многих белорусских детей и подростков начинают развиваться школьные неврозы, психологическая дезадаптация, различные пограничные расстройства и заболевания. Как показали исследования, абсолютно здоровыми (I группа здоровья) заканчивают школу лишь 25,8 % белорусов [18, с.5].

Подросткам в Республике Беларусь законодательно предоставлена возможность зарабатывать на жизнь трудом. В соответствии с Кодексом законов о труде с шестнадцатилетнего возраста подросток имеет право на самостоятельную тру-

довую деятельность. А в возрасте с четырнадцати до шестнадцати лет подросток может устроиться на работу с письменного согласия родителя или попечителя. Для несовершеннолетних, вступивших в трудовые отношения, предусмотрена система льгот. Их труд запрещено использовать на тяжелых работах и на работах с вредными условиями труда, на подземных и горных работах, на работе в ночную смену, в выходные дни и на сверхурочной работе. Для работающих подростков установлена сокращенная рабочая неделя, при этом заработка плата выплачивается в таком же размере, как работникам соответствующих категорий при полной продолжительности дневной работы.

Однако система протекционистских мер по отношению к трудящимся подросткам, которая обладала определенной эффективностью, когда государство было основным работодателем, в условиях рыночной экономики ухудшает шансы детей на рынке труда. С 1995 по 2000 г. количество несовершеннолетних, зарегистрированных в органах государственной службы занятости, возросло почти вдвое [9, с.104]. Несмотря на то, что государство пытается способствовать трудоустройству молодежи, негативные тенденции в этой сфере остаются. Так, например, в Гродненской области городские и районные исполнкомы утвердили бронь для предприятий, которая предусматривает выделение несовершеннолетним трех процентов от общего количества рабочих мест. Однако реально выделяется 1,5 — 2 процента самых непrestижных рабочих мест. В итоге около 40 процентов подростков отказываются от предложенной работы [19, с.2].

Ухудшение социально-экономического положения трудящихся, коммерциализация сферы досуга ограничили доступ детей к внешкольному воспитанию, культуре и искусству, полноценному отдыху. Поэтому в последнее время в подростковой среде все большее распространение получают различные формы девиантного поведения. Все больше и больше детей задерживаются правоохранительными органами в нетрезвом состоянии. В настоящее время около 4000 подростков состоят на учете в наркодиспансерах [20, с.3.]. Растет количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Особенно опасной является тенденция роста количества тяжких преступлений.

Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что несмотря на наличие значительного ряда законов, указов и постановлений, регламентирующих права детей и защиту их интересов, в стране еще не создан действенный механизм реализации государственной политики в сфере защиты прав и интересов детей, создания наиболее благоприятных факторов для их всестороннего развития. Наличие соответствующей законодательной базы является очень важным, необходимым, но не единственным фактором реализации их интересов. Необходимо разработать и претворить в жизнь систему социальной защиты, обеспечивающей действенную реализацию политики, направленной на создание наиболее благоприятных условий для выживания и развития детей.

Одним из таких факторов, способствующим организации действенного механизма по защите и реализации прав и интересов детей, является создание независимого органа, чья деятельность полностью посвящена заботе о детях. Таким органом, не подчиняющимся правительству и поэтому относительно свободным в своих суждениях и высказываниях, критически оценивающим государственную политику в отношении детей, являющимся источником достоверной информации о положении детей и их своеобразным рупором, является институт омбудсмена.

Пост уполномоченного по правам детей впервые был учрежден в Норвегии в 1981 году. В настоящее время институт омбудсменов по правам ребенка получил широкое распространение в европейских и латиноамериканских странах.

Традиционным направлением деятельности омбудсменов по правам детей являются сбор информации о положении подрастающего поколения в государстве; подготовка аналитических материалов (в том числе и по результатам проведенных исследований); распространение знаний о правах ребенка. В ряде стран омбудсмены также влияют на формирование государственной политики по отношению к детям и/или рассматривают конкретные жалобы детей.

В Республике Беларусь сейчас активно обсуждается вопрос о введении поста уполномоченного по правам человека. Целесообразно, чтобы одним из заместителей уполномоченного по правам человека был бы омбудсмен по правам детей. Человек, занимающий этот пост, должен быть ведущим специалистом в данной области, обладающим высокими нравственными качествами. В противном случае будет сформирована очередная заорганизованная структура, чья деятельность будет характеризоваться формализмом.

1. *Старовойтov O.* Становление и развитие международной защиты прав ребенка // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 1998. — №5.
2. Декларация прав ребенка // Права человека: Сборник международно-правовых документов. — Mn., 1999.
3. Конвенция о правах ребенка // Международные акты о правах человека: Сборник документов. — M., 2000.
4. *Старовойтov O.* Механизмы защиты прав ребенка // Белорусский журнал международного права и международных отношений. — 2001. — №3.
5. Закон Республики Беларусь «О правах ребенка» // Ведомости Национального Собрания Республики Беларусь. — 2000. — №32.
6. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями). — Mn., 1997.
7. Первый периодический доклад Республики Беларусь об осуществлении Конвенции ООН о правах ребенка. — Mn., 1999.
8. Статистический ежегодник Республики Беларусь. — Mn., 2001.
9. Женщины и мужчины в Республике Беларусь: Статистический сборник. — Mn., 2001.
10. *Тихонова Л.Е.* Демографическая политика Беларуси на 2001-2005 гг.: цели, задачи, приоритеты // Белорусский экономический журнал. — 2001. — №4.
11. Женщины в переходный период. Центральная и Восточная Европа (СНГ), страны Балтии. Региональный мониторинговый доклад №6. Детский Фонд ООН, 1999.
12. *Власов Д.* За последнее десятилетие число детей-сирот в стране возросло в 2,6 раза // Экспресс-новости. — 2001. — 11 мая.
13. Сиротство как социальная проблема / Под. Ред *Смагиной Л.И.* — Mn., 1999.
14. *Кусловая Л.* Пограничное состояние // Советская Белоруссия. — 2001. — 13 января.
15. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье. — Mn., 2000.
16. *Лысенка З.А.* Міласэрнасці не па разліку // Народная асвета. — 2000. — №3.
17. Постановление Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении Положения о приемной семье» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 1995. — №85.
18. *Бобоед У.* Как учиться, чтобы не лечиться // Комсомольская правда в Беларуси. — 2001. — 1 сентября.
19. Гродненская правда. — 2000. — 16 марта
20. *Иванов А.* В объятиях «зеленого змия» // Экспресс-новости. — 1999. — 10 декабря.

Поступила в редакцию 20.06.2002.

The article considers the emergence and development of the views about the rights of the child, their appointing in the corresponding international-legal documents and the international mechanism of the protection of the rights of children. The second part of the article is devoted to the consideration of some problems of securing and protection of rights of children in the Republic of Belarus.

Цыганкова Лариса Ивановна, доцент кафедры политологии и социологии ГрГУ им. Я. Купалы.

УДК 930.1

Е.А.Криштапович

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ОТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ К ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Статья в самом широком смысле посвящена проблеме демократизации исторического процесса. Прежде всего анализируются парадигмы общественно-исторического развития, сменявшие друг друга в течение XX века. Обосновывается необходимость учёта как экзогенных, так и эндогенных факторов в реформировании общества. Синтетическое общественное развитие предполагает действие двух взаимосвязанных механизмов: дифференциации и интеграции. Акцент ставится на учёте политической интеграции, обеспечивающей необходимый уровень массовой поддержки экономических преобразований. Несмотря на формальные успехи глобализации, доказывается её кризисный характер, поскольку центры перемен жестко локализованы в рамках западного мира.

Общественное развитие в XX в. стран Востока, а впоследствии и республик бывшего СССР поставило вопрос о возможности преобразований с опорой только на западную систему ценностей (культура «модернити»). В поисках ответа на вопрос теории эволюционировали от утверждения полной вестернизации как единственного пути прогресса до признания неизбежности структурного характера изменений, в которых традиционные и современные ценности сосуществуют и взаимодействуют на новом уровне. Современное развитие показало, как нежелание считаться с культурной традицией приводило к социальным потрясениям даже при благополучном стечении экономических обстоятельств.

Для нас, переживающих переходный период, актуальной является задача эффективных преобразований. На этом пути возникает множество трудностей практического и теоретического характера. Раздвижение проблемы модернизации, реформирования до пределов истории, прошлой и настоящей, исследователям дается наиболее трудно.

Своими истоками современные теории модернизации и глобализации во многом обязаны идеям М.Вебера, который одним из первых обозначил важнейшие проблемы историософского характера. Речь идет о влиянии духовных факторов, политических институтов на процесс вхождения восточных цивилизаций в современный мир, в плане освоения новых типов хозяйственной деятельности. Идеи Вебера и их интерпретация подтверждают понимание самого процесса вторичной модернизации как «ответа» отстающих стран на «вызов» процветающих стран-лидеров. В отличие от части Европы и США, модернизовавшихся на устойчивой внутренней духовной основе протестантской этики, в странах «догоняющей» модернизации развитие основывается не на внутренних потребностях общества, а на стремлении самоутвердиться в контексте новых мировых реалий, поднять уровень благосостояния и международный престиж.

Немецкий социолог доказывал отсутствие у восточных стран эндогенных духовных предпосылок модернизации, но за пределами его теории остались вопросы. В частности, возможность и необходимость для этих стран «догнать» Запад, а также о том, какие изменения в социокультурных системах для этого необходимы. Современные теории развития, ориентированные на эти проблемы, прошли ряд этапов.

Первоначальная парадигма основывалась на представлении об однозначном преодолении отсталости в ходе «гонки за лидером» и интенсивном заимствовании ценностей. Концепция «стадий роста» получала форму экономических предписаний и почти календарного плана реформ. Такому подходу

способствовала популярность идеологии вестернизации, особенно после деколонизации и заимствований западных политических институтов и технологических достижений. Это было обусловлено практической значимостью заимствований и императивами независимого развития, скорейшего равноправного вхождения в мировое сообщество. Из такой установки вытекало стремление обосновать способность страны идти по капиталистическому пути. Сторонники прозападных взглядов настаивали на непригодности традиционной социокультурной системы для современного развития и предлагали расчистить место для экономической активности личности, рационализма, использования достижений современной науки в социально-экономической практике [1]. Традиционное духовное наследие предстает в концепциях такого рода как мало способное к динамике и адаптации.

Недооценка собственной культурной значимости привела к социально-экономическим кризисам, выражившимся в многочисленных военных переворотах и усилении фундаменталистских течений (Индонезия, Камбоджа, Иран). Эти движения показали устойчивость традиционных социокультурных отношений и духовных ценностей в их сопротивлении вестернизации. Преуспевающая на путях вторичной модернизации Япония также продемонстрировала устойчивость традиционных отношений, культурных норм и самобытные формы их функционирования в условиях индустриального и постиндустриального развития.

Постепенно произошло осознание того факта, что разрушение старого не обязательно способствует возникновению нового. Часто разрыв традиционных связей и утрата традиционных ценностей ведет к дезинтеграции, а не к укоренению новых ценностей и институтов. В результате главной проблемой преобразований явилось не отсутствие обновления самого по себе, а отсутствие нового синтеза на месте разрушающихся основ прежнего общества. Традиция не всегда оказывает тормозящее воздействие на процессы модернизации, но часто играет позитивную роль (например, этика государственного служения). Кризис первоначальной парадигмы модернизации убедил теоретиков в том, что не везде и не всегда ценности модерниты оказываются пригодными для незападных цивилизаций, для которых солидарность и справедливость в традиционном понимании органичнее, чем рациональность, свобода конкуренции и права человека.

Отказ от первоначальной парадигмы развития привел к признанию институционального разнообразия различных современных обществ. Новые идеи социально-политических трансформаций констатировали следующие положения: 1) значимость сложившихся социокультурных типов как основ устойчивости и самостоятельности общества; 2) большая вариативность институциональных, символических, идеологических интерпретаций, которые различные общества и цивилизации дают реальным процессам модернизации. Модель мирового процесса развития выглядит уже не однолинейной и моноцентричной, а поликентричной и допускающей значительную вариативность в формах и направлениях своей динамики. Согласно этой модели, современная цивилизация зарождается в Европе и постепенно распространяется по миру, оказывая воздействие на другие регионы, которые, хотя и ориентированы на один источник — западную цивилизацию, но имеют собственную динамику и самобытные формы реакции на «вызов» центра.

Последовавший за изменением теории развития рост внимания к социокультурной специфике сопровождался пересмотром представления о соотношении традиционного и современного в общественном развитии. Смена модели социальных преобразований привела к новой интерпретации этого соотношения. Традиционное и современное перестало быть жесткой антитезой. Теперь

традиционное начало может адаптироваться к современным условиям, которые диктуют необходимость преодоления социально-экономической отсталости и вхождения в систему общемировых связей. Традиционные культурные ценности и нормы, специфические особенности сознания и мировоззрения признаются на новом этапе важным фактором развития, хранилищем форм поведения, символов и общезначимых смыслов, обеспечивающими его стабильность и непрерывность. Использование таких факторов, как клановая лояльность, большая семья, родственные и этнические связи, патернализм, при проведении преобразований может обеспечить их устойчивость.

И все же необходимо отметить, что рассматриваемая парадигма преобразований не выходила за рамки понимания западной культуры в качестве центрального смысла и цели развития незападных обществ [2, с.23–26]. Культура восточных обществ анализировалась прежде всего с целью вычленения «позитивных», «динамичных» начал, аналогичных ценностям «модернити» или способствующим их восприятию. Общая модель развития представлялась как универсальный путь с учетом локальной специфики. Общественным институтам стран Востока приписывалась низкая степень рациональности или даже иррациональность, которая должна постепенно изживаться в ходе развития.

В конце XX в. наметилась смена концепции общественного развития, выразившаяся в идее «модернизации в обход модернити» (Ш. Эйзенштадт, А. Турен, А. Абдель-Малек и др.). Западному экономическому рационализму здесь отводится ограниченное место образа индустриально-технологической «современности». Развивается критика теории развития как прогресса по западному образцу («девелопментализм»). Центральной проблемой оказывается поиск конкретного пути традиционных обществ к производящей индустриальной экономике, который предполагает неразделимое единство эндогенных и экзогенных, экономических и социокультурных факторов, традиционных и современных ценностей и институтов. И соответственно, представления о развитии предполагают два взаимосвязанных механизма такого синтетического развития: дифференциацию и интеграцию.

Напомним, что Вебер в «Протестантской этике» показал духовный механизм обоснования углубляющейся в ходе модернизации дифференциации в хозяйственной, профессиональной и имущественной сферах, высшие нравственные стимулы для обосновления личности как носителя профессии, активного деятеля, обладателя капитала, субъекта права, верующего и т.д. Разные социальные сферы у немецкого социолога также дифференцированы и рационализируются независимо друг от друга, подчас в разных направлениях и вопреки друг другу. В то же время дифференциация естественным образом сопровождается разрушением традиционных структур, норм, ценностей, социокультурных ролей и картин мира. Дезорганизация и хаос, к которому она приводит, ставят под угрозу само осуществление преобразований.

Тенденцией общественного развития, уравновешивающей дифференциацию, является интеграция. Она является тем атрибутом социальных изменений, о необходимости которого часто забывают сторонники быстрых реформ. Экономическое развитие, динамика общества определяются процессами дифференциации, а его устойчивость, стабильность политической и социально-культурной сфер — интеграцией. Реальное соотношение этих тенденций постоянно изменяется в ходе исторического развития любого общества: фазам интенсивного роста, усложнения социокультурного образования соответствует усиление дифференциации, в периоды стабилизации и стагнации сложившихся обществ и цивилизаций преобладает интеграция, но в любом случае жизнеспособность

общества сохраняется лишь при наличии обеих тенденций в соответствующей фазе развития.

Одним из существенных факторов мобилизации сил общества для успешного обновления является политическая интеграция. В Англии и ее белых колониях, в первую очередь в США, политическая интеграция предшествовала современному индустриальному развитию. В континентальной Европе эти процессы шли одновременно, чем объясняют их кризисный характер, частые срывы как в политическом, так и в экономическом развитии. Значение политической интеграции состоит в том, что в условиях нарастающей дифференциации общества она обеспечивает минимальный уровень массовой поддержки индустриального развития, примирение с ним традиционных групп и классов.

Другим принципиально важным компонентом социокультурной интеграции является укрепление и развитие срединного уровня культуры и соответствующих ему социальных институтов — семьи, общины. Именно на этом уровне такие признанные традиционными ценности, как лояльность, солидарность, коллективизм, взаимопомощь, обеспечивают устойчивость общества в периоды самых радикальных преобразований. Подрыв срединной культуры или ее изначальная слабость делают общество менее стабильным и, соответственно, более уязвимым в периоды интенсивных социокультурных сдвигов.

Необходимость формулирования принципов социокультурной интеграции, ценностных оснований нового общества стимулировало общественную мысль на интенсивную разработку новых теоретических подходов. Именно в ходе поисков социокультурной самобытности и адекватных ей путей экономического развития возникает вопрос о пригодности западного пути для незападных обществ и о характере современности вообще как универсального состояния человечества, характеризующегося прежде всего научноемкой высокотехнологической экономикой, демократическими свободами и плюрализмом в общественно-политической системе.

Западная цивилизация имеет противоречие между основными структурными составляющими: с одной стороны, высокотехнологическое научноемкое производство ориентировано на рациональность и эффективность, рост производительности труда, который обретает новый смысл как форма творческого самовыражения личности, с другой — ориентация на гедонизм, приходящий на смену аскетическим ценностям протестантской этики и рационализму «модернити».

Более того, именно от Запада исходит сомнительная инициатива. Пущены в оборот такие версии, как «конфликт цивилизаций», «золотой миллиард человечества» и т.д. В основе этих концепций лежит осознание того, что даров прогресса не хватит на всех. «Пределы роста» знаменуют собой кризис европейского исторического сознания. Если истории впредь не суждено совершать формационные чудеса, связанные с переходом всего человечества из более узкой экологической ниши в более широкую, в которой новая перспектива открывается всем, то его уделом становится ожесточенная борьба за ресурсы.

Такая догматизация мышления представляет собой неожиданный отход от принципов классического европеизма, связанных со способностью к решительной самокритике. Запад впервые отказывается брать Историю в союзники и ставит ее под подозрение. Если такой подход окончательно возобладает, то это будет свидетельствовать о кризисе данной цивилизации.

Ответной реакцией на такое состояние Запада стало дальнейшее изменение парадигмы общественно-исторического развития. Теоретики модернизации заговорили не просто о необходимости учета социокультурных особенностей незападных обществ, а об «антимодернизации», то есть о поиске принципиаль-

но новых, самобытных путей на основе собственных духовных ценностей, норм и стереотипов деятельности, социальных отношений и т.д. Антимодернизация как противодействие развитию по универсальному пути, стремление привнести собственные, противостоящие западной цивилизации цели и образцы, — является идеологической реакцией традиционных интеллектуальных элит на социокультурную экспансию Запада [3]. Более того, идеи альтернативного пути развития на основе эндогенных духовных ценностей поддерживаются и некоторыми западными интеллектуалами, разочарованными в современной цивилизации и критикующими ее с гуманистических и экологических позиций.

При всех видимых и формальных успехах глобализации, таких, как информационная революция, распространение информационных и финансовых потоков, она входит в состояние кризиса. Это проявляется в том, что западный мир в течение последних десяти лет активно «самозамыкается», сосредоточивается в масштабах своей части мира, а не открывается для оставшейся части мира. Реальная статистика показывает, что за послевоенные десятилетия в мировой экономике весьма жестко прослеживаются тенденции, подтверждающие, что западный мир становится все более обособленным от остальной части человечества, хотя формально он с ней взаимодействует. Речь идет о том, что глобализация сегодня активна в самых формальных моментах — в моментах, связанных с информатизацией, распространением всякого рода систем, позволяющих делать финансовые трансакции исключительно быстро в разных регионах мира. Но при этом центры глобализации, центры перемен опять же остаются жестко локализованными в рамках западного мира.

Постиндустриальное общество в его нынешнем варианте развивается на основе весьма серьезных изменений в общественной психологии, обусловленных в первую очередь новыми экономическими причинами. Развитые страны сегодня выступают поставщиками качественно нового безграничного ресурса — информации и знаний, получая взамен ограниченные материальные ресурсы из стран мировой периферии. В связи с этим обстоятельством в новой исторической ситуации все попытки «догнать» западный мир оказываются заранее обреченными на неудачу. Не составляет большого труда уже сейчас назвать всемогущих чемпионов глобализации XXI в. и ее деморализованных жертв.

Существует недопонимание того факта, что глобализация порождена многовековыми модернизационными усилиями западного мира, всей логикой его развития, и в ХХI веке эти усилия будут направлены в первую очередь для целей западного мира, а не для процветания и благоденствия других регионов планеты. Реальная перспектива развития мирового процесса на ближайшее время состоит в том, что Запад будет последовательно и целеустремленно закреплять свои завоеванные позиции. Он будет жестко отделяться от остального мира, увеличивать разрыв с ним, будет активно взаимодействовать только в рамках своего «клуба избранных». Красноречивым примером этого процесса является то, что в настящее время 72 % мировых иностранных инвестиций приходится на капиталоинвесторы США, ЕС и Японии друг в друга [4]. Таким образом, становится все более очевидным, что глобализация является формой неолиберальной модели развития, предлагаемой Западом в интересах только Запада [5].

Бытует мнение, что СНГ может войти в постиндустриальный мир на основе создания и продвижения отечественных уникальных технологий. Но традиции и нынешняя реальность нашей жизни таковы, что даже если эти технологии и будут созданы, то они не приведут к процветанию. Мы видим, как в России распродаются природные ресурсы, а никто из простых людей не ощущает за последние 10 лет повышения своего жизненного уровня. То же самое мы получим,

распродавая технологии. Страсть политических элит к распределению и перераспределению не привела и не могла привести к появлению того социального субъекта развития, который мог бы стать локомотивом модернизации и вхождения страны в глобализирующийся мир. В частности, приватизация в России не привела к появлению современной социально ответственной буржуазии. Задача, которую ставили перед собой участники дележа, была куда проще: прибрать к рукам, а потом дорого продать. В результате страна получила люмпен-развитие под флагом «свободного обмена» [6, с.246-247].

Динамичное развитие нашего общества начнется только тогда, когда сами граждане страны будут иметь реальную возможность использовать современные технологии и будут восприимчивы к развитию технологического прогресса. Таким образом, мы обращаемся к теме формирования и развития человеческого капитала как основного национального ресурса. До тех пор, пока правящая элита будет заниматься только собой, поиском, освоением, распределением и дележом материальных ресурсов, никакой речи о прорыве быть не может. Кто может быть субъектом организации и реализации этого прорыва? Какая часть нашей элиты обладает необходимым для этого уровнем духовно-нравственной рефлексии и политической волей? Реальность российской элиты не соответствует действительному ее назначению. Главная цель, преследуемая теми, кто имеет власть и капитал, — удержать их при всех обстоятельствах, обезопасить себя от общества, сделать все, чтобы население молчало, терпело, не противилось манипулированию собой, но тогда «разве можно к этой группе... применить слово “элита”» [7]?

Некоторые российские ученые правомерно считают, что политические элиты, крупные компании и органы государственного управления сегодня не готовы к рациональному взаимодействию с субъектами интеллектуальной экономики и эффективному применению информационных технологий. По мнению исследователей, причина усиливающейся интеллектуальной маргинализации России в ситуации динамичного повышения мирового спроса на ценные знания и научно-творческие кадры связана не с научно-промышленной отсталостью России. Причина в неспособности государственного руководства и политicoобразующего класса страны дать адекватные ответы на вызовы постиндустриального мира, в непонимании сущности информационной экономики и ее производительных сил, с запаздыванием осуществления «революции в управлении» на всех уровнях [8].

Рано или поздно политические элиты России и СНГ вынуждены будут решать проблему перехода от мобилизационно-технократической парадигмы развития страны, к гуманистической парадигме, последовательно и терпеливо создавая консенсус по поводу собственных ценностей модернизации и путей вхождения в глобализирующийся мир. Но можно ли сформировать ценностный консенсус на базе либеральной идеи с приоритетом личного над общественным?

Основное противоречие нашей эпохи и одновременно главный вызов человеческому сообществу в XXI веке — это противостояние либеральных цивилизационных стандартов, с одной стороны, и ценностей национальной идентичности — с другой. И если либеральная идея полагается в основу государственно-общественной модели развития любой страны, то ей, в полном соответствии с либеральным принципом сдержанки и противовесов, остается противопоставить в сфере воспитания, образования и формирования межличностных отношений политику утверждения системы традиционных ценностей. И потому вопрос о том, какими должны быть законодательство, образование, культура, социальные отношения, общественная мораль, есть вопрос о том, сохранится ли

национальная цивилизация в XXI столетии, найдет ли она достойное место в мировом сообществе.

Именно в ХХ в. стало очевидным: односторонности феодальной системы капитализм противопоставил столь же одностороннюю индустриальную цивилизацию, каждое достижение которой имело оборотную сторону. Освобождение Разума привело в конечном счёте к плоскому рационализму, к бездушному сциентизму. Технический прогресс обусловил уродливую крайность — прагматический утилитаризм, вещизм. Рождение и развитие Личности обернулось эгоцентристским индивидуализмом. Великое благо Свободы было незаметно подменено опасным произволом. Следовательно, необходимо искать способы разрешения этих трагических парадоксов развития западной цивилизации.

Сказанное выше касается высокоразвитых стран Запада, однако осмысление этих процессов имеет первостепенное значение как раз для стран догоняющего развития, которые оказались перед пределом теорий модернизации и самой стратегии развития, ориентированной на индустриально-капиталистический Запад.

Если предположить, что каждая из цивилизаций обладает собственным типом времени и соответствующей исторической программой, то исторический процесс чрезвычайно усложняется: не должно быть «современных» и «традиционных» обществ. Человечеству требуется обретение качественно новой парадигмы развития.

Китайская, российская и индо-буддийская цивилизации вместе, возможно, образуют систему того не-Запада, от которого будет исходить новая формационная инициатива. Этот формационный сдвиг будет, по всей видимости, осуществляться совсем в другом контексте и по другим критериям, нежели те, что предложены европейскими теориями. Отныне речь идет не о радикализации потребительской установки, а о преобразовании нашей внутренней среды, наших ценностей, мотиваций, приоритетов.

Свое место в этом альтернативном универсуме грядущего принадлежит и восточнославянскому миру. Здесь находятся стяжки не только мирового западно-восточного пространства, но и формационного времени. В этом пространстве эпохи формационных переходов раскалывают население на две практически равносильные части. Этим объясняется ожесточенность происходящих реформационно-революционных процессов. Восточнославянская цивилизация — восточная по своей структуре, в ней преобладает соборное начало. Но в мотивационном отношении она приобщена к западной культуре, ее увлекают вселенские проекты. Таким образом, в ней заложен механизм восстановления единства мировой истории.

Стратегия обновления должна ориентироваться на то, чтобы сработать на опережение, учитывая не сегодняшний, а завтрашний день мировой науки и техники, социокультурного прогресса и политических структур. При этом различие региональных культур должно оцениваться с позиций самоценного многообразия, что предполагает наложение цивилизационных универсалий современного мира на унаследованные «коды» сложившихся культур и цивилизаций.

Гармония процессов обновления возможна на основе синтеза ценностей, в осмыслении необходимости перехода человечества к объединительному этапу. На первый взгляд, глобализация отталкивает своей безликостью, смешением культур. И всё же это уникальная возможность для людей разных культур начать диалог. Необходимо понять уникальность множественности и множественность единицы. Мы часто игнорируем единое человеческое начало, видя разнообразие культур и нравов, и стремимся уничтожить многообразие, стремясь к единству.

Проблема состоит в том, чтобы уметь видеть одно в другом, поскольку человеческая сущность и заключается в этом потенциале многообразия языков, менталитетов, что не отрицает существования единой человеческой общности — генетической, интеллектуальной, чувственной. Следует видеть единичность и бесконечно умножать её в уме, поскольку ум, неспособный видеть единичность множества и множественность единицы, способен создать только гомогенизированную общность или обособленные друг от друга частности.

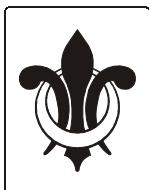
Актуальной задачей является демократизация исторического процесса. Именно сегодня в контексте перехода к открытой истории должен сформироваться новый тип знания: историософское сознание, предостерегающее от социальных издержек. Оно озвучит проблемы до недавнего времени безгласного объекта, унижаемого в ходе модернизации — социокультурной среды — маргинального большинства мира. Открытая история — многоаспектная характеристика. Это не только плюрализм ментальных структур, но и возможность их активного взаимодействия. Это не только экономическая свобода, но и историческая ответственность. Это открытость культур, когда ценности каждой из них утверждаются не в противопоставлении, а в сопоставлении. Это открытость людей навстречу друг другу, суверенитет личностного начала, реализуемого только в свободном общении, в форме сотворчества.

1. Зарубина Н.Н. Самобытный вариант модернизации // Социологические исследования. — 1995. — № 3.
2. Гайденко П.П. Макс Вебер о методологии социальных наук // Вебер М. Исследования по методологии науки. Ч. 1. — М., 1990.
3. Японский Р.Г. Восток — Запад: социальные изменения и динамика geopolитической ситуации // Социологические исследования. — 1998. — № 7.
4. Иноземцев В.Л., Никонов В.А. Россия в условиях глобализации: Тезисы для обсуждения на IX Ассамблее СВОП. — М., 2001.
5. Юрлоч Ф.Н. Социальные издержки глобализации // Социологические исследования. — 2001. — № 7.
6. Красильников В.А. Вдогонку за ушедшим веком. Развитие России В XX в. с точки зрения мировых модернизаций. — М., 1998.
7. Тощенко Ж.Т. Элита? Кланы? Касти? Клики? Как назвать тех, кто правит нами // Социологические исследования. — 1999. — № 11.
8. Рубанов В.А. О национальной идеи и будущем России // Международная жизнь. — 1999. — № 3.

Поступила в редакцию 25.11.2002 г.

In the most broad sense the article is dedicated to a problem of democratization of historical process. Theories of historical development are analysed. The necessity of registration of both exogenic and internal causes in reforming the society is substantiated. The synthetic public development guesses operating two interdependent gears: differentiations and federatings. Special emphasis is given to the registration of political federating ensuring an indispensable level of mass support of economical transformations. Despite of formal successes of a globalization, is demonstrated a crisis nature, as the centers of changes are hardly localized within the framework of the Western world.

Криштапович Евгений Александрович, кандидат философских наук, доцент ИСПИ при Администрации Президента РБ.

Культурология

УДК 008.001

С.В.Донских

ОБРЕЧЕННЫЕ НА ВЕЧНУЮ МОЛОДОСТЬ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Цель статьи — выявление перспектив современной молодежи. Объектом исследования являются демографические процессы Нового времени. Предмет исследования — место молодежи в рамках возрастной структуры общества. Выделяются два исторических этапа в развитии народа-населения. Предлагаются три модели возрастной структуры общества, каждая из которых характеризуется особым социокультурным статусом и социальной ролью молодежи.

«Плохи те родители, которые не доведут ребенка до пенсии». Эта фраза, случайно услышанная во время педагогической практики студентов на родительском собрании в одной из гродненских школ, заставила обратиться к популярной в современных социогуманитарных исследованиях молодежной проблематике. Молодежная субкультура, молодежная преступность, молодежная политика, молодежные организации, социализация молодежи — вот далеко не полный перечень распространенных понятий, каждое из которых выявляет связанную с молодежью проблему. Научная и популярная литература о молодежи стала практически необозрима [1]. Однако при знакомстве с большинством этих работ возникает впечатление, что для их авторов мир молодежи — это «*terra incognita*» древних картографов, самодостаточное и противостоящее миру взрослых явление. Место и роль молодежи в современном мире оказываются неразрешимой загадкой. Как удачно заметил И.Котляров: «Одни считают, что молодежь — это самая прогрессивная часть общества, другие утверждают, что молодые люди, не имеющие существенного жизненного опыта и устойчивых нравственных идеалов, способны примкнуть к любому движению» [2].

Чтобы лучше понять сущность современных социокультурных проблем, зачастую бывает полезно обратиться к историческому опыту. Противостояние «отцов» и «детей» — явление отнюдь не новое для цивилизации. Оно было известно еще во времена Древней Греции. Веками молодость подвергалась нравственному осуждению как бурное время страстей и крайностей. Но никогда молодость не создавала действительно опасных и социально значимых проблем. Феномен современной молодежи можно адекватно раскрыть не столько с позиций молодости, взятой сама по себе (с точки зрения естественнонаучного актуализма молодость как жизненный этап в развитии человека была, есть и будет), сколько в контексте социальных изменений и соответствующих каждой эпохе социальных структур, в первую очередь возрастных. Ибо появление молодежи детерминировано природными факторами, а обострение молодежных проблем —

социокультурными. Рассмотренная в таком ключе молодежь предстает не просто как неизбежный и неизменный этап онтогенеза, но как культурно-историческая конструкция создающая на природной основе сложную систему социальных, экономических и культурных характеристик. Поэтому понять молодежь можно лишь в контексте определенного общества, а универсальные социально-биологические характеристики к ней мало приложимы.

Психология традиционно отождествляет молодость с подростковым (отчество) и юношеским возрастом. Подростковый возраст рассматривается как один из критических периодов онтогенеза (от 10–11 до 15 лет), соответствующий переходу от детства к юности. Он связан с кардинальными преобразованиями в сфере сознания, деятельности и системы взаимоотношений индивида. Юность трактуется как период в развитии человека, соответствующий переходу от подросткового возраста к самостоятельной взрослой жизни (от 15 до 23 лет). Главной характеристикой юности считается окончательное преодоление свойственной предшествующим этапам онтогенеза зависимости от взрослых и утверждение самостоятельности личности [3]. Американский психолог Ф.Райс рассматривает молодежную проблематику, опираясь на понятие «подростковый период», считая его периодом развития между детством и зрелостью. Изначально, определяя его возрастными рамками от 11 до 19 лет, Ф.Райс затем вынужден неоднократно выходить за указанные границы, поскольку психолого-физиологический конструкт «молодости» (подростка, юноши, молодого человека) постоянно корректируется социокультурными факторами (образованием, уровнем доходов) и расширяется до 26 лет.

Социологи определяют молодежь как социально-демографическую группу переживающую период становления социальной зрелости, вхождения в мир взрослых, адаптации к нему и будущего его обновления. При этом возраст молодых сдвигается от 15 до 30 лет [4]. Очевидно, что для социолога важны не только «природные» характеристики молодости (рост, вес, половая зрелость, способность к труду, особенности психики), но и социальные (наличие работы или собственных источников средств существования, полнота юридических прав, определенная независимость от мира взрослых в поступках и суждениях). С формальной точки зрения, для статистики и демографии, юность или молодость определяли возрастом от 15 — 16 до 24 лет в советское время и до 29 лет в 90-е гг. ХХ в. [5]. Здесь определяющим молодежь признаком являлась ее трудоспособность. Этот краткий экскурс в мир связанных с молодежью дефиниций со всей очевидностью показывает, что молодежь не есть самоочевидное, самодостаточное явление. Она является производной от определенного общества с его демографическими, экономическими, образовательными стандартами. Естественно, что в рамках одной статьи невозможно полноценно рассмотреть весь комплекс социокультурных факторов, определяющих демаркацию в общественном бытии феномена молодежи. Поэтому задачей данного исследования является анализ проблемы молодежи в контексте демографических процессов Нового времени.

Молодежь существовала всегда. Но в каком количестве? Лишь резко обострившиеся демографические проблемы рубежа ХХ — ХХI в. заставили нас задуматься над этим вопросом. С конца XVII в. европейские народы развивались в условиях постоянного роста народонаселения (отдельные трагические исключения типа Ирландии или Беларуси здесь не в счет). В XIX в. этот процесс выплеснулся за пределы Европы и приобрел особенно впечатляющие размеры. Если с 1804 по 1927 г. население Земли возросло с 1 до 2 млрд., то с 1927 по 1999 г. оно утроилось, достигнув 6 млрд. человек. Закономерно предположить, что в условиях перманентного демографического подъема большинство общества со-

ставляли молодые люди. Английский историк Г.Кэмпен привел следующие данные на конец XVII в. для Англии и Чехии (точнее, Богемии). В Англии в 1695 г. молодые люди от 10 до 29 лет составляли 35,7 % населения, в Чехии — 38 %. Если добавить сюда еще и детей, то получится, что в Англии количество фактических и потенциальных (через 10–15 лет) молодых людей достигало 63,3 %, а в Чехии — 64 % [6]. В результате средний возраст англичан на заре Нового времени равнялся 27 годам. По данным Ф.Арьеса, в XVII в. 50-летний человек считался стариком [7].

Естественно, общество с подобной демографической структурой не сможет и не будет считать человека 25 лет молодым в современном понимании этого слова. В глазах людей XVII — XVIII в. это полноправный член общества. Вот почему при количественном преобладании молодых Новое время долго не знало так называемых молодежных проблем. Зато оно обнаруживало колоссальный динамизм и стремление к радикальным переменам. По словам французского историка Ж.Годдо Франция в 1730 — 1789 г. переживала настоящий «демографический натиск». Рост населения в различных провинциях королевства составлял 50 — 80 %, а в крупных городах достигал 200 %. В 1789 г. — в год начала Великой французской революции — около половины французов составляли приблизительно 20-летние люди. В глазах этих опьяненных свободой юношей 25 — 30-летние вожди революции Максимилиан и Огюстен Робеспьеры, Жорж Дантон, Камилл Демулен или Луи Антуан сен Жюст выглядели умудренными опытом политиками. 35-летний гений дипломатии и карьеризма Шарль-Морис Талейран считался стариком, а 20-летний Наполеон Бонапарт был типичнейшей фигурой своего времени [8]. Согласитесь, что для современных молодых людей в 25 — 30 лет только начинается восхождение по социальной лестнице. Но для конца XVIII в. это естественное явление, ибо в те годы среднестатистический француз в 16 лет терял одного из родителей, а в 32 года — второго. Ему приходилось рано взросльть и не на кого было опереться — в 30 лет молодой человек был кормильцем семьи, «становым хребтом общества».

Аналогичная картина открывается взгляду пытливого исследователя в дореволюционной России. В 1891 г. православное население Российской империи (т.е. включая сюда и большинство белорусов) достигло 82 млн. человек. Их них 28,4 % составляли дети до 10 лет, 20,2 % — подростки и юноши от 10 до 20 лет и 16,2 % — молодые люди от 20 до 30 лет. В целом дети и молодежь до 30 лет составляли 64,8 % православных поданных царя [9]. Вот где скрыт настоящий горючий материал русских революций 1905 и 1917 г. Отсюда становится понятным и до неприличия молодой возраст командиров Красной Армии. В 1917 г. Тухачевскому исполнилось 24 года, Блюхеру — 27, Фрунзе — 32, Буденному — 34 года. Особый статус молодежи во многом определялся спецификой смертности населения. Наибольшая смертность приходилась на возрастные группы до 15 и после 50 лет. Например, в 1891 г. в Российской империи среди православных из каждого 1000 мужчин 391 умирал в возрасте до 15 лет; из каждого 1000 женщин — 387 умирали, не достигнув 15 лет. Тем самым 40 % всех смертей приходилось на детский возраст. Численность населения старше 50 лет в силу не менее высокой смертности едва превышала 12 %, а люди пенсионного возраста не составляли и 5 % населения! При таком раскладе молодой человек 20 — 30 лет был не потенциальным безработным, а наиболее вероятным и предпочтительным работником.

По отношению к Беларуси можно предположить, что ее демографическая структура соответствовала общеевропейским закономерностям, хотя на сегодняшний день в отечественной науке эта проблема практически не разработана.

Существуют лишь фрагментарные данные. Например, согласно люстрации манятка Уречье в 1789 г. из 1331 человека 41 % составляли дети до 16 лет, а 30 % — молодые люди от 16 до 30 лет [10]. По данным Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. в Гродненской губернии число детей и молодых людей до 29 лет включительно составляло 66,7 %, в Виленской губернии — 65,8 % (современная Гродненская область образована преимущественно из уездов этих двух губерний) [11].

Сделаем промежуточные выводы. Общество XVII — первой половины XX в. — это по преимуществу общество молодых людей до 30 лет, которые составляют около 65 % населения. При такой структуре населения общество не могло себе позволить затягивать процесс социализации и рано приобщало молодежь к полноправной общественной жизни, к решению «взрослых проблем». Не успевала молодежь «институциализировать» свое противостояние миру взрослых по канонам современных субкультуры и контркультуры, как она уже получала возможность реализовать свои идеалы и ценности в «настоящей жизни». Так было с романтиками рубежа XVIII — XIX в., которые не успели толком начать дискуссию с адептами классицизма, как сами стали общепризнанной классикой. Или с западным «пламенным поколением» 20-х г. XX в., которое к концу 30-х г. XX в. сделало из шокирующих джаза и моды «от Шанель» широко распространенные и социально приемлемые явления. Благодаря постоянному вступлению во взрослуую жизнь все новых, более многочисленных поколений молодых, общество XVIII — первой половины XX непрерывно обновлялось во всех сферах — от техники и производства до одежды и мебели; не говоря уже об искусстве, которое буквально фонтанировало новыми течениями и школами. На уровне категорий это проявлялось в широком распространении и популярности ныне обветшалых понятий прогресса и революции.

Ситуация изменилась во второй половине XX в. В 1965–1970 г. уровень роста населения Земли достиг рекордного показателя — 2,1 % в год. К 1992 г. темпы роста снизились до 1,7 % и продолжают медленно снижаться. По подсчетам австрийского демографа В.Лутца, в 2070 г. человечество достигнет своей максимальной численности в 9 млрд. человек, а затем население планеты начнет сокращаться до 8,4 млрд. в 2100 г. При этом возрастет число пожилых людей. К 2050 г. 35 % землян будет старше 60 лет, а в 2100 г. эта цифра достигнет 45 %. Тем самым социальная группа, традиционно именуемая молодежью, будет уменьшаться, особенно в долевом исчислении. Естественно, что ни одно общество не сможет без радикальных социально-экономических изменений адаптироваться к новой возрастной структуре. Модели этой трансформации будут разными, а полигоном для их апробации станет Восточная Европа.

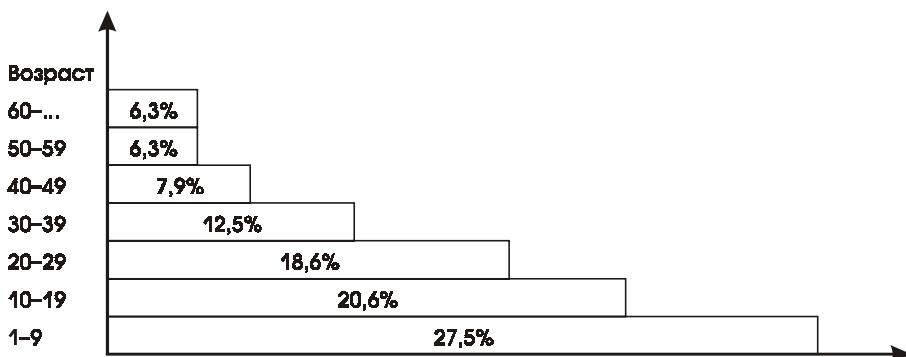
Принадлежащие к западной цивилизации развитые страны мира (за исключением Японии) пытаются как можно дольше сохранить привычные социальные структуры за счет миграции извне. Достаточно раскрыть популярные периодические издания, чтобы увидеть ставшие привычными объявления об иммиграции в Канаду или иммиграционной лотерее в США. В объединенной Германии за 90-е г. XX в. около 2 млн. немцев переехали из восточных областей в западные. Естественно, что в большинстве своем это были молодые люди. Во второй половине XX в. даже далекая Австралия принимала ежегодно от 50 до 185 тыс. переселенцев. С конца 80-х г. XX в. это число стабилизировалось на уровне 140 тыс. иммигрантов каждый год. Две пятых современного австралийского населения — переселенцы в 1 или 2 поколении. Проблемы здесь возникают лишь в том случае, если иммигранты являются выходцами из принципиально отличных в социокультурном плане стран Азии или Африке и не поддаются даже фор-

мальной ассимиляции — инкультурации [12]. Наиболее ярким примером является Франция. В этой стране впервые в мире в 1935 г. смертность населения превысила рождаемость. При этом население Франции продолжает неуклонно расти исключительно благодаря миграции. Пока этот процесс осуществлялся за счет возвращения колонистов из бывших заморских владений («черногорых» — как их называли в метрополии), он мало волновал общество. Но когда во Францию потянулось туземное население бывших колоний мир узнал о французских ультраправых националистах.

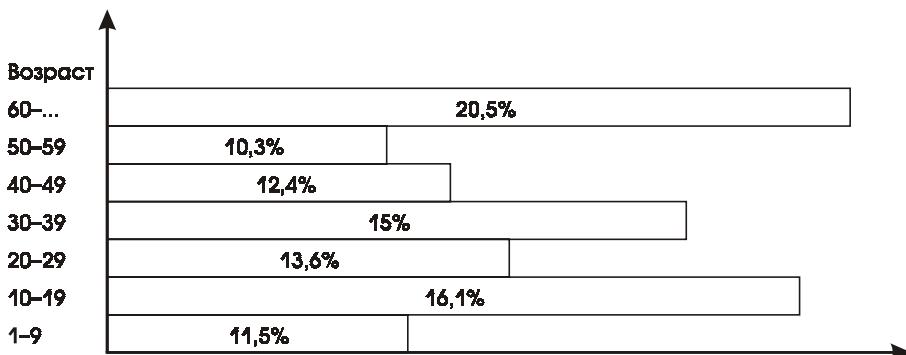
Так называемые развивающиеся страны, которые, по грустной шутке современных ученых «никогда не станут развитыми», зачастую демонстрируют очень высокие темпы прироста населения, свойственные европейским странам в XIX в.: Либерия + 8,6 % в год, Руанда + 7,9 %, Афганистан + 5,3 %, Оман + 4,2 %, Сомали + 3,9 %. Обращает на себя внимание, что из пяти стран лидеров четыре уже не один год сотрясаются кровавыми гражданскими войнами. Основу вооруженных формирований составляют 15 — 20-летние люди, а продолжительность жизни составляет 43–45 лет для женщин и 40–42 года для мужчин [13]. Грубо говоря, в таком обществе человек знает лишь одно возрастное состояние — молодость. Зрелость уготована лишь избранным, а пожилой возраст достичь единицами. Добавим к постоянным внутренним конфликтам голод и эпидемию СПИДа (95 % ВИЧ-инфицированных проживают в развивающихся странах) и получим безрадостный и бесперспективный в социокультурном плане образ молодости в развивающихся странах.

Первыми в грядущий «век пожилых» вступают страны Восточной Европы. Уже сейчас, не имея притока населения извне и столкнувшись с резким спадом рождаемости, они демонстрируют самый низкий уровень темпов прироста населения, точнее его сокращения: Латвия — 1,1 % в год, Эстония — 1 %, Венгрия — 0,6 %, Болгария — 0,5 %, Украина — 0,4 %, Литва и Россия — 0,3 %, Румыния — 0,2 %, Беларусь, Грузия, Словения, Хорватия, Чехия — 0,1 % в год. В Республике Беларусь молодые люди от 15 до 29 лет в 1989 г. составляли 22,4 %, в 1999 — 21,9 %; дети и подростки до 14 лет в 1989 г. — 23,1 %, в 1999 г. — 19,4 %. В сумме доля молодых до 30 лет сократилась с 45,5 % в 1989 до 41,3 % в 1999 г. По всей видимости сейчас она составляет уже менее 40 % и нет никаких оснований утверждать, что процесс на этом остановится [14].

В данном контексте можно предложить три идеальные модели возрастной структуры общества: пирамидальную, колоннообразную и воронкообразную. Долгое время общество структурировалось согласно пирамидальной модели, когда каждое новое поколение превосходило по численности своих предшественников. В качестве примера можно привести возрастную структуру населения Гродненской губернии по переписи 1897 г.

Спустя сто лет возрастная структура населения Гродненской области по данным переписи 1999 г. приобрела колоннообразный вид, когда численность поколений приблизительно совпадает. Однако крайние возрастные страты до 9 лет и старше 60 лет внушают опасения о возможной трансформации данной модели в воронкообразную, когда численность поколений возрастает прямо пропорционально их возрасту.

Все эти данные и выводы сделаны на основе анализа макроуровня. Чтобы выяснить место молодого человека на уровне семьи как ближайшего социального окружения автор воспользовался средневековым понятием «дым» (Восточная Европа) или «очага» (Западная Европа). Являясь в первую очередь податной единицей «дым» фиксировал коллектив людей, как правило, родственников, связанных общностью хозяйственной жизни и внутриколлективным разделением труда. С этой целью 136 студентам IV — V курса ГрГУ (педагогический, психологический и биологический факультеты) в мае 2002 г. было предложено указать структуру своей семьи, исходя из принципа коллективного ведения хозяйства, то есть, далеко живущие бабушка и дедушка не учитывались в данном блиц-опросе, поскольку в личностном и бытовом плане они не оказывают существенного влияния на респондентов. Зато совместно проживающие отчим либо тетя с племянником фиксировались опросом на определенном возрастном уровне. Предлагалось указать и классифицировать членов современного «дьма» по четырем уровням: старшему (бабушки, дедушки), среднему (мамы, папы, отчины, мачехи, дяди, тети), молодому (родные либо совместно проживающие двоюродные братья, и сестры, а также их супруги), детскому (собственные дети либо племянники респондентов). Возраст опрашиваемых колебался в пределах 21 — 23 лет. Оказалось, что на каждого студента приходится 0,97 человека старшего поколения, 1,91 — среднего, 1,3 — сверстника и лишь 0,26 — «детского» поколения:

$$0,97 / 1,91 [1] 1,3 / 0,26.$$

Как видно, «среднестатистический» 22-летний студент ГрГУ в повседневной жизни постоянно общается с одним пожилым человеком и двумя близкими людьми зрелого возраста (родителями, дядями и тетями). Лишь один из четырех студентов в повседневной жизни сталкивается с детьми, как правило, — племянниками, отпрысками от браков своих старших братьев и сестер. Поэтому в значительной степени студент-выпускник еще осознает себя ребенком и надеется на помощь по меньшей мере трех старших родственников. Он не ощущает присутствия за собой многочисленного нового поколения. Тем самым возрастная структура на микроуровне в целом коррелирует с данными на макроуровне, но еще более тяготеет к воронкообразной модели.

Определенная модель возрастной структуры общества в значительной степени определяет его социокультурные характеристики и возможности. Чем больше численность молодых, тем выше инновационный потенциал общества, его способность к переменам и качественному развитию, тем меньше ощущается над обществом власть традиций, ибо число их социальных носителей невелико. Зато перед молодыми открываются достаточно широкие возможности в деле обновления общества и достижения вертикальной социальной мобильности. Но если общество тяготеет к воронкообразной модели возрастной структуры ситуация меняется на противоположную. Здесь властуют традиции, а молодежь оказывается под плотной опекой предшествующих поколений. В обществе подобного типа человек в 20, 30 и даже в 40 лет будет считаться молодым. Не случайно на рубеже ХХ — ХХI в. появились такие оригинальные классификации возрастных периодов жизни человека: 1-15 лет — детство, 16 — 30 — юношество, 31 — 45 — молодость [?! — С.Д.], 46 — 60 — зрелый возраст, 61 — 75 — пожилой возраст, 76 — 90 — старческий и свыше 91 года — долгожители.

Тем самым молодой человек, который сейчас заканчивает школу, обречен оставаться вечно молодым. Он редко пытается добиться чего-либо самостоятельность в этом мире, ибо при данной социально-демографической структуре это почти невозможно, если не считать отдельные специфические сферы деятельности: спорт, мода, индустрия развлечений или информационные технологии. Инфантильность становится главной характеристикой современного молодого человека. Общество утрачивает динамизм, но приобретает высокую социальную стабильность. Судя по всему, мы вступаем в одно из самых спокойных и скучных столетий. Политические программы будут составляться с оглядкой на прошлое, столь милое сердцу большинства избирателей. Экономике придется забыть о расширенном производстве, а искусству о новых идеях и образах. Процесс социализации еще более затягивается, а понятие карьеры будет полностью вытеснено понятием высуги, а может быть, и наследования социального и профессионального статуса. И лишь экологи будут с удовлетворением отмечать уменьшение антропогенного воздействия на природу. Ведь материальные потребности общества пожилых достаточно ограничены.

1. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. — СПб.: Питер, 2000. — С.617-656; Журавлева Н.Б. Молодежная субкультура: Учебное пособие. — Гродно:ГрГУ, 1999. — С.64-65.
2. Котляров И. Молодежь в зеркале социологии // Современная молодежь в аспекте социальных, психолого-педагогических и правовых проблем. — Минск, 1996. — С.4-5.
3. Психология: Словарь. — М.: Политиздат, 1990. — С.279, 473.
4. Краткий словарь по социологии. — М.: Политиздат, 1988. — С.164.
5. Статистика населения с основами демографии. — М.: Финансы и статистика, 1990. — С.73; Женщины и семья Гродненской области: Статистический сборник. — Гродно, 1997. — С.15-17.
6. Камен Н. The Iron Century: Social Change in Europe 1550-1660. — London: Cardinal, 1976. — Р. 16-17.
7. Арьеес Ф. Человек перед лицом смерти. — М.: Прогресс, 1992. — С.41.
8. Манфред А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции. — М.: Мысль, 1989. — С.356-357.
9. Россия: Энциклопедический словарь. — Л.: Лениздат, 1991. — С.90-91.
10. Сям'я і сямейны быт беларусаў. — Мн.: Навука і тэхніка, 1990. — С.32.
11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. — СПб., 1894. — Т.IV. — С.IV; Т.XI. — С.IX.
12. Малахов В. «Скромное обаяние расизма» и другие статьи. — М.: Модест Колеров и «Дом интеллектуальной книги», 2001. — С.47, 58.
13. Большой энциклопедический справочник. — М.: ООО «Изд-во Астрель», 2001. — С.262.
14. Население Республики Беларусь: Статистический сборник. — Мн., 2000. — С.73.

Поступила в редакцию 2.09.2002.

The article aims to reveal perspectives of modern young people. Current demographic processes serve as the object of the research. The subject of research deals with the place of young people in the age-related structures of the society. The results of the analysis obtained speak in favor of the existence of two historical periods of the dynamic changes of the population and three models of age-related structures of the society. The results of the analysis obtained speak in favor of the existence of two historical periods of the dynamics of population and three models of age-related structures.

Донских Сергей Владимирович, кандидат культурологии, кафедра культурологии ГрГУ им. Я. Купалы.

УДК 1(092 ЛОСЕВ)

Т.Г.Барановская

**МЕТОДОЛОГИЯ А.Ф.ЛОСЕВА КАК ОСНОВА
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА
В ФИЛОСОФИИ МУЗЫКИ**

В статье рассматривается вопрос о взаимодействии музыковедения и культурологии. На современном этапе развития культурологического и музыкально-эстетического знания наибольший интерес представляют категории интерпретации и понимания текста, в том числе музыкального. В этом проявилось влияние таких культурологических направлений как семиотика и герменевтика. Примером их специфического проявления в музыкальной науке стало музыкально-философское наследие А.Ф.Лосева, которое содержит яркую, оригинальную методологическую систему преломления герменевтического познания в музыке. Музыкально-философская теория Лосева, ядро которой составляет система имени, эйдоса, символа и мифа, создается посредством философского метода, названного Лосевым диалектико-феноменологическим, однако способом движения мысли философа по существу герменевтический.

Конец XX столетия отмечен симптоматичными переменами в содержании и методах музыкальной науки. Сознательно применяемый сегодня культурологический подход соединяет идеи и методы музыковедения с информационным материалом и логическими схемами истории и философии культуры. Культурологическая установка на взаимодействие таких форм сознания, как философия, идеология, наука, религия, искусство, показательна для русской идеалистической философии «серебряного века». Современная методологическая ситуация начала XX века нашла свое отражение и в музыкальном искусстве и науке. Преобразование музыкальной науки связано с возникновением ее новых направлений, таких, как музыкальная социология, психология, семиотика, герменевтика, которые стали проявлением постепенного и незаметного преобразования самой сущности музыки. Фиксация и рассмотрение этих преобразований стала возможной с точки зрения глубокого теоретического переосмысления на методологическом уровне философии, сближения и слияния методов теории музыки и философии. Несмотря на общественно-политические изменения и идеологическое давление русское музыковедение еще в начале XX века откликнулось на глубинные потрясения основ музыкального мышления, что отразилось в ярких музыкально-теоретических и исторических концепциях С. Танеева, Б. Яворского, Г. Конюса, Б. Асафьева. В их числе стоит и музыкально-философская концепция русского философа А.Ф.Лосева (1893–1988), которая не стала, вследствие партийно-идеологических запретов, фактом русской музыкальной науки в свое время, но обозначила образование в русской культуре новой традиции. Философия музыки Лосева содержит яркую, оригинальную методологическую систему, которая органично включена не только в общую философию культуры мыслителя, но и в основные направления развития культурологической мысли XX века.

Мировоззрение Лосева формируется на основе создания и глубокого овладения единой методологией, сквозь призму которой он воспринимал и интерпретировал самые различные проявления духовной культуры. Результатом явился выход в конце 20-х годов цикла философских сочинений Лосева из восьми книг. Многообразные задачи, которые ставит перед собой лосевский цикл, можно свести к двум крупнейшим: реконструкция античного мышления и миросозерцания и создания оригинальной методологической системы диалектико-феноменологической философии, имеющей в своей основе новые концепции имени, символа и мифа, генетически связанные с православным имяславием. Главный труд Лосева по философии музыки, который вошел в вышеуказанный цикл, «Музыка как предмет логики», был опубликован в 1927 году. В конце XX века были подготовлены к печати «Очерк о музыке» (1995) и «Методологическое введение» (1999), которое представляет начальный фрагмент труда о музыке неоконченного по ряду причин. Эти работы, создававшиеся в течение 1920-1925 г., содержат общефилософское методологическое обоснование как музыкальной эстетики, так и любой другой отрасли научной деятельности, формулируют главную цель музыкальной эстетики: феноменологическое «увидение» музыкального бытия в его эйдосе.

Для решения поставленных задач Лосев разрабатывает метод логико-смыслового конструирования философско-музыкального предмета на основе синтеза феноменологии и диалектики. Лосев также указывает на то, что создавая свою диалектическую феноменологию, он опирался на методы Г.Гегеля и Э.Гуссерля. Лосев принял для себя феноменологическую, гуссерлианскую трактовку философско-музыкального предмета, т.к. стремился постичь явления чувственной и духовной реальности одновременно и в полноте его смысла, живой конкретности. Предмет феноменологии определяется как наивысшая мыслительная абстракция — эйдос, но данная конкретно, наглядно. Это некие «феномены сознания» — чистые структуры, универсальные принципы, лежащие в основе опыта сознания. Поэтому центральными темами музыкально-философских трудов Лосева становятся феноменология чистого, или абсолютного, музыкального бытия и феноменология музыкального бытия как бытия творческого.

Но феноменология останавливается на статическом фиксировании статически данного смысла вещи, что не удовлетворяло потребности Лосева, для которого смысловая структура предмета была живым динамическим единством составляющих элементов. Поэтому он и решает дополнить феноменологию диалектикой, применить диалектический метод к феноменологически трактуемому философскому предмету. «Музыкальное бытие как раз не есть эйдос с логическим смыслом, оно лишь диалектический момент в общей структуре эйдоса» [1, с.87]. Для Лосева диалектика представляет собой определенную историко-философскую традицию, восходящую отнюдь не к Гегелю и Гераклиту, но прежде всего к Пифагору, Платону и Плотину. Поэтому результатом взаимодействия двух вышеуказанных элементов его методологии становится категориальная разработка платоновско-гуссерлианского эйдоса как совершенного единства умственного и чувственного содержания.

Основная диалектическая конструкция была взята Лосевым из неоплатонической философии. Это античная тетрактида, в которой превыше всего стоит Единое (последнее обобщение всего сущего); оно порождает Мировой Ум (эйдос, т.е. смысл, гармония выраженная смысловым образом); за ним следует Мировая Душа (алогическое становление эйдоса, источник жизни); душа осуществляется в Космосе (факт, идеальная сущность, наш материальный мир), находящийся в гармонии с космической душой. Рассматривая структурную

конкретизацию своей диалектики сквозь призму музыкального процесса становления Лосев вводит в данную формулу пятый элемент. Этим пятым элементом является «первичное», досмысловое бытие, алогическое становление художественного, выполняющая функцию рождения, становления. Для того, чтобы определить место для «первичного» Лосев выясняет где оно больше всего выражено, если оно выше эйдоса и помещается между первым и вторым началом античной тетрактиды. Источником «перво-художественного» оказывается музыка, т.к. она воплощает не образы становления (эйдосы), но само становление [2, с.255, 257].

Следуя диалектике «одного и иного», Лосев делает алогическую музыкальную стихию предметом логики и выясняет, что является собственно музыкальным эйдосом. Музыка как хаотическая, бесформенная часть мироздания имеет свою форму, логос. За основу своей логической конструкции Лосев берет категорию «времени», которая стала центральной, сущностной для ряда музыкальных теорий XX века (И.Стравинский, Д.Кейдж, П.Булез). Если «время» для Лосева связано с процессом музыкального становления, хаотической текучести, то обратной стороной «чистого музыкального бытия» является категория «числа-иного» как недляющееся, смысловое оформление. При этом речь идет о музыкальном числе, т.е. слуховом, чувственном. Исходя из этого, Лосев определяет музыку как алогическое становление числа или выраженную жизнь чисел. Поэтому число, а значит, и музыка, занимают ближайшее к абсолюту иерархическое положение в диалектической пентаде Лосева. По мнению Ю.Холопова, теория Лосева — «число во времени» определяет историческую эволюцию, «дает ключ к пониманию того перелома», который произошел в музыке XX века [3, с. 557]. Предлагая своеобразную систему, он дает обоснование не только философской теории музыки, но и философской теории гармонии.

Совершенное двуединство эйдоса и его инобытия приводит Лосева к конструированию философского понятия символа. Лосев обращается к античному пониманию символа как выраженного эйдоса (Платон, Плотин). Он продолжает и традицию, которая сформировалась в конце XVIII — начале XIX века в работах немецких философов, где символу отводится ведущая роль, прежде всего в сфере искусства и мифологии и сохраняется мировоззренческая значимость как универсума, мира, где все есть символ (Ф.Шеллинг, И.Гете, Г.Гегель). Таким образом, назвав символ итогом диалектической обработки феноменологического эйдоса, Лосев считает необходимым продолжением эйдологии символогию. Утверждение символического учения как опыта онтологии, т.е. онтологизация символа как энергийного выражения сущности бытия явилось общей чертой для русской философской традиции XIX — первой трети XX века (В.Иванов, А.Белый, Г.Шпет). Музыка, сохраняя в себе «первоначало» и в то же время неся на себе печать преображения с помощью логоса, является для Лосева символом Божественного Преображения. Благодаря диалектическому единству этих противоположных начал музыкальное бытие оказывается символической конструкцией, выражением Единого [4, с.56, 123]. Перед нами выстраивается сложная цепочка диалектических перевоплощений: 1) музыка, являясь выражением «алогического становления» числа; 2) сохраняет свое внутреннее единство благодаря эйдосу; 3) эйдос, в свою очередь, как категориальная конструкция определяется при помощи смысловой выраженности числа; 4) внутренний переход эйдоса из «одного» в «иное», что определяется как «алогическое становление», а значит, музыка, приводит к возникновению символа. Таким образом, вся эйдология и симвология Лосева 20-х годов музыкальна.

Конечное осмысление своей методологии Лосев дает в духе имяславской системы тщательного анализа природы «имени» или «слова-логоса». Согласно

ему энергия отлична от сущности, но не отделима от нее. Акт образования имени-слова, по Лосеву, — это попадание предметной сущности (эйдоса) в некую пассивную, косную среду, вся роль которой сводится к искажению бытийственного ядра предмета. Под этой средой Лосев подразумевает сознание, которое для него, по отношению к предметной сущности, не-сущее, т.е. меон. Таким образом, слово образуется погружением сущности в меон. В философском плане это и означает взаимодействие «одного» и «иного», порождающее сложную диалектическую игру категорий.

Просвещение светом сущего меональной тьмы есть не что иное как первичный всеобщий миф. Поэтому слово-имя, по мнению Лосева, которое рассматривается как символическое явление предмета, перевоплощается в миф. Миф, являясь наиболее полным раскрытием слова-имени, становится последней полнотой реальности, бытием в его самораскрытии. «...Миф есть развернутое магическое имя» [5, с. 579]. При этом миф всегда личностен, тогда как символ лишь статуарен. Музыка получает свой смысл, когда становится в синтез со словом, а миф — категория, имеющая для Лосева столь же всеобъемлющее значение, как и само слово. Именно на музыкальный миф Лосев указывает в своих музыкально-философских работах, посвященных творчеству Р.Вагнера и Н.Римского-Корсакова. Когда музыка в творчестве этих оперных композиторов второй половины XIX века «зацветает символом», она изнутри освещает рождающуюся мифологию [6, с.216-217].

Завершающей категорией методологии Лосева является «чудо». «Миф есть чудо», — пишет Лосев в работе «Диалектика мифа», — «...миф есть в словах данная чудесная личностная история» [5, с. 537, 578]. Для Лосева музыкальный миф также не только реальность, но еще и чудо. Именно этой проблеме посвящена ранняя статья философа об опере Н.Римского-Корсакова «Снегурочка». В свою очередь чудо как единство, единение личности с миром, есть не что иное как Гармония. Таким образом, Лосев в своей методологической цепочке опять подошел к понятию Гармонии как итоговой ступени бытия в целом и музыкального бытия в том числе.

Вышеосвещенная итоговая формула лосевской философии дает возможность для перевода ее на язык современной методологии, тем самым, указывая на актуальность музыкально-философских работ Лосева спустя более чем полвека. Отправной точкой для последующих размышлений автора статьи является тот факт, что для Лосева категория «чуда» это «определенный метод интерпретации исторических событий» [5, с.552]. В своем стремлении к онтологизации символа, мифа, музыки Лосев объединяет все подходы и методы во всеохватный Супер-метод, который является предметом изучения современных наук о знаках и их понимании, целостном душевно-духовном переживании, а именно семиотики и герменевтики. По сути, его «мифологию» можно определить как семиотику, а мифологическое отношение к миру — как семиотический подход к реальности. Использование единого знака-кода в разных сущностных трансформациях, т.е. процесс образования символа на основе феноменолого-диалектического конструирования, это путь к постижению смыслового содержания бытия, его интерпретации, выраженного во множестве текстов. Вот эта целеполагающая часть методологии и приводит к такой науке, как герменевтика.

В философском отношении способ мышления Лосева по существу герменевтический. Сам философ не называет свою методологию герменевтической. Это объясняется историческим контекстом философских влияний того времени, малоупотребляемостью самого термина. Несмотря на это, ведущий онтологический тезис философской герменевтики — бытие есть язык, является

центральной категорией лосевской герменевтики как учение о «сущем Слове». В русской философии герменевтика как специальный жанр практически не разрабатывалась до конца XX столетия. Стремясь к универсальности понимания, герменевтика культуры русского «серебряного века» сделала попытку сразу выстроить универсальную, онтологическую теорию понимания, что в западной герменевтике явилось заключительным этапом развития (Х.-Д.Гадамер).

Для Лосева суть герменевтики — рассмотрение «обретения языка» смыслом бытия есть воплощение смысловой энергии сущности в выражении, иерархии символичности Лосева [7, с. 188]. Если земная жизнь есть выражение, язык, то анализ различных форм энергийного проявления сущности в их иерархии становится предметом эстетики. Совпадение предмета философии и эстетики в творчестве Лосева привело к тому, что философия его стала эстетической, а эстетика — философской. В этом проявилась существенная особенность отношения всей русской философии культуры к искусству как высшему типу культуротворческой деятельности. Для Лосева таким высшим типом гармонии среди искусств была музыка. Существенным является и тот факт, что в середине — конце 20-х годов Лосев читает в Московской консерватории курс по истории эстетических учений, в котором тема музыкально-эстетического была ведущей. Обращение к предыстории музыкально-эстетических учений поможет определить место и роль Лосева в современной ему традиции.

Музыкальная эстетика на современном этапе представляет собой взгляд на музыкальное искусство как целое в его внутренней структуре и в его отношениях с другими сферами человеческого бытия. Философским фундаментом для нее стало понятие калокагатия, которое сформировалось в пифагорейском кругу и передавало античный идеал, и идеал Лосева, — сочетание эстетического (прекрасное) и этического (слово) начал, т.е. гармонию тела и души. Это двуединство музыки послужило отправной точкой к возникновению и развитию дальнейших теорий и направлений в музыкальной эстетике. К XIX веку сформировались две группы эстетиков, стоявших на принципиально различных позициях. Одна исповедовала безусловную связь музыкального искусства с определенным содержанием, которое можно выразить словесным языком, т.е. именем, а музыкальная специфика содержания опровергается. Другая группа эстетиков считала, что музыкальное искусство настолько специфично, что оно выражает прежде всего самое себя, т.е. музыка выражает музыку и ничего, кроме музыки (Эд.Ганслик). Споры вокруг содержательно-смысловой наполненности музыки перешли и в XX век. Для Лосева основополагающей в определении музыкальной эстетики является категория «выражения». По мысли Лосева, эстетика — наука о выражении внутреннего во внешнем, а творчество, музыкальное в особенности, понимается им как активный переход в бытие, осуществляющийся в выражении. Музыка есть слово и выражение, а музыкальное выражение представляет для Лосева своеобразный аспект его философии языка, что еще раз доказывает общность методологии в их рассмотрении, основанной на принципах герменевтики.

В конце XX века в культурологии и эстетике рассматривается проблема выхода музыкального искусства в культуру, а культуры — в музыку. Для налаживания данного диалога современная музыкальная эстетика в значительной мере вобрала в себя достижения таких культурологических направлений, как семиотики и герменевтика. Они стали логическим продолжением вышеописанных теорий. Наибольший интерес представляют две категории, связанные с восприятием музыки, — это ее понимание и интерпретация. Изначальная многогранность художественно-смысовых оттенков музыки предполагает общность и

различие в соотношении этих понятий. Понимание, как и интерпретация, ставит перед собой познавательные задачи, но интерпретация прежде всего ориентирована на пояснение текста, а понимание — преимущественно на проникновение в его смысл, познание смысла, что и является целью герменевтики.

Поиск символических смыслов музыки возвращает нас к понятию «интерпретация». Но сложность заключается в том, что музыкальный текст вызывает несколько уровней интерпретации. Во-первых, это исполнительская интерпретация музыкального содержания, связанная с тем, что оно подвижно и не замкнуто в системе заданных смыслов, а допускает разные прочтения. Эта проблема нашла яркий отклик в музыкальной прозе Лосева, посвященной идеальному типу исполнителя-интерпретатора, объединяющему в одно целое музыку и философию. Идеалами таких музыкантов-мыслителей для Лосева были С.Рахманинов и М.Юдина (роман «Женщина-мыслитель»). Во-вторых, интерпретация музыкального содержания слушателем в момент восприятия им исполнения музыки, т.е. интерпретация интерпретации. В третьих, герменевтический подход реализуется в виде интерпретированного содержания музыки — словесного высказывания (чаще всего письменного) — герменевтического текста. В лучших своих образцах слово о музыке перестает быть обыденной или научной речью и становится художественным эквивалентом речи музыкальной, актом творчества. Образцом такого художественного слова о музыке являются блестящие исследования Лосева о творчестве Р.Вагнера, А.Скрябина и Н.Римского-Корсакова, столь же индивидуальные и неповторимые, полные символизма.

Если интерпретация отвечает на вопрос «о чем говорит музыка», то понимание, постижение на вопрос «что есть музыка», т.е. не только поясняет, но и проникает в смысл текста. Именно такую задачу ставит перед собой в музыкально-эстетических работах Лосев. Он предлагает интерпретацию сущности музыкального способа художественного миропостижения. Другими словами, Лосев акцентирует свое внимание скорее не на интерпретации музыки как данном герменевтическом тексте, а на процессе его появления. Здесь мы подходим к центральной категории для определения музыкально-эстетической методологии Лосева, связывающей ее с герменевтическим подходом анализа. Речь идет о категории понимания, познания, постижения, «узрения» музыки.

Среди всех прочих способов человеческого миропознания, указывает философ, выражение чистого становления, кроме математики, свойственно только музыке как одному из существенных пластов человеческого миропостижения. Лосев обращает внимание на то, что в первооснове процесса познания лежит интуитивное ощущение бытия некоего смысла, которые находятся в неразрывной слитности. Такой исходный момент познания, т.е. не оформленный образно, понятально, а чистое ощущение сущего неподдающееся познанию в логосе, Лосев называет чистым опытом и первичной основой искусства и специфической особенностью музыки. Бесформенное, по своей сути, музыкальное бытие, проходя различные стадии оформления (эпическую, драматическую, лирическую), в конце этого процесса «напрягается до слова, до логоса» [2, с.606]. Музыкальное бытие непосредственно погружает нас в хаос и создает трагическое ощущение мира, творческий динамизм, осмыслияет хаос как мир и смысл, как тайную закономерность. Узрение есть «явление в психике смысловой энергии самого предмета <...> в его полном эйдетическом единстве и общности» [1, с.91]. Нахождение Слова, Логоса в музыкальном познании является сверхвысоким и сверхчеловеческим уровнем постижения мира, о чем Лосев гениально пишет в статье «О музыкальном ощущении, любви и природы» [2, с.606]. Поэтому только религия, молитвенное состояние аскета являются областью человеческого творчества,

которая превосходила бы музыку с ее бездонным содержанием. Музыкальное познание открыто для бесконечно-разнообразных интерпретаций мира, возвращая бытие к утраченному им единству и тем самым возвращая человека себе самому. Оно наиболее ярко демонстрирует мироощущение тайны и ее явления, о котором Лосев пишет в труде «Самое само» [8, с.337]. Постижение музыки дает ощущение Высшей Гармонии, переживания катарсиса, творческого акта, который состоит из сложной цепи взаимообусловленных звеньев, складываемых в две основополагающие области музыкального постижения — познания и наслаждения.

Из высказанного можно сделать вывод, что Лосев в определении музыкального познания и мироощущения объединяет два теоретических направления в отношении музыки — этическое (слово, логос) и эстетическое (наслаждение), тем самым еще в 20-е годы XX века предугадав развитие современной музыкально-эстетической мысли. Методом изучения музыкальной культуры в итоге является метод герменевтики, как культурологического понимания анализа взаимодействия символов и знаков, с помощью которого Лосев конструирует смысловое содержание. Тем самым философ выстраивает герменевтический круг, где весь мир, который творит человек, — а для Лосева это «музыкальный ряд» — находится в сфере единства культуры и методологии ее понимания.

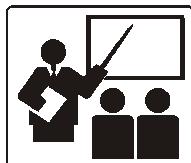
1. Лосев А.Ф. Методологическое введение // Вопросы философии. — М., 1999. — № 9. — С. 76-99.
2. Лосев А. Ф. Форма. Стиль. Выражение. — М.: Мысль, 1995.
3. Теория музыки // История современной отечественной музыки: Учебное пособие. Вып. 3. / Ред.-сост. Е.Доменская. — М.: Музыка, 2001. — С. 551-563.
4. Лосев А.Ф. Музыка как предмет логики. — М., 1927.
5. Лосев А.Ф. Из ранних произведений. — М.: Правда, 1990.
6. Лосев А.Ф. О музыкальном ощущении любви и природы: К 35-летию «Снегурочки» Римского-Корсакова // Музыка. — 1916. — № 252. — С. 210-217.
7. Лосев А.Ф. Философия имени. — М., 1927.
8. Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность. — М.: Мысль, 1994.

Поступила в редакцию 02.12.2002.

This article deals with the issue of connection between music and philosophy. This connection is examined in the context of Russian culture of «Silver century». As an example, the author gives philosophical and aesthetic legacy of Losev A. F. as its methodological aspect is studied very little. The article grounds methodological approaches to development of the concept to philosophy of music of Losev A.F.

Losev's concepts of the notion of music form of world-outlook is fundamental for the modern cultural science as a phenomenon of the hermeneutic understanding. This theory is formed by means of the philosophical method, which was named by Losev, i.e. the dialectical-phenomenological method, but in the point, of the matureate, is hermeneutics.

Барановская Татьяна Григорьевна, аспирант кафедры культурологии ГрГУ им. Я.Купалы. Научный руководитель — доцент, кандидат философских наук Г.Н.Щелбанина.

Педагогіка

УДК 378.14:681.004

Н.П.Макарова

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ КОМПЬЮТЕРИЗИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ НА ФАКУЛЬТЕТАХ НЕМАТЕМАТИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ УНИВЕРСИТЕТОВ

В статье рассматриваются актуальные проблемы совершенствования компьютерной подготовки студентов факультетов неспециального профиля университетов, использования полученных знаний в преподавании других дисциплин и научно-исследовательской работе. Формулируются выводы, полученные в результате теоретических исследований и экспериментальной работы. Намечены конкретные пути решения поставленных проблем. Результаты исследования могут быть внедрены в учебный процесс всякого республиканского вуза.

Бурное развитие вычислительной техники, ее проникновение практически во все сферы человеческой деятельности привели к необходимости подготовки специалистов, свободно владеющих навыками работы с компьютером. Одной из важных задач высшей школы является интенсивное внедрение вычислительной техники в учебный процесс на всех его этапах. Она особенно актуальна в настящее время в связи с переходом системы высшего образования на многоуровневую подготовку специалистов.

В течение ряда лет в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы проводилось исследование по теме «Разработка комплексной программы компьютерной подготовки в университетах в условиях многоуровневой системы высшего образования». Объектом исследования явилась постановка компьютеризированного обучения студентов на факультетах неспециального профиля университетов. В ГрГУ к таким факультетам относятся факультеты юридический, экономики и управления, физической культуры и спорта, биологии и экологии, филологический, педагогики, психологии, исторический. В настоящей статье вниманию читателей предлагается обзор результатов данного исследования, дополненный современными умозаключениями.

Анализ состояния компьютерной подготовки на гуманитарных факультетах вузов и содержания организационно-методического обеспечения профессиональной подготовки студентов на факультетах неспециального профиля с использованием средств вычислительной техники и новых компьютерных и информационных технологий (КИТ), постановки компьютерного обучения и использования вычислительной техники (ВТ) в учебном процессе позволили нам сделать вывод о том, что в этом направлении ведется определенная работа как в Республике Беларусь, так и за ее пределами. Однако при этом:

– наблюдается тенденция рассмотрения поставленных вопросов применительно к специфике конкретного вуза и конкретной специальности в конкретной дисциплине в основном изолированно от других учебных курсов;

- не просматриваются преемственность и непрерывность использования ВТ на протяжении всего периода обучения в вузе;
- опускаются вопросы самостоятельного использования студентами ВТ в научно-исследовательской работе — важном звене учебного процесса во всяком вузе;
- не прослеживается взаимосвязь проблем компьютеризации с перестройкой самой системы высшего образования, которая наблюдается в настоящее время,
- отсутствует системный подход к рассмотрению проблем организации компьютерного обучения в вузе.

Рассмотрение нами сформулированной проблемы во всех ее аспектах потребовало разработки как самой модельной концепции компьютерной подготовки студентов гуманитарных факультетов университетов в условиях многоуровневой системы высшего образования, так и модельных программ базовых курсов информатики.

Такой подход к решению проблемы позволяет разработать модели подготовки специалистов в области использования ВТ с учетом специфики их дальнейшей практической деятельности, определения содержания подготовки студентов на каждом уровне высшего образования. Важное значение в условиях компьютеризированного обучения приобретает создание учебно-методического комплекса обеспечения такой подготовки, т.е. форм, средств и методов обучения студентов.

Наблюдаемый в настоящее время информационный бум в издательской деятельности в области компьютерной литературы не спасает ситуацию ввиду наличия большого числа дорогостоящих, объемных изданий, которые, однако, не носят учебного характера. Вне поля зрения издателей остаются некоторые пакеты Windows-приложений, имеющие важное прикладное значение (например, Statistica for Windows).

Таким образом, понимая, что разработка методического комплекта изданий, ориентированных на студентов указанных выше факультетов является актуальной, кафедра информатики и ВТ поставила задачу создания такого комплекта.

Также нерешенной и требующей своего решения является проблема разработки методического обеспечения учебных дисциплин, преподавание которых немыслимо без использования вычислительной техники (назовем их «околокомпьютерными»). К таким курсам относятся, например, «Биометрия» (факультет биологии и экологии), «Математические модели в экономике» (факультет экономики и управления) и др.

Поэтому представляется целесообразным определить сферу использования вычислительной техники в учебном процессе вузов в виде перечня соответствующих учебных дисциплин. Разработка компьютерной поддержки в их преподавании является одним из путей решения двуединой задачи: оптимизация учебного процесса и совершенствование компьютерной подготовки студентов.

Актуальной проблемой компьютеризированного обучения на факультетах неспециального профиля университетов является разработка программно-методического обеспечения курсов по информатике, «околокомпьютерных» курсов, компьютерного «окружения» учебных курсов.

Под компьютерным «окружением» учебных курсов мы понимаем программные и методические средства, ориентированные на использование вычислительной техники и предназначенные для скорейшего достижения целей обучения.

Выделение указанного этапа явилось естественным шагом в деле реализации разработанной нами модельной концепции компьютерной подготовки с ориентацией на базовый уровень высшего образования.

Достижение указанной цели исследования требовало постановки и решения следующих задач исследования.

- Разработка типовой программы курса «Информатика и вычислительная техника» для факультетов неспециального профиля университетов.
- Разработка методического обеспечения данного курса, а также «около-компьютерных» курсов.
- Определение перечня экспериментальных базовых курсов и их компьютерной поддержки.

Решение указанных проблем позволило вести речь о разработке программно-методических комплексов (ПМК) таких вузовских дисциплин, как «Основы компьютерных знаний», «Биометрия», «Математические модели в экономике», «Математические методы в исторических исследованиях», «Финансовое право», «Гражданское право». Была разработана часть ПМК по курсам «Логика», «Педагогика». Полученные результаты НИР на данном этапе исследования позволили на следующем этапе завершить создание ПМК с ориентацией их на все уровни высшего образования.

Третий этап исследования — завершение разработки программно-методического обеспечения указанных курсов для первого и второго уровней высшего образования. Важнейшей задачей исследования на данном этапе явились апробация и внедрение разработанных программных и методических средств в учебном процессе вуза, школ нового типа.

Основные выводы:

1. Интенсивное внедрение вычислительной техники в учебный процесс вуза на всех его этапах является одной из важных задач высшей школы.
2. Вопрос создания комплексной программы компьютерной подготовки должен базироваться на следующих атрибутах учебного процесса: квалификационной характеристике специалиста; учебном плане специальности и программе базового курса информатики; парке вычислительных машин и соответствующих программных продуктов; знании перспектив развития ВТ.
3. Проблему совершенствования компьютерной подготовки студентов следует рассматривать во взаимосвязи решения следующих задач: теоретической, практической, медико-гигиенической, методической, исследовательской подготовки студентов.
4. Содержание компьютерной подготовки будущего специалиста должно базироваться на содержании его будущей практической деятельности.
5. Примерно единый уровень содержания компьютерного обучения студентов на нематематических факультетах позволяет строить обучение на основе единой программы базового уровня информатики, задачей которого, прежде всего, является формирование информационной культуры и культуры пользователя ЭВМ у первокурсников.
6. Основными отличительными признаками программы базового курса информатики являются: базовая компонента (программа содержит перечень вопросов, обязательных для изучения всеми студентами конкретной специальности); профессиональная компонента (в программу включены вопросы, вытекающие из квалификационной характеристики конкретной специальности); пропедевтическая (наличие в программе вопросов, которые могут явиться основой для углубленного изучения в продвинутых курсах); межпредметная компонента (программа предусматривает формирование умений и навыков, необходимых для использования ВТ в других учебных дисциплинах).
7. Цели курса по информатике для факультетов неспециального профиля: подготовка студентов к эффективному использованию современного программного

обеспечения в процессе решения производственных и научно-технических задач, приобретение навыков проектирования и разработки программных систем, овладение методами использования интегрированных пакетов автоматизации деловых процедур, системами обмена данными между компьютерами.

8. Важное значение для совершенствования практической подготовки студентов приобретает недельная практика в компьютерных классах (30 — 36 часов), которая способствовала бы устойчивому закреплению практических умений и навыков работы на компьютере. Целесообразно организовать и провести такую практику в вычислительных центрах учреждений, организаций, соответствующих профилю конкретной специальности.

9. С целью решения ряда проблем как теоретического, так и психолого-педагогического характера представляется целесообразным ввести в учебные планы всех специальностей на гуманитарных факультетах университетов комплексную дисциплину (возможно, в рамках спецкурса) «Психолого-педагогические проблемы компьютеризации». Программа этой дисциплины должна включать изучение таких вопросов, как методы психологической адаптации к работе на компьютерах, методы психологической разгрузки, нормогигиенические требования при работе на компьютере и т.д.

10. Непрерывность изучения информатики и ВТ, использование в учебном процессе выработанных знаний, умений и навыков являются непременными условиями творческого овладения требуемым материалом в том объеме, который соответствует современным требованиям подготовки специалистов.

11. Усиление компьютерной подготовки студентов возможно через приближение ее к реальному состоянию информатики как науки и, с учетом перспективы ее развития, через модернизацию методического обеспечения курса информатики, выделение перспективы использования и углубления знаний во время дальнейшей учебы.

12. Совершенствование компьютерной подготовки студентов следует вести в направлении углубления межпредметных связей с курсом информатики.

13. Содержание продвинутых курсов может формироваться путем:

— углубления материала по одной-двум темам базового курса информатики, представляющим особый интерес для будущей профессиональной деятельности бакалавров (магистров) конкретной специальности;

— введения новых тем, не входящих в программу базового курса информатики.

14. Выбор наполнения содержания продвинутых курсов должен определяться как спецификой каждой конкретной специальности, так и уровнем высшего образования. Однако их изучение, кроме передачи определенного объема знаний, должно преследовать задачу выработки у студентов навыков самообучения. Этот тезис является одним из основных в предлагаемой нами модельной концепции компьютерной подготовки студентов.

15. С учетом бурных темпов развития ВТ, широкого проникновения ЭВМ во все сферы человеческой жизни представляется целесообразным рассматривать систему компьютерной подготовки будущих специалистов в университете как заранее прогнозируемую, опережающую на основе перспективы развития ВТ через 5 — 7 лет с момента начала обучения в вузе. Невозможность порой точной установки такого прогноза, а также работы с несуществующими на данный момент времени программными продуктами и диктуют необходимость вне-

дрения самообучения в качестве одного из основных компонентов компьютерной подготовки в вузе.

16. НИРС является одним из важных рычагов стимулирования компьютерного самообучения студентов, позволяющего выработать навыки вдумчивого, разумного, творческого подхода к решению тех или иных задач с помощью ЭВМ.

17. Кроме компьютерных обучающих и контролирующих программ, целесообразно применение новых видов компьютерного «окружения»: электронных учебников, рабочих папок Excel. Перспективным направлением разработки программных продуктов для поддержки преподавания учебных курсов является разработка рабочих папок и Delphi-технология в среде Windows;

18. Методические материалы для факультетов неспециального профиля представляют собой универсальные справочники и материалы, ориентированные на студентов конкретного факультета.

1. Бялын I.M., Макарава Н.П. Магчымасці прымянення ПСПП у курсе Логіка» // Камп'ютарные тэхналогіі ў навучанні. Матэрыялы навукова-метадычнай канф. — Мн.: Бел. пед. ун-т, 1995. — С. 113-114.

2. Изосимова Т.Н., Ляликова В.И. О преподавании информатики на факультете правоведения // Материалы Республ. научно-методич. конф., посвящ. 25-летию факультета прикл. матем. и информатики. Ч. II. — Мн.: Белгосун-т, 1995. — С. 171.

3. Ляликова В.И., Цехан О.Б. Использование программных средств при подготовке студентов-биологов // Камп'ютерны тэхналогіі ў навучанні: Матэрыялы навукова-метадычнай канф. — Мн.: Бел. пед. ун-т, 1995. — С. 86-87.

4. Макарова Н.П. Некоторые проблемы организации компьютеризированного обучения на факультетах неспециального профиля // Проблемы совершенствования компьютерной подготовки в университете на факультетах неспециального профиля: Материалы республ. научно-методич. конф. / Под ред. Н.П.Макаровой. — Гродно, 1997.

5. Рычкова Л.В. Камп'ютарнае забеспечэнне курса «Уводзіны ў мовазнаўства» // Камп'ютарные тэхналогіі ў навучанні: Матэрыялы навукова-метадычнай канф. — Мн.: Бел. пед. ун-т, 1995. — С. 110-111.

6. Изосимова Т.Н., Макарова Н.П. О подготовке по информатике студентов юридического факультета в условиях многоуровневой системы высшего образования // Актуальные проблемы информатики: математическое, программное и информационное обеспечение: Материалы V межгосударственной научной конференции (14-18 мая 1996 г., г. Минск). — Мн., БГУ, 1996. — С. 306.

7. Изосимова Т.Н., Лицкевич А.М. Программный комплекс управления задачами автоматизированного банка данных УВД // Актуальные проблемы информатики: математическое, программное и информационное обеспечение: Материалы V межгосударственной научной конференции (14-18 мая 1996 г., г. Минск). — Мн., БГУ, 1996. — С. 49.

8. Живель А.И. О пакете программ по курсу «Логика» // Актуальные проблемы информатики: математическое, программное и информационное обеспечение: Материалы V межгосударственной научной конференции (14-18 мая 1996 г., г. Минск). — Мн., БГУ, 1996. — С. 305.

9. Ляликова В.И., Кудинов В.В. Система регрессионного анализа // Актуальные проблемы информатики: математическое, программное и информационное обеспечение: Материалы V межгосударственной научной конференции (14-18 мая 1996 г., г. Минск). — Мн., БГУ, 1996. — С. 104.

10. Ляликова В.И., Макарова Н.П. Вопросы компьютерной подготовки студентов биологического факультета // Актуальные проблемы информатики: математическое, программное и информационное обеспечение: Материалы V межгосударственной научной конференции (14-18 мая 1996 г., г. Минск). — Мн., БГУ, 1996. — С. 308.

11. Степин Ю.Г. Разработка программно-методического комплекса для обучения пакету MICROSOFT OFFICE // Актуальные проблемы информатики: математическое, программное и информационное обеспечение: Материалы V межгосударственной научной конференции (14-18 мая 1996 г., г. Минск). — Мн., БГУ, 1996. — С. 315.

12. Изосимова Т.Н., Макарова Н.П., Рушницкий П.В., Сопач С.С. Обучающая программа по курсу «Финансовое право» для студентов юридического факультета // Система гуманитаризации образования в Республике Беларусь: концептуальные основы, модели, уровни, управление: Тезисы докл. участников международной научно-методич. конференции. — Мн.: РИВШ при БГУ, 1996. — С. 79.

13. Ляликова Н.П., Макарова Н.П. Приобретение навыков анализа статистических данных студентами гуманитарных факультетов // Система гуманитаризации образования в Республике

- Беларусь: концептуальные основы, модели, уровни, управление. Тезисы докл. участников международной научно-методич. конференции. — Мин.: РИВШ при БГУ, 1996. — С. 137.
14. Игнатовский М.И. Телекоммуникационные технологии при обучении в вузе // Материалы международной 52-й научно-технической конференции проф., преп., научн. раб., аспир. и студ. БГПА «Технические вузы — Республике». Ч.7. — Минск, 1997. — С. 85.
15. Изосимова Т.Н., Макарова Н.П., Рушинецкий П.В., Сопач С.С. Новые компьютерные технологии на факультете права и экономики // ТехноОбраз' 97: Технологии непрерывного педагогического образования и творческого саморазвития учителя: Материалы 1 Республиканской научной конференции. — Гродно: ГрГУ, 1997. — С. 298 — 299.
16. Ляликова В.И., Макарова Н.П. Методические проблемы внедрения компьютерной техники в учебный процесс на биологическом факультете // Там же. — С. 300-302.
17. Алексина А.Э. Использование Microsoft Excel 7.0 в рамках многоуровневого компьютерного обучения // Там же. — С. 307-308.
18. Изосимова Т.Н., Ляликова В.И., Макарова Н.П., Степин Ю.Г., Шушкевич С.В. О программе компьютерной подготовки студентов университетов // Информатизация адакаціі. — №7. — 1997.
19. Makarova N., Izosimova T., Ljalikova V. Some problems of instructing students in computerised environment // The 18th ICDE World Conference June 2-6, 1997. Abstracts. — S.1.
20. Makarova N., Izosimova T., Ljalikova V. Some problems of instructing students in computerised environment // The 18th ICDE World Conference, June 2-6,1997. CD ROM. — S.19.
21. Ревчук И.Н. Word 6.0 for Windows: Уч. пособие по курсам «Информатика и вычислительная техника», «Современные компьютерные технологии» для студентов нематематических специальностей. — Гродно, 1997. — 68 с.
22. Основные возможности статистического пакета Statistica for Windows: Учебно-методические рекомендации для студентов нематематических специальностей / Сост. Ляликова В.И., Макарова Н.П. — Гродно, 1997. — 36 с.
23. Практикум по курсу «Биометрия» для студентов специальностей Н0401 — Биология и Н0601 — Экология / Сост. Ляликова В.И. — Гродно, 1997. — 56 с.
24. Изосимова Т.Н., Ляликова В.И., Макарова Н.П., Степин Ю.Г., Шушкевич С.В. Информатика и вычислительная техника. Программа курса для факультетов неспециального профиля университетов. Тыпавая праграма, № ТД-56/тип. — Мин-во образования РБ, РИВШ при Белгосун-те, Уч.-мет. Центр «Высш. Школа». — Минск, 1999. — 27 с.
25. Яговдик К.П. О методике преподавания курса «Основы компьютерной подготовки» на факультете иностранных языков // Камп'ютарная тэхналогіі ў науучанні: Матэрыялы навукова-метадычнай канф. — Мин.: Бел. пед. ун-т, 1995. — С. 190.

Поступила в редакцию 07.06.2002.

The article deals with the most important problems of intensifying the computer teaching of students of different departments (except for Mathematics department). Such issues as usage of the acquired Knowledge in teaching other subjects as well as in research are also considered in the paper. Conclusion received on the basis of theoretical research and experiment is also formulated. The ways of solving the above specified problems are defined. The results of the research can be used in the process of teaching computer science to the students of any University in Belarus.

Макарова Нина Петровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры информатики и вычислительной техники ГрГУ им.Я.Купалы.

Псіхологія

УДК 370.153

М.М.Карнелович

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ РЕФЛЕКСИИ У УЧИТЕЛЕЙ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕТЕРМИНАНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Проблема интенсификации роста профессионального мастерства и творчества (в том числе и педагогического) является одной из фундаментальных акмеологических проблем. В статье рефлексивная деятельность педагога рассматривается в качестве одного из условий, влияющего на формирование самого учителя и тем самым способствующего его личностно-профессиональному росту.

Исследование построено на акмеологической основе и охватывает учителей 22-31 года. В статье проанализированы качественно-количественные изменения в структуре личностной и коммуникативной рефлексии учителей в ходе процесса адаптации и «погружения» в профессионально-педагогическую деятельность.

Проблема развития личностно-профессиональных качеств педагога имеет первостепенное значение в современных условиях, когда потребность к постоянному обновлению профессионализма кадров во всех сферах человеческой практики приобретает острый характер. Описанием, систематизацией, анализом феномена творчества и профессионализма в высших их проявлениях, а также проектированием сфер их развития и реализации занимается особая наука и практика — акмеология.

Понятие «акмеология» (с древнегреческого «акме» — высшая точка, острье, расцвет, зрелость, лучшая пора) в научную терминологию ввел профессор Н.А.Рыбников в 1928 году, обозначая им возрастную психологию зрелости или взрослости. Б.Г.Ананьев в своей книге «О проблемах современного человекознания» указал место акмеологии в системе наук о человеке в следующем ряду: педагогика — акмеология — геронтология. Он также подчеркнул парадоксальность сложившейся в психологии ситуации, при которой в центре психологического познания развития человека оказались ранний и поздний онтогенез, а на периферии — те фазы, когда человек живет наиболее продуктивной творческой и социально-активной жизнью. Б.Г.Ананьев особо указывал, что «единая научная теория индивидуально-психического развития не может быть построена без специальной разработки ее фундаментального раздела — психологии зрелости» [1, с.337].

В настоящее время акмеология получает свое дальнейшее развитие в трудах А.А.Бодалева, А.А.Деркача, Н.В.Кузьминой, Е.И.Степановой, Е.А.Яблоковой и др. Путь становления акмеологии как особой науки и практики характеризуется признаками комплексности и системности, интегрирующихся в статусе

этой дисциплины как метанауки и метапрактики. Можно считать, что акмеологические изыскания и разработки относятся к сфере инновационно-проективных практик рефлексивного типа.

В контексте нового акмеологического направления, получившего название рефлексивно-гуманистической психологии созидающего творчества, предлагается интенционально-динамическая модель феномена «акме», согласно которой критерием эмпирической и концептуальной идентификации акме является не точка верхнего экстремума развития, а процесс максимально интенсивного роста и качественного скачка развития. Отсюда главные признаки акме — прогрессивная направленность, интенсивность, незавершенность развития [2, с.7-8].

На основе интенционально-динамической модели акме возможно выделение акмеологических периодов в любом возрасте. В научно-практическом плане важным становится изучение периодов «подъема» и «спада» в становлении различных психических процессов человека, в его личностном и профессиональном развитии, чтобы предупреждать возможность появления точек «перелома», ориентировать человека в личностном росте на постоянное совершенствование и творческое развитие, которое при соответствующих усилиях и условиях может идти непрерывно по восходящей траектории.

Одним из таких определяющих условий, способствующих личностно-профессиональному росту учителя, является его рефлексивная деятельность.

Вхождение в педагогическую деятельность сопровождается рефлексивным «опознанием» условий, специфики требований, проистекающих из самой «природы» педагогической деятельности. В связи с таким опознаванием, ориентированием у молодого учителя создается потребность в самоопределении, результат которой означает, что человек «подчинился» требованиям деятельности, перестроил систему ценностей. Поскольку необходимо изменять себя и адаптироваться к профессионально-педагогической деятельности, то условием успешности этого выступает построение учителем достаточно адекватных представлений о себе и их перестройка в соответствии с требованиями деятельности с последующим построением проектного представления о себе в качестве критерия оценки реального проявления себя в профессионально-значимой деятельности. Вхождение в деятельность требует от учителя сложения за знанием о себе в ходе своего профессионального становления, изменения и проектирования. Реализация этого возможна посредством формирования рефлексивных способностей. Активная рефлексия дает возможность сделать профессиональное становление творческим, личностно-значащим процессом. Тем не менее, как показал анализ существующих исследований проблемы педагогической рефлексии, акмеологические закономерности ее развития у учителей на этапе активной профессионализации (первые 10 лет работы) не нашли достаточного освещения в разработках различных концептуальных направлений, хотя они и подчеркивали ведущую роль рефлексии в развитии педагогического творчества.

С целью выявления тенденций развития педагогической рефлексии у учителей на этапе ранней зрелости нами было проведено исследование, которым было охвачено 250 учителей в возрасте от 22 до 31 года, имеющих стаж от 0,5 до 10 лет и составивших 5 возрастных групп (22-23; 24-25; 26-27; 28-29; 30-31 г.). Применились методы: написание самохарактеристик, сочинений «Я — глазами других», модифицированная техника репертуарных решеток Дж.Келли [3]. Для математической обработки были использованы процедуры корреляционного анализа и вычисления индекса Баннистера.

Мы стремились проследить, как преобразуется рефлексия учителя в ходе процесса адаптации и «погружения» в реальную педагогическую деятельность, какие

качественные изменения происходят в системе представлений учителя о самом себе и о том, как его оценивают референтные лица ближайшего профессионального окружения (учащиеся, их родители, коллеги, администрация школы).

В ходе исследования были выявлены периоды повышения и снижения показателей фиксирования личностных и субъектных свойств в структуре личностной и коммуникативной рефлексии учителей различных возрастных групп. Выраженный «пик» разнородности и частотности фиксирования личностных свойств выявлен у учителей 24–25 лет, а способностей и свойств, характеризующих педагогическое мастерство, — у 28-29-летних.

Анализ личностной рефлексии («Я» – Я) дал возможность выделить 9 блоков качеств в группах учителей 22–25 лет и 10 блоков качеств — у учителей 26–31 года.

У учителей 22–23 лет высокие показатели разнородности и частотности свойств личности сочетаются с достаточно низкими показателями фиксирования субъектных свойств. На этот период приходятся максимумы фиксирования коммуникативных черт характера, интересов и склонностей, характеристик своей личности в целом. Высокой частотностью характеризуются эмоционально-динамические качества и рефлексивные черты характера. Это свидетельствует о сформированности у начинающих учителей системы представлений о своих личностных свойствах. Субъектные свойства — способности, отношение к труду, свойства интеллекта — 22–23-летние учителя характеризуют значительно реже (последние места в ранжированном ряду). Примечательно, что фиксируемые субъектные свойства не являются специфичными для профессионально-педагогической деятельности, носят общий характер («умный», «трудолюбивый», «имею организаторские способности»). Очевидно, у начинающих учителей еще не сложилось четкое представление о себе как субъекте профессиональной деятельности, продолжается адаптация к условиям труда, возникают противоречия между имеющимися знаниями, умениями, способностями и требованиями труда. Поэтому учителя избегают самооценок своего педагогического мастерства (данный блок качеств в этой группе не представлен), отдельные испытуемые лишь говорят о малом опыте и в связи с этим о невозможности характеризовать себя как учителя. Тем не менее, у учителей 22–23 лет существует потребность в знании самого себя как субъекта педагогической деятельности, что находит отражение в большом количестве и разнородности применяемых рефлексивных действий.

В отличие от остальных групп, учителя 22–23 лет указывают на нестабильность, незавершенность развития отдельных личностных свойств, на несоответствие своих поступков, способов поведения подлинной сущности собственной личности («я — человек застенчивый и робкий, но иногда могу удивить отзывчивостью и агрессивностью», «не могу с уверенностью говорить о своих каких-либо качествах, потому что я очень переменчива»).

У учителей 24–25 лет удельный вес субъектных свойств в структуре личностной рефлексии существенно повышается. Так, средние показатели фиксирования способностей увеличиваются в 4 раза, свойств интеллекта — в 2.7 раза, свойств, характеризующих отношение к труду — в 1.6 раза по сравнению с 22–23-летними учителями ($P < 0.01$). С помощью рефлексивных действий переосмысливания своей позиции, прослеживания динамики развития свойства, установки на изменение 24–25-летние рассматривают свои субъектные свойства в динамике, что представляет собой значительный шаг в развитии качества рефлексии.

У учителей этой группы возрастает фиксирование интеллектуально-волевого комплекса черт. Это объясняется тем, что учителя в большей степени «включены» в педагогическую деятельность, субъективно ее ценность повышается,

развиваются профессионально-значимые умения и навыки. С другой стороны, в учебном процессе учитель в первую очередь обращает внимание на выраженность интеллектуально-волевого комплекса черт у учеников, и, как следствие, переосмысливает эти свойства у себя.

В группе 24-25-летних качественно изменяется рефлексия личностных свойств. Учителя характеризуют эмоционально-динамические, коммуникативные, рефлексивные, волевые свойства не абстрактно, а применительно к профессионально-педагогической деятельности («справедливый в оценивании учащихся», «владеющий собой в любой ситуации на уроке», «либеральна с учащимися, надо быть построже», «не хватает уверенности в общении с коллегами по работе», «самооценка занижена, что объясняю еще неустойчивостью своего профессионального положения, требованиями, которые предъявляю к себе по работе» и т.д.). Каждый учитель этой группы в среднем называет не менее 7 коммуникативных, 3 эмоционально-динамических, 3 рефлексивных, 3 волевых свойств.

К 24-25 годам значительно изменяется репертуар называемых рефлексивных качеств. Если в группе 22-23-летних преобладают такие характеристики, как «уверенный (неуверенный) в себе», «гордый», «вижу свои достоинства и недостатки», то учителя 24-25 лет говорят о намерении самосовершенствоваться, занимаются самовоспитанием («развиваю свои качества», «занимаюсь самообразованием», «сравниваю, каким я стал», «трудности в общении с отдельными учащимися, проблемные ситуации заставляют сомневаться, искать другие способы поведения и общения»). Впервые учителя рассуждают о своих социально-перцептивных способностях, а у отдельных испытуемых можно говорить о способности к метарефлексии («вижу особенности самооценки учащихся, как она влияет на поведение и общение»). Учителя глубоко анализируют свои профессионально-педагогические умения, применяемые методы обучения, говорят о трудностях воспитательской деятельности.

У учителей 26-27 лет в структуре личностной рефлексии наблюдается снижение показателей осмыслиния своих личностных свойств. Рефлексия эмоционально-динамических, рефлексивных свойств уменьшается в среднем в 2,5 раза ($P<0.01$) по сравнению с 24-25-летними. Возрастает осмысление своих субъектных свойств: педагогического мастерства, способностей и свойств, характеризующих отношение к труду.

В этой группе испытуемых появляются такие недифференцированные характеристики, как: «нормальный», «обыкновенный учитель», «хороший учитель», «не хуже и не лучше других». Учителя стремятся сохранить сложившееся в предыдущие годы представление о себе как личности, не желают переосмысливать свои поведение, общение с другими, ибо это угрожает их привычной самооценке.

В структуре личностной рефлексии учителей 28-29 лет в сравнении с 26-27-летними динамики в переосмыслинии свойств личности не выявлено. Динамика фиксирования субъектных свойств к 28-29 годам у учителя носит выраженный характер. Показатели разнородности и частотности фиксирования способностей и профессионально-педагогических умений, составляющих блок «педагогическое мастерство», представлены максимально. Очевидно, у учителей данной группы активно формируется профессиональное сознание, имеют место первые существенные успехи в профессионально-педагогической деятельности.

У учителей 30-31 года в сравнении с 28-29-летними наблюдается подъем в осмыслинии своих личностных свойств. Так, выявлено увеличение частотности фиксирования эмоционально-динамических (в 2,5 раза ($p<0.01$)), рефлексивных

качеств (в 1,4 раза ($p<0.01$)), что свидетельствует о новом этапе в становлении личностной рефлексии, связанном с обращением к самому себе и переосмысливанием своего поведения, деятельности, того, как эмоционально-динамические, рефлексивные свойства проявляются в общении с учащимися, коллегами. В рефлексии субъектных свойств (способностей, педагогического мастерства, интеллекта) выявлено снижение частотности фиксирования способностей в 2,5 раза ($p<0.01$) и характеристик педагогического мастерства в 1,5 раза ($p<0.01$) по сравнению с 28-29-летними. Учитель лишь переосмысливает свою позицию в отношении к выполнению трудовых обязанностей (частотность фиксирования свойств, характеризующих отношение к труду увеличивается в 2 раза ($p<0.01$)).

В структуре коммуникативной рефлексии учителей выявлено 9 блоков качеств.

Учителя 22-23 лет указывают на значительные трудности в оценивании себя с точки зрения других референтных лиц, особенно учителей-коллег, видят себя пока со своих собственных позиций, а не со стороны других («мое представление о себе и других людей обо мне в основном совпадает»). Основные проблемы этой группы учителей центрируются вокруг собственной личности, ориентация на себя носит характер своеобразного педагогического эгоцентризма.

Наиболее высокие показатели разнородности и частотности коммуникативных, рефлексивных черт характера, эмоционально-динамических свойств выявлены у учителей 24-25 лет, что повторяет тенденцию развития личностной рефлексии. В целом частотность называемых личностных свойств с точки зрения других с 22 к 25 годам возрастает в 1,6 раза ($P<0.01$). Предпринимается попытка разносторонне оценить себя как субъекта профессионально-педагогической деятельности с точки зрения других (коллег, администрации, учащихся), поэтому в 2 раза чаще называются интеллектуальные качества, в 5,6 раза чаще — способности.

В структуре коммуникативной рефлексии учителей 26-31 года выявлено выраженное снижение осмысливания отдельных групп личностных свойств. Особенно снижается рефлексия эмоционально-динамических и рефлексивных свойств. Оценки с точки зрения значимых других встречаются преимущественно в блоках коммуникативных, волевых качеств, характеристик личности в целом. Вероятно, учитель с возрастом все менее осознает проявления своих индивидуально-личностных свойств и их оценку со стороны других. Подъем в осмысливании и переосмысливании своих субъектных свойств (способностей, свойств интеллекта, отношения к трудовым обязанностям, педагогического мастерства, которое учитель отождествляет со способностью применять разнообразные методы, новые технологии обучения) с точки зрения других выявлен у учителей 28-29 лет. Полагаем, что склонность оценивания себя с точки зрения других преимущественно в связи с набором методических умений во многом обусловлена состоянием современной школы, когда в гонке за новыми технологиями обучения от учителя требуют исключительно совершенствования своих методических умений, игнорируя значимость личностных свойств, негативные тенденции в развитии которых могут свести к нулю все методические усовершенствования урока.

В рефлексивных представлениях учителей 22-23 и 24-25 лет наблюдается более широкий, по сравнению с другими группами, «репертуар» положительных и отрицательных качеств. В высказываниях испытуемых всех групп преобладают положительные качества. Однако учителя 22-25 лет заметно острее представляют понимание значимыми лицами отрицательных сторон своей личности и деятельности: называемый ими «репертуар» отрицательных личностных и субъектных

свойств шире, чем у учителей 26-31 года в 1,4 и 2,5 раза соответственно ($p<0.05$). Это свидетельствует о повышенной самокритичности учителей 22-25 лет.

У учителей 28-31 года в структуре коммуникативной рефлексии часто встречаются общие оценки своей личности с точки зрения других: «коллеги уважают», «дети меня любят, понимают», «ценят мою работу», «оценивают положительно» и др. Можно думать, что к этому периоду снижается самокритичность, а следовательно, и качество коммуникативной рефлексии учителей.

С целью исследования различных компонентов образа «Я» учителей была разработана методика, в основу которой положена техника репертуарных решеток Дж.Келли (Реп-тест) [3], что позволило выявить и проанализировать системы конструктов, с помощью которых учитель осознает и интерпретирует свои отношения с референтными лицами, оценивает себя с точки зрения других. В качестве элементов решетки учителям предлагалось выбрать конкретных людей из профессиональной среды (3 коллег-учителей, 3 членов администрации школы, 3 учащихся с различным уровнем успеваемости). В качестве оцениваемых конструктов выступали свойства, которыми, по мнению учителя, характеризуют его заданные персонажи. Элемент «Я-реальное» позволяет выявить представление учителя о взаимодействии с окружающими через сравнение позиций «Я» и «Они». Данная методика может быть использована как инструмент диагностики и развития коммуникативной и личностной рефлексии учителя.

Для математической обработки были использованы процедуры корреляционного анализа, вычисления индекса Банистера [3, с.70], что позволило определить жесткость-рыхлость, когнитивную простоту-сложность системы представлений каждого учителя о том, как его оценивают референтные лица ближайшего профессионального окружения (учащиеся, коллеги, администрация школы). Выявлена неравномерная тенденция возрастания когнитивной сложности с увеличением педагогического стажа (с возрастом):

	22-23	24-25	26-27	28-29	30-31
индекс	1481	1364	1492	1189	1158

Сопоставление корреляций между конструктами, которые учителя используют для осознания и интерпретации своих отношений с референтными лицами, позволило проанализировать системы конструктов с точки зрения их рыхлости-жесткости. Рыхлой считается такая система, в которой число статистически значимых связей между конструктами менее 20 %, жесткая — система, в которой более 50 % таких связей.

У учителей 22-23 лет выявлены системы конструктов «нормального» и «жесткого» типов, поскольку доля значимых корреляций между конструктами у разных испытуемых этой группы колеблется от 22,7 % до 61 %. Учителя с «нормальным» типом системы конструктов характеризуется как имеющие достаточно целостную и гибкую систему представлений о себе и о том, как к ним относятся другие. Такая система представлений открыта новому опыту и может легко изменяться в процессе общения и деятельности, что позволяет начинающему учителю быть достаточно гибким и адаптивным в отношениях с учащимися и их родителями, педагогическим коллективом. «Нормальная» система конструктов свидетельствует об эффективно завершающемся процессе адаптации учителя к профессиональной педагогической деятельности.

Более жесткая система конструктов, выявленная примерно у половины учителей 22-23 лет, свидетельствует о высокой психической напряженности, связанной с проблемными психолого-педагогическими ситуациями. В данном случае необходима помочь начинающему педагогу с целью гармонизации процесса

психологической адаптации к условиям профессиональной деятельности и педагогическому коллективу.

В группе учителей 24-25 лет выявлено дальнейшее увеличение жесткости системы конструктов («жесткий» тип у 100 % респондентов). Такая «теория» самого себя и своих взаимоотношений с другими отличается высокой четкостью, определенностью, наличием строгих правил и закономерностей, и, вместе с тем, является причиной возрастания категоричности учителя в суждениях и оценках самого себя и других.

Среди учителей 26-27 лет 57 % имеют «жесткий», 43 % — «сверхжесткий» тип системы конструктов (у данной категории учителей доля значимых корреляций между конструктами превышает 80 %), что говорит о развитии стереотипов восприятия себя и других, о неоправданно широком распространении «открытых» учителем правил и закономерностей в отношениях с другими, что мешает быть объективным и гибким в восприятии и понимании себя и других, о низкой открытости системы представлений новому опыту.

Среди учителей 28-29 лет распространены «жесткая» и «сверхжесткая» системы, что говорит о дальнейшем повышении категоричности в оценках, следовании в поведении привычным для учителя стереотипам, что мешает учителю в отдельных случаях заметить специфические особенности конкретной ситуации общения. У учителей 30-31 года «жесткий» тип системы представлений о себе и взаимоотношениях с другими сохраняется.

Механизмами рефлексии являются рефлексивные действия, количество которых может служить показателем энергетической (побудительной) силы мотивов перцептивно-рефлексивной деятельности учителя. В самохарактеристиках и сочинениях учителей 22-31 года выделено 18 видов рефлексивных действий. Выявлена тенденция уменьшения частотности и разнородности используемых учителями рефлексивных действий с возрастом:

группы	22-23	24-25	26-27	28-29	30-31
частотность рефлексивных действий	303	263	117	111	111
разнородность рефлексивных действий	15	15	10	9	10

Это говорит о том, что учителя 22-23 и 24-25 лет больше думают, размышляют о своих личностных и профессионально-значимых свойствах, что связано с более значительным числом трудностей, встречающихся в деятельности и общении. У данной возрастной категории учителей личностная рефлексия является необходимой при разрешении противоречий личностного осуществления субъекта и теми реальными требованиями ситуации, которые объективно требуют пересмотра своих способов действий и представлений. Это приводит к мобилизации ресурсов «Я» для выхода из тупика.

В структуре личностной рефлексии действия более выражены, ей свойственны более высокая частотность (у 22-23-летних — 218, у 30-31-летних — 74) и разнородность (17) по сравнению с коммуникативной (85 и 38 соответственно при разнородности 13). Наиболее часто учителями используются такие рефлексивные действия, как: утверждение, самооценка, установление причинно-следственных связей, уточнение, выражение уверенности, встречаются также прослеживание динамики развития свойства, установка на изменение своего свойства и поведения.

Среди учителей 22-23 лет встречаются вопрос самому себе, указание на трудности проникновения в свою личность и оценивания себя с точки зрения других. В коммуникативной рефлексии испытуемые всех групп преимущественно используют предположение, самооценку, утверждение.

Таким образом, развитие педагогической рефлексии учителей на этапе ранней зрелости носит неравномерный, противоречивый характер. Выявлены подъемы и спады в развитии личностной и коммуникативной рефлексии. Выявленные негативные показатели в развитии педагогической рефлексии указывают на необходимость разработки технологий коррекции и развития рефлексивных способностей как одного из важных условий процесса личностного и профессионального самосовершенствования учителя. Эти технологии в настоящее время разрабатываются нами в рамках госбюджетной темы «Акмеологические закономерности становления профессионализма в работе с людьми» в Учреждении образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. — М.: Наука, 1977.
2. Степанов С.Ю. Рефлексивная практика творческого развития человека и организаций. — М.: Наука, 2000.
3. Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. — М.: Прогресс, 1987.

Поступила в редакцию 24.07.2002.

The article characterizes dynamics of pedagogical reflexion, offers theoretical and practical significance of the issue. The pedagogical reflexion is considered as a psychological determination of the creative professional activity.

Formation of the studied phenomena is viewed from acmeological stand point: this research is conducted among the twenty-two to thirty-one-year old teachers. The author analyses the factors which determinate a specific nature of the reflexion of different ages of teachers' groups.

Карнелович Марина Михайловна, аспирант кафедры возрастной и педагогической психологии ГрГУ им. Я.Купалы. Научный руководитель — профессор, доктор психологических наук С.В. Кондратьева.

Правазнаўства

УДК 349. 412. 3

Н.Г.Станкевич

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ВЕЩНЫХ ПРАВ НА ЗЕМЛЮ

На основе анализа гражданского и земельного законодательства раскрывается понятие и виды вещных прав на землю, анализируется их круг применительно к физическим и юридическим лицам.

Наряду с традиционным описанием теоретических и практических проблем разъясняются наиболее актуальные для современного периода вопросы реализации вещных прав на землю. Учтены новейшее законодательство, а также практика его применения. Автор критически оценивает теоретические взгляды по проблемам понятия, содержания, видов вещных прав на землю.

Деление имущественных прав на вещные и обязательственные известно всем правовым системам.

Современная теория гражданского права под вещным правом понимает совокупность правовых норм, регулирующих отношения, связанные с непосредственным воздействием на вещь как собственником (либо иным носителем вещного права), так и иными лицами. Нормы о вещных правах составляют самостоятельную подотрасль гражданского права [1, с. 479].

Профессор Ю.К.Толстой под вещным правом понимает «право, обеспечивающее удовлетворение интересов уполномоченного лица путем непосредственного воздействия на вещь, которая находится в сфере его хозяйственного господства» [2, с. 312].

Профессор Л.Я.Щенникова полагает, что под вещным правом следует понимать право, предметом которого является вещь в материальном значении слова, закрепляющее принадлежность (присвоенность) этой вещи и отношение лица к ней, т.е. непосредственное господство над этой вещью через совокупность определенных правомочий и пользующееся абсолютной защитой [3, с. 16-17].

Еще профессор Ю.И.Свядосц обращал внимание на то, что в гражданском праве отсутствует легальное определение вещных прав, но оно формулируется в литературе на основе анализа их содержания. «Вещное право, — отмечал он, — совокупность норм, регулирующих такие имущественные отношения, в которых уполномоченные лица могут осуществлять свои права на имущество («вещь»), не нуждаясь в положительных действиях других лиц» [4, с. 194-195]. Нормами права за носителями вещных прав закреплены права владеть имуществом, эксплуатировать его независимо от действий каких-либо других лиц.

Специфика вещных субъективных прав, в основе которой лежит объект права, показана рядом ученых-цивилистов. Так, Б.С.Шишкина в главе IV учебника «Коммерческое право» относит к вещным правам такие субъективные права, объектами которых выступают вещи, а к обязательствам — права на совершение определенных действий или права на предъявление к контрагенту требований о совершении им определенных действий [5].

Круг вещных прав замкнут. Он прямо предусмотрен национальной системой законодательства. Никакое лицо (ни юридическое, ни физическое) не может само создавать для себя иные разновидности вещных прав, кроме тех, что прямо перечислены в нормах гражданского права.

Юридическая специфика вещных прав состоит в их абсолютном характере; в круге объектов, которыми являются только индивидуально определенные вещи. Кроме того, она проявляется и в наличии особой связи между субъектами и объектами данных прав, которая позволяет использовать объекты, в первую очередь в интересах самих носителей таких прав и без участия посторонних лиц. Наконец, нормами права закрепляются особые средства защиты вещных прав, в том числе вещно-правовые иски.

Абсолютный характер вещных прав в науке подтверждается такими правами, как право следования и право преимущества. Право следования состоит в том, что вещное право следует за вещью при ее переходе к другим лицам. Право преимущества проявляется в том, что при коллизии вещных и обязательственных прав преимущество отдается правам вещным [6, с. 196-197].

Как представляется, вещные права могут быть рассмотрены в различных аспектах: как самостоятельная подотрасль гражданского права, как субъективное право, как правоотношение, как особый правовой титул. Наконец, учение о вещных правах представляет собой особый раздел науки гражданского права.

Вещное право как правовой институт представляет собой систему норм, закрепляющих принадлежность земельной недвижимости государству, юридическому или физическому лицу на одном из вещных прав, основания возникновения, изменения и прекращения этого права, его содержание и объем, средства защиты и охраны.

Вещное право как субъектное право есть мера возможного поведения субъекта как носителя одного из вещных прав на земельную недвижимость. Это особое право, объектом которого выступает земельный участок как вещь и природный объект, самостоятельно владеть, пользоваться и распоряжаться такой недвижимостью.

Вещное право как правовой титул означает возможность субъекта права владеть, пользоваться и распоряжаться земельной недвижимостью на определенном вещно-правовом титуле: праве собственности, праве пожизненного наследуемого владения, праве постоянного пользования, сервитуте.

Как правоотношение оно включает отношение субъекта права по владению, отношение данного субъекта по пользованию и отношение его по распоряжению земельной недвижимостью. Данные правоотношения носят абсолютный характер. Он проявляется в том, что носителям вещных прав противостоят все иные лица, как другие носители вещных прав, так и иные участники земельных отношений. Эти лица противостоят субъектам вещных прав как обязаные субъекты. Они не вправе вмешиваться в хозяйственную деятельность субъектов вещных прав. Обладатели таких прав вправе требовать и защищать свои права от «всех и каждого».

Земельная недвижимость как объект вещных прав. Законодательное урегулирование недвижимого имущества, в том числе земельной недвижимости, содержит новый ГК Республики Беларусь. В силу ст.130 ГК к недвижимым вещам (недвижимому имуществу, недвижимости) относятся земельные участки. Причем в отличие от большинства европейских государств, где понятия «недвижимое имущество» и «земельный участок» являются тождественными, законодатель Республики Беларусь их разграничивает. Земельные участки являются только одним из объектов недвижимого имущества. Наряду с земельными участ-

тками к числу таких объектов отнесены: участки недр, обособленные водные объекты и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе леса, многолетние насаждения, здания, сооружения.

Одновременно законодатель исходит из того, что земельный участок является тем общим, что объединяет данные объекты с земельной недвижимостью в единую недвижимость.

Традиционно под термином «земельный участок» принято понимать поверхностный слой, подлежащий использованию в соответствии с его целевым назначением, которое устанавливается в нормативно закрепленном порядке [7, с. 10].

Легальное понятие земельного участка как объекта вещных прав дает Кодекс Республики Беларусь о земле (далее — Кодекс о земле). В ст.17 данного закона он определяется как часть поверхности земли, имеющая установленные границы, площадь, местоположение, правовой статус и другие характеристики, отражаемые в государственном земельном кадастре и документах государственной регистрации.

Судебная и иная практика также всегда требуют указания на такие характеристики земельного участка как цель его использования, размеры и местоположение участка. В юридической литературе выделяют и другие важные характеристики и юридически значимые признаки земельного участка [8, с. 28].

Следует подчеркнуть, что земельная недвижимость — особый объект вещных прав. Он включает, во-первых, поверхность земли, в том числе почвенный покров. Во-вторых, в ряде случаев этот объект включает некоторые другие природные ресурсы, находящиеся на земельном участке. Новый Лесной кодекс Республики Беларусь [9] в ст.4 относит все леса, а также земли лесного фонда, не покрытые лесом (лесные земли и нелесные земли) к государственному лесному фонду. Одновременно ст. 5 ЛК Республики Беларусь определен состав древесно-кустарниковой растительности, не входящей в государственный лесной фонд. Такая растительность может быть объектом права собственности юридического и физического лица. Законодательство закрепляет право юридического и физического лица на использование определенного объема воздушного пространства над земельным участком и части подземного пространства [10, с. 121].

Земельные участки как объекты вещных всегда имеют определенное целевое назначение и включаются в состав определенной категории земель. Как правовой режим земель вообще, так и правовой режим земель определяются, исходя из принадлежности к той или иной категории и разрешенной цели использования. Категория земель в обязательном порядке указывается в актах о предоставлении земельного участка, в договорах юридического лица, документах государственного земельного кадастра, документах о государственной регистрации прав на недвижимое имущество юридического лица и иных документах.

Объектом прав юридического и физического лица выступает индивидуализированная земельная недвижимость, то есть земельный участок определенного размера, местоположения, ограниченный от земельных участков иных юридических и физических лиц.

Границы земельного участка устанавливаются на основе документов, выдаваемых в порядке, определяемом земельным законодательством. В силу ст.18 Кодекса о земле, граница земельного участка есть линия и проходящая по этой линии вертикальная плоскость, разделяющие землепользования и землевладения.

Граница земельного участка устанавливается на местности и закрепляется межевыми знаками. Порядок ее установления и закрепления определяется

уполномоченным на то государственным органом по земельным ресурсам и землеустройству.

Земельный участок как объект гражданских прав, по общему правилу, является сложной вещью. Только земельный участок, если на нём нет построек и сооружений или насаждений, является простой вещью.

Земельный участок как объект недвижимости и как объект вещных прав может быть делимым и неделимым. Земельный участок является неделимым и, следовательно, не может быть разделен на части, если при целевом использовании той или иной части будут иметь место нарушения противопожарных, санитарных, экологических, строительных и иных норм и правил (ч.3 ст.17 Кодекса о земле).

При совершении сделки с частью делимого земельного участка эта часть в установленном порядке должна быть предварительно выделена в самостоятельный земельный участок.

Земельные участки как объекты вещных прав нормируются. Так, размеры земельных участков, предоставляемых для промышленных, транспортных и иных нужд, определяются в соответствии с утвержденными в установленном порядке государственными нормами и градостроительной документацией, а отвод земельных участков осуществляется с учетом очередности их освоения (ч.2 ст.119 Кодекса о земле).

Земельные участки как объекты вещных прав могут быть свободно обращаемыми, ограниченными в обороте и изъятами из оборота. Земельные участки, отнесенные к землям, изъятым из оборота, не могут предоставляться в частную собственность юридических и физических лиц, а также быть объектами сделок, предусмотренных гражданским законодательством.

В силу того, что земельный участок признан недвижимым имуществом, он подлежит государственной регистрации. Порядок такой регистрации определяется на основе положений земельного законодательства о земельном кадастре. Приняты и специальные нормативные акты, касающиеся регистрации перехода права собственности на земельные участки при купле-продаже земельных участков [11], а также регистрации земельных сервитутов [12].

Виды вещных прав на земельную недвижимость. Вопрос о видах прав граждан на земельную недвижимость тесно связан с их правоспособностью и дееспособностью.

Правоспособность граждан в области земельных отношений включает их права иметь землю в собственности или на другом праве, получить земельный участок по наследству, совершать с ним разрешенные законодательством сделки и участвовать в обязательствах, иметь права и обязанности по владению, пользованию и распоряжению землей, установленные законодательством.

Земельная дееспособность граждан — это их способность своими действиями приобретать и осуществлять права, создавать для себя обязанности и исполнять их в соответствии с требованиями земельного законодательства.

Вещными правами граждан на землю являются: право собственности, право пожизненного наследуемого владения, право постоянного землепользования, земельные сервитуты.

Юридическое лицо, в отличие от физического лица, имеет свою гражданскую и земельную правоспособность и дееспособность. Оно владеет, пользуется и распоряжается землей на определенном правовом титуле: собственника, пользователя, арендатора и иных. Следует отметить, что и в действующем законодательстве права юридических лиц Республики Беларусь идентичны правам юридических лиц с иностранными инвестициями и иностранных юридических лиц.

Права данных участников земельных отношений определяются в соответствии с Кодексом о земле, другими нормативными правовыми актами.

Юридические лица наделяются в отношении земельной недвижимости рядом вещных и обязательственных прав. К числу вещных прав юридических лиц на земельную недвижимость, по мнению автора настоящей статьи, следует отнести право собственности, право постоянного пользования земельным участком, сервитуты.

К числу обязательственных прав относятся права, возникающие в результате совершения договоров и сделок: ренты, пожизненного содержания с иждивением, временного (срочного) пользования земельным участком, аренды, безвозмездного пользования, доверительного управления, залога (ипотеки).

Круг вещных прав юридического лица на земельную недвижимость закреплен гражданским законодательством Республики Беларусь и не вызывает особых разнотечений. В силу ст.217 ГК Республики Беларусь к числу вещных прав, кроме права собственности, отнесены: право хозяйственного ведения и право оперативного управления, право пожизненного наследуемого владения, право постоянного пользования земельным участком, сервитуты. Использование таких прав, как право частной собственности, право постоянного пользования земельным участком и сервитуты, применительно к юридическим лицам сомнений у большинства исследователей не вызывает. Сложнее с использованием таких вещных прав, как право хозяйственного ведения и оперативного управления. Большинство ученых юристов, исследующих данные вопросы, полагают, что данные ограниченные вещные права не могут быть установлены на землю и, следовательно, быть применимы к юридическим лицам [13, с. 147]. Другие (их меньше) считают, что законодательство не исключает возможности установления права хозяйственного ведения и оперативного управления на землю [14, с. 83]. Автор настоящей статьи исходит из того, что легальный круг вещных прав на землю установлен законом, как гражданским, так и земельным законодательством. В Республике Беларусь в соответствии с ч.2 ст.1 Кодекса Республики Беларусь о земле нормы гражданского законодательства применяются к земельным отношениям с учетом положений, установленных земельным законодательством. Такие вещные права, как право хозяйственного ведения и оперативного управления земельными участками, ни в Кодексе Республики Беларусь о земле, ни в дополняющих его нормативных правовых актах за юридическими лицами не закреплены. Вместе с тем круг вещных прав на недвижимость, определенный ГК Республики Беларусь, не является закрытым.

Право частной собственности на земельную недвижимость. Право частной собственности является основным вещным правом и лежит в основе системы вещных прав на земельную недвижимость. Частная собственность в общем плане означает, что часть земель в пределах юрисдикции государства исключается из государственной собственности и становится собственностью отдельных лиц (физических или юридических) [15, с. 3-15].

Законодательство Республики Беларусь до 1998 года основывалось на понятии частной собственности на землю преимущественно как собственности, принадлежащей конкретному физическому лицу и только гражданину. В ст.4 Закона Республики Беларусь от 16 июня 1993 года «О праве собственности на землю» [16] было указано, что субъектами права частной собственности на землю являются только граждане Республики Беларусь, постоянно проживающие на территории Республики Беларусь или приравненные к постоянно проживающим. Иностранные юридические и физические лица, предприятия с иностранными инвестициями, а также иностранные государства, международные

объединения и организации длительное время не могли стать в Республике Беларусь собственниками земли.

Указом Президента Республики Беларусь от 2.09.1998 года №427 было утверждено Положение о порядке передачи земельных участков в собственность юридических лиц (их собственников) и формы государственных актов на право собственности на землю юридического лица (его собственника) и иностранного государства [17]. Этот нормативно-правовой акт сделал возможным для юридических лиц, в том числе предприятий с иностранными инвестициями, владение землей на праве собственности. В настоящее время порядок передачи земельных участков в собственность любых юридических лиц (за исключением нерезидентов Республики Беларусь), их собственников, в том числе и предприятий с иностранными инвестициями в Республике Беларусь един. Он осуществляется на основе специального Положения о порядке передачи земельных участков в собственность юридических лиц (их собственников), которое утверждено Указом Президента Республики Беларусь от 22.02.2000 г. №81 [18]. В отличие от законодательства, например, Российской Федерации, законодательство Республики Беларусь установило только два случая, при которых земельные участки могут передаваться в собственность юридических лиц (их собственников). Это, во-первых, при приватизации государственной собственности и, во-вторых, для осуществления инвестиционных проектов. Причем, как и в Российской Федерации, передача земельных участков в собственность юридических лиц Республики Беларусь производится за плату. Такое решение вправе принимать Президент Республики Беларусь (п.2 указанного Положения). Средства, поступающие от продажи земельных участков, находящихся в государственной собственности, юридическим лицам (их собственникам) направляются в республиканский бюджет и используются на охрану земель, повышение их качества и землеустройство. Не целевое использование средств, поступающих от продажи земельных участков, не допускается (ч.2 и ч.3 ст.63 Кодекса о земле).

Следует иметь в виду, что в собственность юридических лиц (их собственников) не передаются земельные участки, передача которых в частную собственность законодательством не предусмотрена, а также земельные участки, являющиеся объектом земельного спора.

Право собственности на земельный участок возникает у юридического лица (его собственника) с момента получения государственного акта на земельный участок и его государственной регистрации.

Кодекс Республики Беларусь о земле в ст.34 устанавливает исчерпывающий перечень целей, для которых земля может быть передана в частную собственность граждан. Это — ведение личного подсобного хозяйства; строительство и обслуживание жилого дома; ведение коллективного садоводства; дачное строительство. Если нормами гражданского законодательства Республики Беларусь количество и стоимость имущества, находящегося в собственности граждан, не ограничиваются, то размер земельных участков, находящихся в частной собственности граждан, нормируем. Данный вывод вытекает из анализа ст.37, 70-73 Кодекса о земле. Так, для граждан, проживающих в сельских населенных пунктах, поселках городского типа, общая площадь земельных участков, приобретаемых в частную собственность для строительства и обслуживания жилого дома, ведения личного подсобного хозяйства, не должна превышать размеров, установленных ч.3 ст.70 Кодекса о земле, т.е. одного гектара. При этом в общую площадь земельного участка, предоставляемого для ведения личного подсобного хозяйства, включается и площадь земельного участка, имеющегося при доме. Земельные участки для строительства и обслуживания жилого дома передаются

гражданам Республики Беларусь в частную собственность сельскими (поселковыми), городскими (городов областного подчинения и города Минска), районными исполнительными и распорядительными органами в следующих размерах: в городах — от 0,05 до 0,15 гектара, в сельских населенных пунктах, поселках городского типа — от 0,15 до 0,25 гектара. Одновременно разрешено предоставить земельные участки и в меньших размерах. Однако для этого, во-первых, требуется согласие самого гражданина и, во-вторых, при этом должны соблюдаться противопожарные, санитарные, экологические, строительные и иные правила и нормы.

Размеры земельных участков для садоводства и дачного строительства составляют 0,15 гектара на одного члена садового или дачного кооператива. Конкретные размеры участков данной категории частных земельных собственников устанавливают соответствующие исполнительные и распорядительные органы в зависимости от местных условий и особенностей.

Земельные участки, находящиеся в государственной собственности, передаются в частную собственность по заявлению гражданина Республики Беларусь решением соответствующего сельского (поселкового), городского (городов областного подчинения и города Минска), районного исполнительного и распорядительного органа после внесения платы за земельный участок. Если гражданин Республики Беларусь имеет во владении и пользовании земельный участок, предоставленный до 16.06.1993 года для ведения личного подсобного хозяйства, строительства и обслуживания жилого дома, коллективного садоводства и дачного строительства, то он вправе приобрести один из этих участков по льготной цене. Причем при передаче в частную собственность земельных участков, предоставленных гражданину для строительства и обслуживания жилого дома и ведения личного подсобного хозяйства, указанные участки рассматриваются как один участок — предоставленный для строительства и обслуживания жилого дома и ведения личного подсобного хозяйства. Граждане Республики Беларусь, нуждающиеся в улучшении жилищных условий, имеют право приобрести в собственность земельные участки для строительства и обслуживания жилого дома по льготной цене. Во всех остальных случаях земельные участки приобретаются гражданами в частную собственность по нормативной цене и по договорной цене (не ниже нормативной), если это предусмотрено законодательством Республики Беларусь. По обоснованной просьбе гражданина сельский (поселковый), городской (городов областного подчинения и города Минска), районный исполнительный и распорядительный орган может отсрочить внесение платы (ее части) за земельный участок, приобретаемый в частную собственность, но не более чем на два года (ст.35 Кодекса о земле).

Законодательство Республики Беларусь, наряду с частной собственностью одного лица, предусматривает и общую собственность на земельные участки. Так, в Республике Беларусь установлено, что при расположении на земельном участке здания или сооружения, находящегося в собственности нескольких юридических или физических лиц, когда невозможно разделить этот земельный участок между собственниками по причине нарушения противопожарных, санитарных, экологических, строительных и иных норм и правил, земельный участок переходит в установленном порядке в общую (совместную, долевую) собственность либо в общее (совместное или долевое) владение или пользование собственников строения [19]. Если земельный участок переходит в общую совместную собственность юридических или физических лиц, то в решении соответствующего исполнительного и распорядительного органа и в государственном акте выделение долей земельного участка каждому собственнику строения не производится. Государственный акт

в этом случае составляется один на весь земельный участок, экземпляр которого выдается одному из юридических или физических лиц, имеющему наибольшую долю в собственности строения, а второй хранится в соответствующем исполнительном и распорядительном органе. Остальным собственникам земельного участка выдаются и нотариально удостоверяются копии государственного акта.

Все государственные акты на земельные участки собственников регистрируются в Республике Беларусь в государственной земельно-кадастровой книге исполнительного и распорядительного органа по месту нахождения земельного участка.

В Республике Беларусь, кроме того, определено, что юридическое лицо может приобрести в собственность земельный участок, как закрепленный за ним на праве постоянного или временного пользования, так и арендуемый земельный участок.

Кодекс Республики Беларусь о земле ст.64 предоставляет собственникам земельных участков право: самостоятельно хозяйствовать на земле; использовать земельные участки в соответствии с целями, для которых они предоставлены; собственности на посевы, посадки сельскохозяйственных культур и насаждений, произведенную сельскохозяйственную продукцию и доходы от ее реализации, за исключением случаев, когда земельный участок передан в аренду; использовать в установленном порядке для своих нужд имеющиеся на земельном участке общераспространенные полезные ископаемые, торф, водные объекты, а также эксплуатировать другие полезные свойства земли; возводить в установленном порядке жилые, производственные, культурно-бытовые и иные строения и сооружения; в установленном порядке проводить оросительные, осушительные и другие мелиоративные работы, строить пруды и водоемы; в случае изъятия земельного участка или добровольного отказа от него получить полную компенсацию затрат на повышение плодородия земли; передавать во временное пользование земельный участок, его часть в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Республики Беларусь; добровольно отказаться от земельного участка; в установленном порядке требовать установления и прекращения земельного сервитута.

Кроме того, земельные участки, находящиеся в частной собственности граждан, юридических лиц Республики Беларусь, могут являться объектами купли-продажи, дарения, залога, обмена, аренды в порядке, определенном земельным законодательством. Одновременно определено, что юридические лица Республики Беларусь не вправе обменять земельные участки, находящиеся в их собственности.

Собственники земельных участков обязаны: обеспечивать использование земельных участков в соответствии с целевым назначением и условиями их предоставления; эффективно использовать предоставленные им земельные участки, повышать их плодородие, применять природоохранные технологии производства, не допускать ухудшения экологической обстановки в результате своей хозяйственной деятельности; осуществлять комплекс мероприятий по охране земель; своевременно вносить плату за земельные участки; не нарушать права других землепользователей, землевладельцев, а также арендаторов земельных участков; в установленном порядке обеспечивать предоставление земельного сервитута.

Собственники земельных участков выполняют и другие обязанности, предусмотренные земельным законодательством Республики Беларусь (ст.65 Кодекса о земле).

Право пожизненного наследуемого землевладения граждан. Право пожизненного наследуемого землевладения граждан является важным вещным правом, наиболее близким к праву собственности по объему прав и обязанностей, принадлежащих землевладельцам. По мнению профессора О.И.Крассова, с которым нельзя не согласиться, «право пожизненного наследуемого владения фактически представляет собой завуалированную форму ограниченного права частной собственности» [20, с. 149].

На основании ст.262 ГК Республики Беларусь лицо, не являющееся собственником земельного участка, осуществляет принадлежащие ему права владения и пользования участком на условиях и в пределах, установленных законодательством и договором с собственником. Такой владелец земельной недвижимости может передавать ее другим лицам в аренду или безвозмездное срочное пользование. Продажа, залог земельного участка и совершение его владельцем других сделок, которые влекут или могут повлечь отчуждение земельного участка, не допускаются.

Новый ЗК РФ сузил сферу действия данного института. Так, в силу п.1 ст.21 ЗК РФ право пожизненного наследуемого владения земельным участком, находящимся в государственной или муниципальной собственности, сохраняется только **за** гражданами, если оно приобретено ими до введения в действие данного закона. Предоставление земельных участков гражданам на праве пожизненного наследуемого владения после введения в действие ЗК не допускается. Таким образом, данное вещное право в РФ будет постепенно уменьшаться в использовании. Одновременно ЗК в п.2 ст.21 указал, что распоряжение земельным участком, находящимся **на** праве пожизненного наследуемого владения, не допускается, за исключением перехода прав на земельные участки по наследству. Обязательна и государственная регистрация перехода прав на данные участки. Она проводится на основании свидетельства о праве на наследство.

Таким образом, следует признать, что такое вещное право на земельные участки граждан, как право пожизненного наследуемого владения, в Российской Федерации утрачивает свое значение и практическое применение. Можно также предположить, что с развитием земельного рынка часть наследников предпочтет приобрести земельные участки в частную собственность с тем, чтобы получить реальные возможности по распоряжению земельной недвижимостью.

В Республике Беларусь значительное число граждан являются землевладельцами. Одновременно, начиная с 1 января 1999 года, т.е. с момента вступления в силу Кодекса о земле, сфера действия данного вещного права сузилась. Оно распространяется только на граждан, в то время как ранее такими правами обладали и юридические лица, использующие земельные участки для сельскохозяйственных или лесохозяйственных целей.

Законодательство Республики Беларусь закрепило широкий круг целей, для которых земельные участки могут быть предоставлены в пожизненное наследуемое владение граждан. Это — строительство и обслуживание жилого дома; ведение личного подсобного хозяйства; ведение крестьянского хозяйства; ведение коллективного садоводства; дачное строительство; традиционные народные промыслы; а также случаи получения по наследству или приобретения жилого дома. Законодательством Республики Беларусь может быть предусмотрено предоставление земельного участка в пожизненное наследуемое владение и для других целей. Предельные размеры земельных владений граждан те же, что и у частных земельных собственников. Укажем, что для ведения крестьянского (фермерского хозяйства) в Республике Беларусь земельные участки предоставляются только на праве пожизненного наследуемого землевладения в размере до 100 гектаров

сельскохозяйственных земель. Размеры же земельных участков, предоставляемых в пожизненное наследуемое владение для традиционных народных промыслов, устанавливаются соответствующими исполнительными и распорядительными органами в зависимости от местных условий и особенностей при наличии обосновывающих материалов (ст.71 Кодекса о земле).

Граждане Республики Беларусь имеют право приобрести земельные участки, находящиеся в их владении, в собственность. Льготное право на приобретение земельных участков в частную собственность в Республике Беларусь закреплено также за наследниками после смерти наследодателя. Таким правом они обладают при условии, что земельный участок был предоставлен наследодателю для ведения личного подсобного хозяйства, строительства и обслуживания жилого дома, коллективного садоводства и дачного строительства до 16 июня 1993 г.

Следует указать, что гражданам Республики Беларусь, использующим земельные участки на праве пожизненного наследуемого владения, предоставлен широкий круг правомочий. Так, они вправе по согласию между собой обменивать земельные участки (части земельных участков). Обмен допускается при сохранении целевого назначения обмениваемых участков (их частей), а также, если гражданин, получающий земельный участок в результате обмена, вправе иметь его в пожизненном наследуемом владении (с учетом нормирования землевладения и др.).

Право постоянного пользования земельным участком. Право постоянного пользования земельными участками относится к числу ограниченных вещных прав на земельную недвижимость и имеет следующие характеристики. Во-первых, оно не ограничено сроками. По своему содержанию представляет собой право владеть и пользоваться земельной недвижимостью, а также в случаях и порядке, установленных законодательством, распоряжаться ею. Право постоянного пользования носит для юридических и физических лиц целевой характер и является устойчивым. С точки зрения как экономической, так и правовой, это право является предпочтительным перед другими срочными видами пользования земельной недвижимостью. Вместе с тем пользователь имеет ограниченные возможности по распоряжению земельным участком.

Права и обязанности юридических лиц, владеющих земельными участками на этом праве в Республике Беларусь, отражены ст.64 — 65 Кодекса о земле. Причем в силу ст.88 Кодекса о земле, договоры купли-продажи, аренды, дарения, залога, а также самовольный обмен земельных участков, находящихся в пользовании, недействительны.

Среди отличительных черт данного вещного права — нормируемость.

В праве землепользования тесно переплетаются вещные и публично-правовые характеристики. Субъектам права землепользования предоставлено право пользоваться землей и всем, что с нею соединено, на ней расположено. Из права землепользования для пользователя вытекает право собственности на различные вещные объекты (сооружения, постройки, помещения, плодово-ягодные насаждения и др.). Земельные участки пользователей отграничиваются на местности от земель собственников, владельцев и других пользователей. Границы земельного участка устанавливаются на основе документов, выдаваемых в порядке, определяемом земельным законодательством. Индивидуализация, установление границ земельного участка на местности, а также все, что связано с предоставлением земель в пользование, осуществляются органами государства, уполномоченными предоставлять земельные участки в пользование. Обязательна государственная регистрация этого права. Обязанности по пользованию зем-

лей юридическое лицо в этих случаях несет как перед государством, так и перед собственником земли [21, с. 42-43]. В этом смысле титул права землепользования носит публично-правовой характер.

Следует указать, что законодательство Республики Беларусь идет по пути расширения круга юридических лиц, осуществляющих пользование земельной недвижимостью на основе права постоянного пользования. В числе таких — колхозы, совхозы, сельскохозяйственные кооперативы, другие юридические лица, использующие земельные участки для сельскохозяйственных целей. На таком праве используют земельные участки предприятия и организации лесного хозяйства. Большая часть предприятий с иностранными инвестициями в Республике Беларусь является пользователями земли.

1. Гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. проф. Е.А.Суханов. — М.: Изд-во БЕК, 2000.
2. Толстой Ю.К. Общие положения о вещном праве // Гражданское право: Учебник. — Ч.1. — Издание 2-е, перераб. и доп. / Под ред. А.П.Сергеева, Ю.К.Толстого. — М.: Тэис, 1997.
3. Щенникова Л.В. Вещные права в гражданском праве России. — М.: БЕК, 1996.
4. Гражданское и торговое право капиталистических государств. — М.: Международные отношения, 1993.
5. Коммерческое право: Учебник / Ю.А.Бумцев, О.А.Городев.
6. Гражданское и торговое право капиталистических государств. — М., 1993.
7. Комментарий к Федеральному закону «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним». — 2-е изд. — М.: НОРМА, 2001.
8. Жариков Ю.Г. О праве собственности, землевладении, бессрочном (постоянном), временнем землепользовании и аренде земли // Дело и право. — 1995. — №5. — С.28; Жариков Ю.Г., Масевич М.Г. Недвижимое имущество: правовое регулирование. — М.: БЕК, 1997.
9. Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. — 2000. — № 23. — Ст. 319.
10. Крассов О.И. Земельное право. — М., 2000.
11. Инструкция о порядке государственной регистрации перехода права частной собственности на земельные участки при купле-продаже земельных участков. Утверждена постановлением Госкомзема Республики Беларусь от 20.12.200 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2000. — №25. — 8/4993.
12. Положение о порядке установления и прекращения земельных сервитутов. Утверждено постановлением Госкомзема Республики Беларусь от 01.06.2001. № 5 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2001. — № 64. — 8/6266.
13. Крассов О.И. Земельное право. — М., 2000.
14. Петров В.В. Правовая сущность институтов хозяйственного ведения и оперативного управления // Правоведение. — 2001. — №3.
15. Мозолин В.П. О праве частной собственности // Государство и право. — 1992. — №1.
16. Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. — 1993. — № 23. — Ст. 285.
17. Собрание декретов, указов Президента и постановлений Правительства Республики Беларусь. — 1998. — №25. — Ст. 648.
18. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2000. — № 23. — 1/1034.
19. Инструкция о порядке выдачи (замены) и хранения государственного акта на земельный участок и удостоверения на право временного пользования земельным участком. Утв. постановлением Государственного комитета по земельным ресурсам, геодезии и картографии Республики Беларусь от 30.03.2000 г. №1 с последующими изм. и доп., внесенными постановлениями этого же органа // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2000. — № 46. — 8/3393; 2000. — № 98. — от /8/4219; 2001. — №33. — 8/5450.
20. Крассов О.И. Земельное право. — М., 2000.
21. Станкевич Н.Г. Комментарий к законодательству Республики Беларусь о земле. — Мин.: Амалфея, 2001.

Поступила в редакцию 09.01.2002.

The article deals with the proprietary interests on land of legal and physical entities. Civil and land legislation is analyzed. The concept of bind of proprietary interests on land is specified. The property right and other proprietary interests on land is characterized.

Станкевич Надежда Генриховна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ГрГУ им.Я.Купалы.

УДК 343.9

В.В.Хилюта

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ БАНКОВСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются проблемы мошенничества в сфере банковской деятельности. Основное внимание уделено способам подготовки, совершения и сокрытия незаконных банковских операций в денежной системе Республики Беларусь. Раскрыты закономерности механизма функционирования экономической преступности, а также основные элементы способов совершения мошенничества в сфере банковской деятельности.

В любой сфере человеческой деятельности, в том числе и в борьбе с преступностью, принципиальное значение уделяется глубокому, многостороннему познанию того объекта (предмета), процесса, явления, на которые предполагается оказывать воздействие. В силу этого и некоторых других обстоятельств необходимо признать, что без качественных знаний об основных элементах преступлений, их признаках, свойствах и формах проявления в реальной действительности практически невозможно существенно снизить опасность и количество этих негативных социальных явлений. Только обладание таким знанием создает благоприятные предпосылки для разработки и использования эффективных и научно обоснованных практических рекомендаций по борьбе с преступностью [1, с.6].

Анализируя современные тенденции развития криминальной ситуации в сфере экономики и практику борьбы с преступностью в кредитно-денежной системе, мы все же пришли к выводу, что важнейшим и определяющим элементом криминалистической характеристики банковского преступления является совокупность данных, характеризующих способ его совершения, т.е. система взаимосвязанных действий по подготовке, осуществлению и сокрытию незаконного деяния.

Проблемные вопросы криминалистического учения о способе совершения преступления поднимались и разрабатывались Р.С.Белкиным, И.Ф.Герасимовым, Г.Г.Зуйковым, Э.Д.Курановой, И.Ф.Пантелеевым, Н.П.Яблоковым и другими учеными-юристами. Однако среди научных работ нами особо выделяется диссертационное исследование профессора Г.Г.Зуйкова [2] наиболее полно раскрывшего сущность способа совершения преступления.

Г.Г.Зуйков определяет способ совершения преступления как систему действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных условиями внешней среды и психофизическими качествами личности, связанных с избирательным использованием соответствующих орудий или средств и условий, места и времени его совершения [2, с.205]. Лежащие в основе учения этого автора утверждения о детерминированности и повторяемости способов совершения преступления, а также ряд других постулатов послужили прочным научным базисом для дальнейшего исследования в вопросе изучения способов совершения мошенничества в банковской системе.

В настоящее время способ совершения преступления рассматривается криминалистами как в узком (А.Н.Васильев, И.М.Лузгин, В.П.Лавров, Б.Б.Рыбников), так и в широком (Р.С.Белкин, Г.Г.Зуйков, А.Н.Колесниченко, М.С.Уткин, Н.П.Яблоков) смысле. В зависимости от того, как понимается способ совершения преступления — в узком или широком смысле, — определяется и позиция

ученых по вопросу о соотношении способа совершения со способом сокрытия преступления [1, с.36-111].

Если способ совершения преступления понимается в широком смысле, то сокрытие включается в его состав и выступает как подструктурный элемент системы (деятельность преступника по подготовке, совершению и сокрытию преступления). Когда способ совершения понимается в узком смысле, то сокрытие преступления находится за пределами способа совершения и образует по отношению к нему в рамках преступления самостоятельный комплекс действий.

Под способом совершения финансового преступления в криминалистическом смысле обычно понимают объективную и субъективно обусловленную систему поведения субъекта до, в момент и после совершения преступления, оставляющего различного рода характерные следы, позволяющие с помощью криминалистических приемов и средств получить представление о сути произошедшего, своеобразии преступного поведения правонарушителя, его отдельных личностных данных и соответственно определить наиболее оптимальные методы решения задач раскрытия преступления [3, с.327]. Иными словами, способ совершения мошенничества в сфере банковской деятельности слагается из комплекса специфических действий правонарушителя по подготовке, совершению и маскировке преступления. Во многих случаях эти действия представляют собой целую систему со многими ее элементами и оставляют во внешней обстановке соответствующие отражения, представляющие в информационном плане своеобразную модель преступления.

Отечественная криминалистика рассматривает способ совершения преступления в качестве одной из закономерностей возникновения будущих доказательств, полагая, что именно в нем и через него (способ) главным образом отражается характер преступного акта. На основе познания таких закономерностей разрабатываются средства, приемы, методы обнаружения, группировки, систематизации и исследования этих доказательств. Обусловленность преступных деяний постоянно действующими факторами приводит к повторяемости способов, в результате чего выявляются типичные из них [4, с.76].

Возможность повторения совершения мошенничества в банковской системе находится в зависимости от сохранения совокупности взаимодействующих объективных и субъективных факторов, под воздействием которых складывается способ совершения преступления. И чем больше данные криминогенные факты будут проявляться в действиях, тем больше следов будет оставлять мошенник, тем большей информацией будет располагать следователь для выдвижения следственных и розыскных версий. С учетом этого важным элементом криминалистического изучения способов совершения преступления выступает прогнозирование их изменений в целях своевременной разработки и осуществления мер по предупреждению мошеннических посягательств, их выявлению и раскрытию.

Помимо этого, с криминалистической точки зрения способ совершения банковского мошенничества всегда конкретен и у него немало таких граней, которые имеют важное следственно-оперативное значение (например: распространность данного способа, конкретные приемы его применения, используемые при этом технические и иные средства, методы использования их при подготовке и исполнении преступления). Следовательно, предвидение изменений в способах совершения преступлений в кредитно-финансовой системе может быть результатом изучения вариации состава и характера детерминирующих факторов.

Таким образом, задача настоящего исследования состоит в установлении специфики преступных действий в банковской сфере и в том, каким образом это знание может быть использовано для выявления и раскрытия мошенничества в

кредитно-банковской системе. Первоочередной интерес для нас представляет не результат, а сам механизм, т.е. последовательность состояний, процессов, явлений приводящих к совершению мошенничества в сфере банковской деятельности с криминалистической точки зрения.

По нашему мнению, для того, чтобы наиболее полно раскрыть сущность и содержание способов совершения мошенничества, необходимо детально проанализировать современные тенденции развития преступности в кредитно-деменной сфере. Комплексное изучение за период с 1997 по 2002 г. 147 уголовных дел и материалов по фактам правонарушений в сфере банковской деятельности, позволило выявить характерные закономерности функционирования мошенничества в банковской системе:

- а) активная адаптация мошенников к новым формам и методам предпринимательской деятельности, оперативное реагирование на специфику, конъюнктуру и технические новации формируемых банковских отношений;
- б) совершение мошенничества под видом заключения гражданско-правовых договоров и осуществления законной предпринимательской деятельности;
- в) прямое и косвенное вовлечение в преступную деятельность банковских структур (использование банковских операций с целью манипулирования денежными средствами, включая безналичные расчеты и противоправные сделки по обналичиванию денежных средств для дальнейшего их присвоения);
- г) воспроизведение похищенных средств путем их повторного введения в коммерческий оборот (легализация денежных средств);
- д) кооперация мошенников с общеуголовной преступностью, включая организованные преступные группы, с целью достижения единых преступных интересов, эффективной подготовки, совершения и сокрытия мошенничества, поиска новых источников расширения преступной деятельности.

Как известно, способ совершения преступления является в ряде составов необходимым элементом объективной стороны преступления и входит в его уголовно-правовую характеристику. Статья 209 Уголовного кодекса Республики Беларусь определяет обман и злоупотребление доверием как способ совершения мошенничества.

Мошеннический обман представляет собой сознательное искажение истины (активный обман) или умолчание об истине, состоящее в сокрытии фактов или обстоятельств, которые при добросовестном и соответствующем закону совершении имущественной сделки должны быть сообщены (пассивный обман) [5, с.66].

Злоупотребление доверием при мошенничестве заключается в использовании преступником особых, доверительных отношений, сложившихся между ним и собственником или владельцем имущества, в основе которых лежат гражданско-правовые отношения, вытекающие из договора [6, с.38].

Однако, несмотря на то, что диспозиция правовой нормы определяет два основных способа хищения чужого имущества путем мошенничества — обман и злоупотребление доверием — внутри этих рамок существует множество приемов и средств, используемых мошенниками для достижения своих преступных целей. Например, Д.И.Аминов насчитывает более 100 способов осуществления мошеннических операций и их разновидностей в кредитно-банковской системе [7, с.51].

Современное мошенничество в сфере банковской деятельности по масштабам распространенности и объемам наносимого ущерба, уровню организованности и степени конспиративности, объектам посягательства и способам защиты от

преследования качественно отличается от ранее известных правоохранительным органам традиционных способов мошеннического завладения имуществом юридических и физических лиц.

В основе совершения мошенничества лежат умелое использование преступниками сложности и многоступенчатости финансово-экономических связей; некомпетентность, юридическая неосведомленность и чрезмерная доверчивость руководителей и работников банковских структур, субъектов хозяйствования; несовершенство законов и недостатки в организации финансово-экономической системы страны.

Специфика банковского мошенничества проявляется в том, что преступление в данной сфере совершается всегда открыто для потерпевшего, и связано с введением его в заблуждение относительно тех или иных фактических обстоятельств. Как правило, обман при этом обнаруживается через довольно продолжительное время, позволяющее злоумышленникам не только полностью завладеть имуществом, но и скрыться или замаскировать важные обстоятельства.

Системно-структурное исследование способов совершения мошенничества в банковской системе и комплексный анализ характера действий мошенников (с точки зрения унификации алгоритма) позволяет говорить о наличии типичной для большинства мошеннических посягательств трехзвенной (включающей введение субъекта до, во время и после совершения преступления) структуре способа совершения преступления, содержащей:

- а) подготовительный этап;
- б) непосредственное осуществление мошенничества;
- в) сокрытие (маскировка) преступления.

Указанные элементы не представляют собой самостоятельных, последовательно сменяющих друг друга этапов мошенничества. Они не отделены четкими временными границами. Так, маскировка хищения может совпадать по времени с подготовкой к нему, когда злоумышленники заранее, еще до совершения преступления, применяют приемы сокрытия мошенничества. Однако в методологических целях такое разграничение элементов способа хищения представляется чрезвычайно важным, поскольку каждый из них оставляет свои следы и выявляется с помощью соответствующих им доказательств.

Например, особенности использования лжепредпринимательских структур в целях осуществления мошенничества в сфере банковской деятельности заключаются в том, что деятельность по подготовке, совершению и сокрытию может осуществляться почти одновременно, одни и те же действия могут быть направлены по всем этим трем структурам преступного поведения. Изучение уголовных дел показало, что в 70 % случаев действия преступников по сокрытию следов выполнялись одновременно с подготовительной деятельностью, а в 20 % — предшествовали ей. Только в 10 % случаев подготовка, совершение и сокрытие следовали друг за другом.

Любой из указанных выше элементов содержит более или менее сложную систему действий и приемов. Самостоятельное их рассмотрение необходимо потому, что они отличаются значительным многообразием и, как показывает практика, становятся все более изощренными. В такой ситуации следователь сталкивается с необходимостью раскрыть многоэлементную систему тщательно продуманных, подготовленных и тонко замаскированных действий преступников. Сложность этой задачи усугубляется и тем, что расхитители в своих противоправных целях используют обычные, свойственные повседневной деятельности коммерческих банков и фирм финансовые операции. Соглашаясь

с мнением коллектива авторов Академии МВД РБ, полагаем, что это обстоятельство непременно должно учитываться в криминалистической характеристики хищений в банковской системе, так как раскрыть их, не зная характера и порядка осуществления и оформления свойственных банкам и фирмам коммерческих операций, практически невозможно [8, с.156].

1. Функциональный анализ уголовных дел, возбужденных по фактам преступлений в банковской системе, показал, что непосредственно в процессе подготовки к совершению мошенничества разрабатывается схема проведения операции, проводятся организационные и технические мероприятия, направленные на обеспечение ее практической реализации, осуществляется общее финансирование.

На первом этапе мошенники большое внимание уделяют планированию своей преступной деятельности, подбору и распределению функций соучастников, выбору технических средств, отработке методов сокрытия следов преступления. Наглядным примером являются уголовные дела о расследовании преступлений в кредитно-денежной сфере с использованием документарных платежей. В процессе подготовки к осуществлению мошеннической операции преступники добывали чистые бланки банковских документов строгой отчетности, а также подлинные и поддельные печати и штампы банковских учреждений; подбирали для вхождения в схему платежей предприятия и коммерческие банки, узнавая их адреса, номера счетов и другие необходимые реквизиты; изготавливали подложные документы и осуществляли их доставку в банк; контролировали прохождение платежных поручений или аккредитивов в банке, при необходимости обеспечивая подтверждение подлинности представленных документов; обналичивали переведенные из банка денежные средства через заранее подобранные коммерческие структуры и присваивали их под видом проведения различных сделок.

Основной задачей подготовительного этапа совершения мошенничества в сфере банковской деятельности является создание необходимых условий для успешного осуществления всех мероприятий по завладению денежными средствами и сокрытию преступления.

В то же время необходимо учитывать, что при определенных обстоятельствах подготовительные действия к проведению мошенничества образуют оконченный состав преступления, ответственность за совершение которых предусмотрена различными статьями Уголовного кодекса (лжепредпринимательство, изготовление или сбыт поддельных платежных средств и др.).

Механизм реализации подготовительной стадии преступления содержит в себе две очень важные особенности, учитывать которые необходимо для успешного выявления и раскрытия преступлений: а) временной фактор в подготовке и совершении мошенничества показывает наличие организационных начал и спланированный характер преступного вторжения в банковскую систему; б) практическая неуязвимость позиций преступников от преследования правоохранительных органов (первоначальный этап мошенничества зачастую совпадает с законной экономической деятельностью и соответствует нормативным предписаниям хозяйственного права, профессиональным стандартам и особенностям экономической среды).

Данные обстоятельства позволяют обеспечить конспирацию мошеннической операции и создать предпосылки для достижения конечного результата. Отсутствие на этой стадии потерпевшей стороны ставит преступников в исключительно выгодные условия, позволяющие в любой момент, при незначительной корректировке противоправных действий вывести ситуацию из-под оператив-

ного контроля правоохранительных органов, одновременно сохранив возможности для продолжения поиска и разработки других жертв [9, с.86-87].

2. Непосредственные действия по завладению чужим имуществом отличаются значительным разнообразием. В зависимости от того, какую финансово-экономическую операцию положат в основу совершения мошенничества преступники, различают конкретные действия и приемы, направленные на завладение денежными средствами и ресурсами банковских структур (мошенничество при кредитовании; с документарными платежными средствами, чеками, векселями, банковскими пластиковыми карточками и т.д.).

Например, основные способы обмана и злоупотребления доверием, применяемые мошенниками при расчетах по поддельному аккредитиву, связаны с предоставлением исполняющему банку ложной информации: а) о получателе средств; б) о наличии обеспечения аккредитива; в) о предмете и условиях контракта по аккредитиву; г) об исполнении условий по договору. Таким образом, при аккредитивной форме расчетов для поступления денег на счет подставной фирмы мошеннику достаточно предоставить в банк подложные документы, которые бы свидетельствовали о выполнении своих обязательств по условиям договора, и ждать либо активно содействовать поступлению денежных средств на счет фирмы получателя. Следовательно, основным этапом этого преступления являются действия по подготовке мошеннической операции.

Рассматривая дела данной категории, мы сделали вывод, согласно которому основные действия преступников на стадии совершения мошенничества заключаются в предоставлении в банковскую организацию фиктивных документов (гарантийных писем и поручительств, векселей и банковских пластиковых карточек, платежных поручений, аккредитивов и других финансовых документов строгой отчетности) с целью завладения имуществом и денежными средствами.

В этой связи возникла острыя проблема [10] детального изучения и правильного уяснения момента окончания мошенничества в сфере банковской деятельности, что является немаловажным критерием для успешной практики борьбы с указанными ранее негативными явлениями.

3. Составным элементом способа совершения мошенничества является способ скрытия преступления, который представляет собой деятельность, направленную на воспрепятствование расследованию путем утаивания, маскировки или фальсификации следов преступления.

Скрытие мошенничества в банковской системе можно определить как умышленные действия, заключающиеся в воспрепятствовании установления объективной истины о преступлении и направленные на полное или частичное уклонение виновного от ответственности [11, с.522]. При этом действия по скрытию банковского преступления могут осуществляться как в рамках самого преступного действия, так и за его пределами [12, с.92], т.е. способ скрытия преступления может быть как самостоятельным элементом, так и частью способа преступления в зависимости от наличия или отсутствия единого преступного замысла, охватывающего все стадии преступной деятельности.

По материалам изученных нами 147 уголовных дел в сфере банковской деятельности отдельные действия по подготовке и совершению противоправных посягательств являлись одновременно и действиями по скрытию преступлений с целью уклонения виновного от ответственности. В более 70 % случаев, подготовительные действия по завладению чужим имуществом путем обмана и злоупотребления доверием с целью введения владельца имущества в заблуждение, являлись маскировочными. Однако маскировка проводилась не для скрытия совершения преступления, а для затруднения поиска виновных.

При этом следует отметить, что далеко не все подлоги, подделки, искажения преследуют цель маскировки и сокрытия. Ряд таких действий (создание фиктивных коммерческих структур, подделки и фальсификации залога, гарантийных писем и т.п.) не направлены на сокрытие преступления и преступников, а являются средством для совершения преступлений, т.е. незаконного получения денежных средств. Так, именно открытие лжепредприятий по подложным документам, подделка гарантийных писем и поручительств, фальсификация залога ... способствуют совершению преступлений при мошенническом завладении банковским кредитом, а осуществление хищений различными способами с использованием пластиковых карточек предполагает предварительное открытие счета и получение карточки по подложному паспорту.

На этапе уклонения от ответственности действия мошенника определяются его представлениями о наиболее безопасном варианте развития событий. В этой связи проведение маскировочных действий по сокрытию совершенного преступления во многом характеризуются наличием обстоятельств, свидетельствующих об очевидности для потерпевших и правоохранительных органов мошеннического характера действий преступника, возможностью установления личности и розыска мошенника.

В самом общем виде сокрытие факта совершения мошенничества выражается:

- а) в уклонении от ответственности посредством ухода с места совершения преступления и принятием мер активного противодействия расследованию преступлений со стороны злоумышленников;
- б) в получении незаконно перечисленных денежных средств по фиктивным документам и их присвоением;
- в) в создании видимости осуществления законной предпринимательской деятельности и маскировка совершенного мошенничества под не оправдавшийся коммерческий риск.

Таким образом, сокрытие противоправных действий в сфере банковской деятельности может осуществляться как неразрывно с действиями по подготовке и совершению преступления, так и самостоятельно — на этапах подготовки, совершения и окончания преступления. Причем при рассмотрении основных способов совершения мошенничества мы сознательно стремились выделить действия по подготовке и сокрытию преступлений на каждом этапе совершения банковского мошенничества, полагая, что данное обстоятельство поможет практическим работникам более глубже изучить такие приемы и научиться своевременно распознавать их.

В контексте изложенного и анализируя судебно-следственную практику борьбы с преступностью в кредитно-финансовой сфере, нами были выявлены следующие характерные особенности развития и функционирования способов совершения мошенничества в банковской системе:

- активное использование подложных или фальсифицированных документов, печатей, штампов, а также создание лжепредпринимательских структур с целью завладения имуществом и денежными средствами;
- применение различных правовых средств (гарантии, поручительства, векселя), использование хозяйственных институтов (коммерческие банки, страховые фирмы) и их возможностей (безналичные расчеты) для совершения и реализации преступной операции;
- подвижность способов обмана в зависимости от изменения различных факторов [13];

- наличие необходимого алгоритма преступных действий, имеющего свои этапы, и предварительное финансирование при подготовке каждой мошеннической операции;
- формальное совпадение подготовительной стадии мошенничества с законной предпринимательской деятельностью и маскировка присвоения чужой собственности под гражданско-правовые деликты.

В каждом конкретном случае способ совершения мошенничества детерминируется намеченной целью, особенностями социальной среды, спецификой места совершения преступления и другими обстоятельствами. Поэтому информация о способах совершения мошенничества в банковской сфере имеет важное значение для выявления и раскрытия совершенных преступлений через обнаружение их взаимосвязанных признаков, а также предупреждения преступлений, совершенных определенным способом [9,с.150]. Именно такого рода признаки, проявляющиеся вовне, и позволяют создать основу для наиболее быстрого распознавания в процессе первоначальных следственных действий по делу того или иного характерного способа совершения расследуемого преступления даже по его отдельным элементам.

Полученная информация дает соответственно возможность оперативному работнику точнее определить направление и методы выявления остальных недостающих данных о предполагаемом способе совершения мошенничества и преступнике, выдвинуть и обосновать оперативно-розыскные версии совершения преступления, сделать выводы об обстоятельствах, способствующих реализации мошеннических действий и определить мероприятия по их устранению, в конечном итоге спрогнозировать развитие преступной деятельности, исходя из сложившейся оперативной обстановки.

Следовательно, знание основных способов совершения мошенничества в кредитно-банковской сфере является необходимым и крайне важным условием для эффективной и успешной деятельности по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений.

1. Ермалович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. — Мн.: Амальфия, 2001. — 304 с.
2. Зуйков Г.Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления: Дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1970. — 305 с.
3. Яблоков Н.П., Колдин В.Я. Криминалистика: Учебник. — М., 1990. — 740 с.
4. Ларичев В.Д. Преступления в кредитно-денежной сфере и противодействие им. — М.: Инфра-М, 1996. — 240 с.
5. Гаухман Л.Д., Максимов С.В. Ответственность за преступления против собственности. — М.: Юринформ, 1997. — 320 с.
6. Завидов Б.В. Преступления в сфере экономики. Уголовно-правовой анализ и квалификация. — М.: Экзамен, 2001. — 224 с.
7. Аминов Д.И. Защита кредитно-банковских операций от преступных посягательств при электронных платежах // Журнал российского права. — 1999. — №10. — С.50–56.
8. Басецкий И.И., Егоров Ю.А., Шиенок В.П. Преступления в банковской системе: теория и практика расследования. — Мн.: Академия МВД РБ, 2000. — 308 с.
9. Ларичев В.Д., Спирин Г.М. Коммерческое мошенничество в России. Способы совершения. Методы защиты. — М.: Экзамен, 2001. — 256 с.
10. Ларичев В.Д. Указ раб. — С.107–125; Яни П.С. Хищение: некоторые вопросы предмета и ущерба // Законность. — 1996. — №10. — С.12–15; Виноградов С., Яни П. О квалификации хищений с использованием поддельного авизо // Российская юстиция. — 1994. — №4. — С.39–41.
11. Хилюта В.В. Сокрытие преступлений в сфере банковской деятельности // Материалы Международной конференции студентов и аспирантов по фундаментальным наукам «Ломоносов». Выпуск 6. — М.: МГУ, 2001. — С.522.
12. Карагодин В.Н. Криминалистическое значение данных о способе сокрытия преступления // Правоведение. — 1990. — №2. — С.92–96.

13. О роли факторов в совершении банковских преступлений см.: Егоршин В.М., Колесников В.В. Преступность в сфере экономической деятельности. — СПб., 2000. — С.138–169; Аминов Д.И., Ревин В.П. Преступность в кредитно-банковской сфере в вопросах и ответах. — М., 1997. — С.31–36, 82–85; Банковский бизнес в России: криминологические и уголовно-правовые проблемы. — М., 1994. — С.43–52; Ларичев В.Д., Пешков А.И., Чеботарев А.Н. Некоторые социологические аспекты преступности в кредитно-денежной сфере // Деньги и кредит. — 1995. — №3. — С.55–61.

Поступила в редакцию 27.05.2002.

In clause the problems of swindle in sphere of bank activity are considered. The basic attention is paid to the ways of preparation, committing and concealment of illegal bank operations in pecuniary system in the Republic of Belarus. The laws of the mechanism of functioning of economic criminality, and also basic elements of the ways of committing of swindle in sphere of bank activity are disclosed.

Хилюта Вадим Владимирович, аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики ГрГУ им. Я. Купалы. Научный руководитель — профессор, доктор юридических наук Г.А. Зорин.

УДК 341.9

О.Н. Толочко

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ СДЕЛКА: СУЩНОСТЬ, ПРАВОВАЯ ДЕФИНИЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье обобщены результаты исследований по проблемам правового регулирования внешнеэкономической деятельности. Критически анализируются предлагаемые в юридической литературе определения внешнеэкономической сделки. Исходя из особенностей исследуемых отношений, предлагается самостоятельная правовая дефиниция внешнеэкономической сделки как гражданско-правовой сделки предпринимательского характера, осложненной иностранным элементом.

Формулируются и кратко комментируются основные особенности правового регулирования внешнеэкономических сделок в сравнении с аналогичными сделками внутриэкономического характера.

Внешнеэкономическая деятельность как обособленный комплекс экономических отношений состоит из отдельных внешнеэкономических операций, каждая из которых имеет конкретную экономическую цель и собственное правовое оформление.

Понятие внешнеэкономической **операции** включает всю реальную деятельность субъекта ВЭД по продвижению товара (услуги), включая подготовительную работу, переговоры, подписание контракта, претензионную работу и т.д. При этом юридическое значение имеют не вся указанная деятельность, а лишь конкретные ее проявления.

Правовой формой внешнеэкономической операции, фиксирующей факт ее осуществления и порождающей правовые последствия, является **внешнеэкономическая сделка**.

Полноценное правовое регулирование в сфере ВЭД немыслимо без выработки терминологически точной дефиниции внешнеэкономической сделки, поскольку юридическая квалификация сделки, и выбор надлежащего источника права (международно-правовая норма или норма внутреннего законодательства, коллизионная или материально-правовая) возможны только в том случае, если сделка будет однозначно определена как «внешнеэкономическая».

Действующее в Республике Беларусь законодательство легального определения внешнеэкономической сделки не содержит. К сожалению, бесспорное,

разделяемое всеми или большинством специалистов доктринальное определение также пока не выработано, хотя попытки делались уже давно.

В советский период по ряду причин и в литературе, и в законодательстве речь шла не о внешнеэкономических, а о внешнеторговых сделках. Дело в том, что сам термин «внешнеэкономическая деятельность» появился в законодательстве сравнительно недавно. В Советском Союзе экономическая (хозяйственная) деятельность носила сугубо внутренний характер. Международное взаимодействие в экономической сфере осуществлялась, как правило, только на уровне реализации конечного продукта, — т.е. на уровне внешней торговли. В соответствии с экономическим содержанием отношений строилась и правовая форма. Государственное управление внешней торговлей осуществлялось специальным ведомством — государственным комитетом или министерством внешней торговли. Имелось обособленное от общепринятого внутреннего регулирования собственное правовое регулирование внешней торговли; особым порядком осуществлялась подготовка кадров для работы в данной сфере; для разрешения споров по таким делам существовала специальная юрисдикционная система. Соответственно, и юридическая наука того периода разрабатывала различные аспекты именно **внешнеторговых** экономических и правовых отношений.

Так, в свое время Л.А.Лунц понимал под внешнеторговыми сделками сделки, в которых по меньшей мере одна из сторон является иностранным гражданином или иностранным юридическим лицом и содержанием которых являются операции по ввозу товаров из-за границы или вывозу товаров за границу либо какие-нибудь подсобные операции, связанные с вывозом или ввозом товаров [6, с. 132].

Назывались два основных признака внешнеэкономической сделки. Во-первых, одна из ее сторон находится в другом государстве и, следовательно, в большинстве случаев является иностранцем (иностранный гражданин или иностранное юридическое лицо). Во-вторых, предметом такой сделки является внешнеэкономическая операция: поставка товара, наем имущества, перевозка груза, оказание услуг внешнеэкономового характера и т.п. [7, с. 131; 5, с. 8].

Принятие в 1980 г. Венской конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров позволило значительно продвинуться в указанном направлении. Конвенция определила договор международной купли-продажи товаров как договор купли-продажи между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах [2]. Таким образом, квалификация купли-продажи как внешнеэкономической, международной, была поставлена в зависимость от единственного признака — нахождения сторон в разных государствах.

Впоследствии, в результате достаточно активного обсуждения в литературе и периодике, было признано, что выделенный Конвенцией квалифицирующий признак в настоящее время является оптимальным. Более того, было предложено распространить его также и на иные (кроме купли-продажи) договоры внешнеэкономического характера.

Следует заметить, что и после появления термина «внешнеэкономическая деятельность», который отразил новые экономические реалии, в том числе чрезвычайное усложнение и разнообразие внешней экономической составляющей, правовая наука не смогла отойти от сложившегося подхода. Классическая советская доктрина вполне логично говорила о **внешнеторговых** сделках, оформляющих **внешнеторговые** операции и имеющих в качестве квалифицирующего признака нахождение сторон в разных государствах.

Однако **внешнеэкономическая деятельность** включает, кроме внешней торговли, также производственную кооперацию, инвестиционную деятельность,

валютные, расчетные, финансовые, кредитные отношения и еще целый ряд отношений, так или иначе связанных с участием в мировой экономической системе. Явная недостаточность понятия «внешнеторговые сделки», не отражающего усложнения экономических форм сотрудничества, обусловила все более активное использование правового понятия «внешнеэкономические сделки».

Тем не менее охватить единой дефиницией все внешнеэкономические сделки как правовую форму внешнеэкономической деятельности не удалось.

Была сделана попытка учесть в контексте внешнеэкономической проблематики такой термин, как «предпринимательская деятельность», появившийся вследствие экономических реформ. Так, один из крупнейших специалистов в сфере правового регулирования внешнеэкономической деятельности И.С.Зыкин предложил определить внешнеэкономические сделки как «совершаемые в ходе осуществления предпринимательской деятельности договоры между лицами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах» [4, с. 72]. Это определение долгое время считалось наиболее приемлемым.

Действительно, такое определение достаточно удобно с той точки зрения, что позволяет в какой-то мере отграничить внешнеэкономические сделки от внутрихозяйственных договоров, регулируемых национальным правом, а также от гражданско-правовых сделок неэкономического (непредпринимательского) характера. Однако нельзя не заметить, что, как и раньше, основным квалифицирующим признаком автор оставил нахождение сторон в разных государствах, следовательно, данный подход не является принципиально новым.

Предложенное определение, кроме того, оставило нерешенными многие имеющиеся вопросы.

Прежде всего, оно не соответствует экономическому смыслу категории внешнеэкономических сделок. С точки зрения экономических результатов сделка будет иметь характер внешнеэкономической также и в тех случаях, когда ее участники находятся на территории одного государства, но имеют различную государственную принадлежность. Внешнеэкономическая (по содержанию, результатам) сделка может быть заключена и между сторонами одной государственной принадлежности и местонахождения: например, договор продавца и международного перевозчика, если оба имеют местонахождение в Республике Беларусь, или договор купли-продажи иностранной валюты, заключаемый между импортером и банком, и т.д.

Далее, есть некоторые претензии формального порядка в отношении знака равенства, который ставится между понятиями «внешнеэкономическая сделка» и «внешнеэкономический договор». Поскольку основным критерием отнесения сделки к разряду внешнеэкономических является нахождение сторон в разных государствах, то ясно, что всегда подразумевается двусторонняя или многосторонняя сделка (договор). Однако содержание понятий «сделка» и «договор» различно. Будет ли являться в соответствии с указанным подходом внешнеэкономической односторонняя сделка, такая, как, например, выдача доверенности, векселя, чека в пользу иностранного субъекта?

Анализ правового регулирования внешнеэкономических отношений позволяет заметить, что в принципе любая сделка с **иностранным элементом** (будь то субъект сделки, ее объект или лишь факт заключения сделки за рубежом) потенциально несет в себе коллизионные вопросы, а следовательно, ее регулирование имеет международно-частноправовой, а не гражданско-правовой (хозяйственно-правовой) характер.

Именно это свойство, как представляется, должно быть положено в основу правовой дефиниции внешнеэкономической сделки. С нашей точки зрения,

внешнеэкономическую сделку следует определить как гражданско-правовую сделку предпринимательского (хозяйственного) характера, осложненную иностранным элементом. Под иностранным элементом при этом понимается наличие любого из следующих условий:

- 1) хотя бы одним из участников сделки является иностранный *субъект права* (юридическое или физическое лицо, государство);
- 2) сделка совершается в пользу иностранного субъекта, т.е. иностранный субъект не является непосредственным участником, но является бенефициаром по сделке (например, выдача доверенности, векселя, чека иностранномуфизическому или юридическому лицу);
- 3) хотя бы один из участников сделки или бенефициар *находится за рубежом* (разумеется, находится не в физическом, а в юридическом смысле, т.е. имеет юридический адрес или постоянное место жительства);
- 4) сделка или отдельные ее правовые составляющие совершены за рубежом;
- 5) сделка совершена в отношении объекта (имущества или неимущественного блага), находящегося за рубежом;
- 6) сделка подлежит исполнению за рубежом.

Если бы белорусское законодательство, как это имеет место в некоторых государствах, позволяло бы сторонам во внутрихозяйственных договорах избирать в качестве применимого иностранное право или договариваться о разрешении споров в международном коммерческом арбитраже, в указанный список следовало бы внести еще два условия. Так, к иностранному элементу было бы отнесено, во-первых, применение к сделке по соглашению сторон иностранного права, и, во-вторых, рассмотрение споров по сделке (опять-таки в соответствии с соглашением сторон) в иностранном суде или арбитраже. В этих случаях характер внешнеэкономических приобретали бы также сделки, заключенные между национальными субъектами хозяйствования, фактический состав которых не содержит ни одного из перечисленных выше видов иностранного элемента, но к которым применимо иностранное право или допускается иностранная юрисдикция. Следует заметить, что прямого запрета на применение к внутреннему договору иностранного права или обращение в соответствии с договорной подсудностью к иностранному суду белорусское законодательство не содержит. Однако в силу сложившейся правовой традиции без особого законодательного разрешения практическая реализация таких условий вряд ли возможна.

Таким образом, в качестве основного квалифицирующего признака внешнеэкономической сделки должно быть закреплено наличие в фактическом составе соответствующего правоотношения иностранного элемента.

Следует обратить внимание на то, что предлагаемое определение не приводит в полное соответствие экономические категории «внешнеэкономическая деятельность», «внешнеэкономические операции» и правовую категорию «внешнеэкономические сделки». Несоответствие правового и экономического смысла понятия «внешнеэкономическая сделка» хотя и несколько неудобно, но, по всей вероятности, неизбежно. Все сделки, не имеющие в своем составе иностранного элемента, независимо от их конечной экономической направленности («внутрь» или «вовне»), регулируются только национальным правом государства и, таким образом, не имеют международной правовой специфики. В силу этого нет смысла ни в их особом выделении, ни в их специальном регулировании.

Поэтому не будет являться *de jure* внешнеэкономическим, например, договор о продаже экспортером иностранной валюты обслуживающему его банку-резиденту или о покупке у банка-резидента валюты импортером. Не будет

внешнеэкономическим также договор продажи лицензии коммерческой иностранной организацией, зарегистрированной в Республике Беларусь, белорусскому субъекту хозяйствования и так далее, хотя в содержательном смысле указанные случаи вполне подпадают под категорию внешнеэкономических отношений.

Таким образом, основным критерием отнесения сделки к категории внешнеэкономических (международных) является наличие в правоотношении иностранного элемента, что порождает связь данной сделки более чем с одной системой национального права, или, говоря иначе, коллизионный вопрос.

Кроме этого основного признака внешнеторговых сделок, можно назвать еще ряд дополнительных, или факультативных. Наличие этих признаков не обязательно для квалификации сделки как внешнеэкономической, однако их присутствие, как правило, дает основание не сомневаться в ее внешнеэкономическом характере. Среди таких признаков чаще всего называют:

1) пересечение товаром границы;

2) платеж в иностранной по отношению хотя бы к одному из контрагентов валюте.

Квалификация сделки в качестве внешнеэкономической исключает ее прямое национально-правовое регулирование. Специфика указанных сделок выражается, прежде всего, в том, что, будучи предметом международного частного права, они регулируются коллизионным методом. Иными словами, заключение и исполнение внешнеэкономической сделки связаны с выбором применимого к сделке права — национального или иностранного. От этого права полностью зависит характер отношений сторон по сделке. Право, применяемое к внешнеэкономической сделке, **всегда является иностранным по отношению к одному из контрагентов**. Отсюда неизбежные вопросы, касающиеся не только процедуры выбора применимого права, но и порядка его установления, применения и толкования.

Основу правового регулирования внешнеэкономических сделок в Республике Беларусь составляет раздел VII Гражданского кодекса «Международное частное право».

В соответствии со ст.1093 ГК гражданско-правовые отношения с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц, либо осложненные иностранным элементом, регулируются правом, определяемым на основании «Конституции Республики Беларусь, настоящего Кодекса, иных законодательных актов, международных договоров Республики Беларусь и не противоречащих законодательству Республики Беларусь международных обычаяев» [3, с. 494]. Таким образом, как уже указывалось, первым вопросом правового характера в отношении внешнеэкономических сделок является вопрос о применимом праве.

Надо отметить, что формулировка ст.1093 является не вполне корректной. В частности, Конституция Республики Беларусь никогда не содержала и не содержит коллизионных правил. Точно так же коллизионные правила не следует искать в «не противоречащих законодательству Республики Беларусь международных обычаях». Дело в том, что обычаев коллизионного характера в международной практике нет. Коллизионное регулирование является безусловной прерогативой законодателя. Единственным исключением из этой прерогативы является наделение **сторон** договорного отношения правом самостоятельно избирать правовую систему, подлежащую применению к их договору. При этом такое право за сторонами закрепляется опять-таки законодателем. Поэтому указание на международный обычай (равно как и на Конституцию) как на источники, которые могут указать право, подлежащее применению к гражданско-правовым отношениям, осложненным иностранным элементом, явно излишне.

Таким образом, на практике коллизионные нормы о праве, подлежащем применению к внешнеэкономическим сделкам, содержатся в положениях раздела VII ГК и отраслевых законодательных актов в зависимости от характера сделки (залоговое, патентное, авторское законодательство и т.п.), а также в международных договорах Республики Беларусь.

В силу приоритета международно-правового договора в случае расхождения его содержания с нормами внутреннего права действуют правила международно-правового договора. Правда, международных соглашений коллизионного характера с участием Республики Беларусь не так много. Основная масса международных договоров по внешнеэкономическим сделкам носит материально-правовой, а не коллизионный характер. В числе их следует назвать уже упоминавшуюся Венскую конвенцию ООН 1980 г. о договорах международной купли-продажи товаров, пакет конвенций УНИДРУА 1988 г. о международной аренде оборудования, о международном финансовом лизинге и о международном факторинге и некоторые другие.

Основные коллизионные правила ГК таковы. К форме сделки применяется, как правило, право места совершения сделки; исключение составляют сделки с недвижимостью, к форме которых применяется право страны, где недвижимость находится (ст.1116). Для внешнеэкономических сделок с участием граждан и юридических лиц Республики Беларусь предусмотрено специальное правило об обязательности письменной формы (п.2 ст.1116). Исковая давность определяется по праву страны, применяемому для регулирования соответствующего отношения (ст.1118). Форма и срок действия доверенности определяются по праву страны, где выдана доверенность (ст.1117). Договорные отношения регулируются либо правом, названным самими контрагентами (ст.1124), либо (с некоторыми исключениями, предусмотренными п.3 ст.1125) правом страны, где имеет основное место деятельности сторона, осуществляющая исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора (п.1, 4 ст.1125). Сделки, имеющие своим объектом недвижимое имущество, регулируются правом страны, где находится это имущество (п.2 ст.1125).

Возникновение и прекращение права собственности на имущество по сделке определяются, согласно ст.1120, по праву *места совершения сделки* (если иное не установлено соглашением сторон). Кроме того, специальное коллизионное правило предусмотрено в отношении права собственности на движимое имущество, *находящееся в пути по сделке* (ст.1122). Право собственности на такое имущество определяется по праву страны, из которой оно отправлено, если иное не установлено соглашением сторон.

Как представляется, принятное в действующем Гражданском кодексе регулирование коллизионных вопросов права собственности, связанных с договорными отношениями, вряд ли оправдано. Если следовать букве закона, выбор сторонами права, применимого к их договору, сам по себе не означает, что это же право будет регулировать и вопросы возникновения и прекращения права собственности на предмет сделки. Получается, что стороны, кроме традиционного указания на право, применяемое к сделке, должны специально указать в сделке (контракте) на право, применяемое к отношениям собственности, возникающим в связи со сделкой. Если такой выбор в контракте не сделан, то применению подлежит право, указанное в статьях 1120 либо 1122 (видимо, в зависимости от того, находится ли в данный конкретный момент имущество в пути или нет). Вызывает недоумение само по себе разграничение коллизионных правил в отношении сделок — для имущества «в пути» и «не в пути» (а как, кстати, квалифицировать понятие «в пути»?). Но дело даже не в этом. В мировой юридической

практике не принято разделять право, применимое к сделке, и право, применимое к отношениям собственности, возникающим из этой сделки. Обычно, установив право, применимое к самой сделке, на основании этого права разрешаются и все сопутствующие вопросы, в том числе и вопросы перехода права собственности. Если же сами стороны желают подчинить договорные отношения одному праву, а отношения собственности по договору — другому праву, то они вполне могут сделать это самостоятельно, путем заключения соответствующего соглашения. Ни экономической, ни правовой целесообразности установления различных законодательных коллизионных правил для самой сделки и для права собственности на имущество по сделке не было и нет.

После того, как определено право, подлежащее применению к внешнеэкономической сделке, все возможные вопросы разрешаются сторонами или судом в соответствии с этим правом. Если в соответствии с коллизионными нормами или соглашением сторон подлежит применению белорусское законодательство, то вопрос разрешается, исходя из правил ГК или специального закона, регулирующего конкретное договорное отношение.

Следует учитывать, что любое другое экономическое регулирование помимо законодательного, т.е. нормы декретов и указов Президента, постановлений Правительства и т.п., применяются к внешнеэкономическим сделкам лишь постольку, поскольку эти нормы имеют **гражданско-правовой (частноправовой)** характер. Так, например, специальные акты Президента или Правительства, предусматривающие повышенную, в сравнении с нормами ГК, ответственность сторон за несвоевременные расчеты или иное ненадлежащее исполнение (неисполнение) обязательства, к внешнеэкономическим сделкам неприменимы. Дело в том, что эти особые меры устанавливаются, исходя из конкретных внутриэкономических целей (преодоление кризиса неплатежей, стабилизация экономики, реформирование хозяйственных отношений и др.), а следовательно, носят **публично-правовой** характер и в силу этого не могут быть распространены на частные договорные отношения с иностранными контрагентами. Поэтому еще раз подчеркнем: при применении национального законодательства в соответствии с коллизионной нормой или по соглашению сторон используются только **материально-правовые нормы ГК и гражданско-правового законодательства об отдельных видах договоров**. Могут быть применены подзаконные нормативно-правовые акты, детализирующие, уточняющие либо толкующие положения ГК, но никак не административно-правовые меры, адресованные сугубо национальным субъектам хозяйствования.

Аналогичные правила действуют и в отношении применимого **иностранных** права. Поэтому, устанавливая содержание иностранного законодательства, стороны и суд обязательно должны выяснить, не является ли конкретная норма административной и рассчитанной на внутриэкономические процессы.

В последние десятилетия широкое распространение в сфере международной торговли получили типовые контракты, общие условия, своды единообразных правил, общие принципы, кодексы поведения и т.д., подготавливаемые различными организациями деловых кругов. Это документы внезаконодательного происхождения, содержащие нормы (правила поведения) для различных областей международных хозяйственных отношений.

Нельзя не заметить, что регулирующее значение внезаконодательных правовых актов неуклонно возрастает. Отсюда настоятельная потребность в уяснении их юридической природы и того места, которое они занимают в белорусской системе правового регулирования ВЭД.

Как представляется, систему внезаконодательного регулирования образуют такие правовые источники, как:

- договор (соглашение сторон);
- правовой обычай (обыкновение, деловая практика);
- доктрина.

Договорное регулирование является специфической особенностью гражданского права и продолжением действия частноправовых методов регулирования. Предоставленная сторонам гражданского правоотношения возможность самостоятельно устанавливать права и обязанности по договору дает основание для включения договора в систему форм правового регулирования параллельно с законодательством.

Договорное регулирование, как и любая другая форма правового регулирования, имеет свои пределы, обусловленные степенью императивности законодательства. Причем во внешнеэкономической сфере эти пределы гораздо более широки, нежели в рамках национального гражданского права. Дело в том, что, в отличие от внутриэкономических хозяйственных договоров, во внешнеэкономических сделках стороны вправе самостоятельно избирать применимую к их отношениям правовую систему. Это позволяет сторонам уходить от неудовлетворительного, с точки зрения их интересов, национального законодательства. Кроме того, если избранное сторонами право допускает большую свободу договора, нежели национальное, такой выбор дает дополнительные возможности для самостоятельного регулирования отношений по контракту.

Кроме того, специфика внешнеэкономических отношений (а именно, отсутствие единого для всех или ряда государств регулирования соответствующих вопросов) обуславливает возрастание роли принципа автономии воли сторон в указанной сфере. Практически это означает, что законодательство любого государства поощряет самостоятельное контрактное регулирование, осуществляющее непосредственно участниками внешнеэкономических отношений: чем больше вопросов урегулировано контрактом, тем меньше проблем в ходе судебного разбирательства.

Наконец, договорное регулирование во внешнеэкономической деятельности позволяет обеспечить применение международно-правовых договоров или иных международных документов, которые в силу осторожного к ним отношения со стороны государства или иных причин формально не действуют на данной территории. Включение ссылки на такой документ в текст контракта придает ему юридическую силу для данного правоотношения.

Правовой обычай также является формой правового регулирования в сфере внешнеэкономической деятельности. Его место в системе источников права зависит, прежде всего, от принципиального отношения к нему законодателя. Действующий ГК Республики Беларусь не включил обычай в систему источников гражданского права. Упоминание об обычаях содержится только в статье 1093 раздела «Международное частное право», где указано, что право, подлежащее применению к отношениям с иностранным элементом, определяется, в том числе, на основании не противоречащих законодательству Республики Беларусь международных обычаев. Выше уже указывалось, что обычаев в отношении коллизионных правил в международной практике нет. А обычай материально-правового характера, такие, например, как «Инкотермс», формально в систему регулирования гражданских отношений Республики Беларусь не включены.

В то же время Банковский кодекс отнесся к правовому обычай более лояльно. Согласно ст.3 Кодекса, «субъекты банковских правоотношений при осуществлении

банковских операций с нерезидентами Республики Беларусь используют также международные унифицированные правила и обычай, нормативные акты международных организаций, международные банковские стандарты и иные международные правовые акты, если это не противоречит законодательству Республики Беларусь» [1, с. 5].

Анализ изложенных законодательных положений позволяет сделать вывод о том, что банковское белорусское законодательство включает правовой обычай в число источников права, санкционируя их применение к отношениям с участием нерезидентов. Что касается гражданского права, то здесь применение обычая возможно, видимо, в том случае, если стороны **включили ссылку на него в свой договор**. При этом подлежащий применению обычай обязательно должен быть тем или иным образом позитивирован, т.е. записан и отредактирован компетентным учреждением или автором с тем, чтобы можно было бесспорно судить о его содержании.

Место правовых обычных источников в действующем белорусском гражданском праве, таким образом, соответствует *договорному* регулированию: обычай применяется так, как если бы его содержание было полностью включено в текст договора. Банковское законодательство предусматривает возможность применения правового обычая и без специального соглашения сторон, наравне с иными нормативными источниками.

Доктрина как форма правового регулирования не получила пока признания ни со стороны белорусского законодателя, ни со стороны правоведов. Тем не менее представляется, что регулирующее значение доктринальных предписаний достаточно велико и пренебрегать им нельзя. Обилие пробелов в гражданском законодательстве о внешнеэкономической деятельности, лавинообразное появление все новых и новых правовых отношений в данной сфере обусловливают возрастание регулирующей роли доктрины. Юридическая практика знает случаи, когда со ссылкой на доктрину даже принимались судебные решения [8]. Не настаивая на немедленной легализации доктринального регулирования с включением соответствующей формулировки в текст статьи 3 ГК, полагаем, что правовой науке следует все же более тщательно оценить его значение и место в системе правового регулирования, определив более или менее однозначный подход и внятные рекомендации правопримениителю.

Как представляется, доктрина применима только в качестве источника **частного** права, причем постольку, поскольку данное конкретное отношение не урегулировано ни законом, ни договором, и при этом отсутствует возможность применения аналогии закона, а применение аналогии права в смысле статьи 5 ГК затруднено в связи с новизной и неоднозначностью правоотношения. Стремительно меняющаяся ситуация в мировой экономике и международных отношениях, появление все новых и новых видов договоров и иных правовых актов дают богатую почву для доктринальных разработок. С другой стороны, без таких разработок немыслимо эффективное правоприменение, поскольку законодательство не успевает за развитием экономических отношений, а отказать в вынесении судебного решения (или иного правоприменительного акта) по тем основаниям, что отношение не урегулировано, — в частноправовой сфере нельзя.

Таким образом, внешнеэкономические сделки являются специфической категорией гражданско-правовых сделок. Международная составляющая указанных отношений обуславливает их обособленное регулирование на уровне национального законодательства и международного договора, а также усиление регулятивного значения правовых источников внезаконодательного характера.

1. Банковский кодекс Республики Беларусь. — Мин.: Амалфея, 2001.
2. Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров: Комментарий. — М.: Юридическая литература, 1994.
3. Гражданский кодекс Республики Беларусь. — Мин.: Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 1999.
4. Зыкин И.С. Внешнеэкономические операции: право и практика. — М.: Международные отношения, 1994.
5. Зыкин И.С. Договор во внешнеэкономической деятельности. — М., 1990.
6. Лунц Л.А. Международное частное право. Особенная часть. — М.: Юридическая литература, 1975.
7. Лунц Л.А., Марьшева Н.И., Садиков О.Н. Международное частное право: Учебник. — М.: Юридическая литература, 1984.
8. Толочко О.Н. К вопросу о системе источников международного частного права // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Серыя 1. Гуманітарныя науки. — 2001. — № 2 (7). — С. 124-129.

Поступила в редакцию 15.05.2002.

The article specifies the results of investigation of the problems of legal regulation of foreign economical activity. Foreign economic bargains, which are specified in the juridical literature are critically analyzed.

The main peculiarities of the legal regulation of foreign economical bargains in comparison with similar bargains of foreign economical nature are formulated and briefly commented, too.

Толочко Ольга Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права ГрГУ им. Я.Купалы.

Філалогія

УДК 811.161.1'37

Е.П.Пустошило

КАТЕГОРИЯ ДИПЛАСИИ (ВРЕМЕННОГО РАВНОВЕСИЯ СХОДНОГО И РАЗЛИЧНОГО) КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ СРАВНЕНИЯ

В статье рассматривается категория временного равновесия сходного и различного как одна из субкатегорий функционально-семантического поля сравнения. Обосновывается термин диплазия для наименования данной категории.

В последнее время ученые-лингвисты единодушно придерживаются мысли о том, что языковое пространство, занимаемое экспликаторами компаративного значения, охватывает более широкий круг явлений, чем система грамматических форм степеней сравнения прилагательных, наречий и предикативов (В.М.Огольцев, М.И.Конюшкевич, Н.С.Федосеева, Е.Г.Карапетова, Е.М.Поркшян и др.). Категория сравнения охватывает все содержательные уровни языка — от словообразовательного до текста. Это позволяет считать ее ядром функционально-семантического поля, понимаемого как содержательно-формальное единство, формируемое разноуровневыми средствами языка.

Более того, такая разноуровневость языковых явлений для выражения компаративной семантики позволила Н.Н.Холодову возвести отношения сходств и различий, лежащих в основе сравнения, в ранг «субинвариантных отношений языка», «они — основание (может быть, «дно», может быть, центр) языковой системы... ядерная структура (ядерный бином) языка» [1, с.104]. С точки зрения логики, «отношения тождества и различия отображаются в каждом суждении, о чём бы в нем ни шла речь» [2, с.23].

Ввиду такой глобальности семантики, на основе общего категориального значения сравнения происходит процесс субкатегоризации — выявление системы многоступенчатого семантического варьирования компаративного значения. Этот процесс вызван и разнообразием результатов сравнения: «между полярными точками — полное тождество и полное несовпадение — «дистанция огромного размера», шкала тончайших различий и подобий» [3, с.13].

В рамках создания сопоставительной функциональной грамматики русского и белорусского языков М.И.Конюшкевич была предложена функционально-параметрическая модель для описания категории сравнения, представляющая собой шкалу многочисленных вариаций сходного и различного, которая позволила бы «во-первых, очертить границы категории сравнения в языковом пространстве и привлечь к описанию языковые факты, которые применительно к данной категории не рассматривались, во-вторых, представить пестрое и порой противоречи-

вое многообразие экспликаторов сравнения как организованную и достаточно стройную систему, поддающуюся сопоставительному описанию» [3, с.15].

На этой шкале наше внимание привлекает языковое пространство, находящееся между полем сходства и полем различия, так называемое «нулевое равновесие между сходством и несходством предметов» [3, с.15], где значение различия соприкасается со значением сходства. Возможность существования такой зоны плавного взаимоперехода между полем сходства и полем различия может быть выведена чисто гипотетически, из закономерностей самого языка: границы между функционально-семантическими полями всегда нечетки, они могут накладываться на соседние поля, образуя широкую область переходных диффузных значений. Этим и отличается естественный язык от жестких логических языков и научных подъязыков: он обладает взаимопересечением и взаимопроникновением явлений и их границ, «подвижностью, текучестью, значительной размытостью семантики словесных знаков» [4, с.110], и в этом его особое значение и уникальность.

Основополагающей функцией конституентов данного семантического пространства, представляющего собой микрополе в составе ФСП сравнения наряду с полем сходства и полем различия, является первоначальное означивание новых, непознанных объектов, для которых еще не установлены точные сходства или различия с другими объектами и явлениями окружающей действительности. Это один из способов работы механизма познания. Мы сравниваем неизвестный объект (X) с двумя однородными, но противоположными объектами (A и B), тем самым объединяя их, но не знаем, как объяснить то, что перед нами; X оказывается A и B одновременно (рус. *Старик везде и нигде; Всяк сам себе и друг, и недруг;* бел. *Свату першая чарка і першая палка; Уграмадзе ірай і мука*) или, наоборот, ни A, ни B (рус. *Тощий живот ни в пляску, ни в работу; На булате ни написать, ни стереть;* бел. *Ані да танца, ані да ражсанца; Ні сабе паглядзець, ні людзям паказаць*); между A и B (рус. *Ни много, ни мало; От черта отстал, а к людям не пристал;* бел. *Ні госць, ні гаспадар; Ад пекла адараўаўся, да неба не дастаў;* может быть, A, может быть, B (рус. *Либо полковник, либо покойник; Вдруг густо, вдруг пусто;* бел. *Ці пан, ці пратаў;* Чалавек як муха: *тут e, тут няма;*) хотя A, да B (рус. *Хоть яловая, да телись; Ничего нельзя, а все можно;* бел. *Хоць дурны, але шэльма; Свет вялікі, да дзеца няма дзе*).

Подобные конструкции можно трактовать как выражение беспомощности говорящего уложить в однословную форму противоречивые признаки познаваемого объекта, как попытку, как первый шаг к преодолению диалектики объекта, взаимосвязь противоположностей которого на этом этапе познания может выражаться только в алогичной форме. Лишь вторичная функция таких конструкций будет функцией противоречивого изображения объекта, рассчитанной на воздействие на адресата.

Перед нами момент альтернативы сходного и различного, их столкновение, временное, зыбкое и, может быть, неуловимое равновесие между ними, именно временное, зыбкое и неуловимое, потому что рано или поздно форма будет найдена, объект познан и означен. Когда это произойдет, семантика равновесия исчезнет. Назначение конструкций с эксплицированным означенным X будет состоять лишь в его уточнении, характеризации и разностороннем описании, что выносит подобные конструкции за рамки функционально-семантического поля, основанного на инвариантном значении временного равновесия сходного и различного. Ср.: рус. *Солдатка — ни вдова, ни мужняя жена* (X = солдатка); *Ни носит, ни бросит, а волоком волочет* (X = волоком волочет); *Тут не испортить, не поправить, а бросить* (X = бросить); бел. *Ні на пачы, ні ў цяньку —*

нідзе месца не знайду (X = нідзе); Няма яму ні дня, ні ночы, цёнгле едзе ў вочы (X = цёнгле); Нічым няймеш: ні просьбай, ні грозьбай (X = нічым).

Принцип соединения противоположностей носит глобальный характер, поэтому его отражение в языке часто было объектом внимания ученых. Следует отметить, что в работах современных лингвистов, направленных на исследование сравнительной семантики, уже существовали определенные предпосылки соотнесения указанных конструкций с категорией сравнения и выделения особого микрополя в составе ФСП сравнения с категориальным значением временного равновесия сходного и различного.

Так, кроме обозначенного М.И.Конюшкович семантического пространства с «нулевым равновесием» между сходством и несходством объектов на функционально-параметрической модели сравнения, Н.С.Федосеевой были выделены зоны «неполного сходства», преследующего цель установить «общее в разном», и «неполного различия» с назначением обнаружения «разного в общем» [5, с.9]. В.В.Каменской противопоставление определяется как одно из условий создания сравнительной ситуации [6, с.6]. А Е.Г.Карапетова для обозначения средств выражения компаративных отношений на синтаксическом уровне, основанных на взаимоисключении, использует понятие «антонимического бинома» [7, с.5].

Подобные явления рассматривались, но уже не в связи с категорией сравнения в работах Н.Д.Арутюновой, Ю.Д.Апресяна, Г.И.Берестнева, В.В.Иванова, В.Н.Топорова, Т.В.Цывьян, В.В.Унуковича, С.Г.Воркачева, Ф.Кифера, М.В.Никитина, В.Б.Синюк, Н.Н.Холодова, Н.В.Павлович, В.З.Санникова и др.

Г.И.Берестнев, отмечая одновременную целостность и двойичность этической сферы, включающей в себя две противоположности — начала добра и зла, указывает на заключенный в них «более общий принцип бинарных противопоставлений, который непротиворечиво соединяет в себе разделенное и единое, тождество и противоположность, целое и часть. А уже сам этот принцип бинарности обнаруживает себя в разных сферах культурной деятельности человека... безусловно, заявляя, таким образом, о своем архетипическом характере» [8, с.101].

Принцип соединения противоположностей заложен, например, в философии мира Н.А.Бердяева, согласно которой мир идет «от первоначального неразличения добра и зла через резкое различие добра и зла к окончательному неразличению добра и зла, обогащенному всем опытом различия» [9, с.366-367]. На двуединости истины и присущей ей антиномичности основано и учение о.П.Флоренского [9, с.380].

В.В.Иванов и В.Н.Топоров, реконструируя древнюю славянскую систему миропонимания (модель мира), определили ее структуру при помощи нескольких основных противопоставлений, зафиксированных в системе славянских языков [10]. При анализе структуры модели мира и модели языка было обнаружено соответствие между универсальными семиотическими оппозициями и языковыми (лексико-семантическими и грамматическими) категориями. Такое сопоставление легко проводить, например, на такой оппозиции как *мужской / женский* в модели мира и *мужской / женский* (род) в языке. Существование в грамматике языка среднего рода (в терминологии белорусского языка еще точнее — «ніякага») рода предполагает наличие некоего промежуточного звена и в модели мира: «Мощность и разрешающая сила оппозиции *мужской / женский* заложена в том, что их полярность предполагает, больше того, требует активного, творческого (творящего) взаимодействия оппозитов: в этом и состоит суть творения, суть мира, гарантия его постоянного обновления, его прочности и длительности...» [11, с.14].

Этот «архетипический» способ непротиворечивого соединения тождества и противопоставления отразился в языковой системе посредством понятийной категории временного равновесия сходств и различий, временного, ибо объединение противоборствующих сил — лишь «залог их дальнейшего противоборства» [11, с.14].

Все авторы, занимавшиеся исследованием противоречивости суждений (А.А.Осовцов, Н.Д.Арутюнова, Ю.Д.Апресян, М.В.Никитин, В.В.Унукович, Т.Е.Янко и др.), едины в выделении как минимум двух видов противоречивости. Это собственно формально-логические противоречия, порождающие языковую аномалию, т.е. факты, которые квалифицируются словами «так по-русски сказать нельзя» [12, с.608]. В этом случае конфликтная ситуация, создаваемая в семантике текста, неразрешима, но полезна для лингвиста, так как «доказывает присутствие глубоко скрытых смысловых компонентов, ответственных за аномалию» [13, с.3-4].

Второй вид противоречивых суждений суть диалектические семантические противоречия, которые могут быть идентифицированы. «Если логическое противоречие возникает на стыке двух полнозначных лексических единиц и создается несовместимостью асертивных частей их значений, то языковой аномалии, как правило, не возникает» [14, с.190]. В этом случае текст противоречив, однако «приемлем для адресата, поскольку человек обладает семантической компетенцией — способностью не только понимать, но и интерпретировать речевые произведения» [13, с.4].

В [14] предложен ряд способов разрешения противоречий и их возможной интерпретации.

М.В.Никитин связывает существование семантически противоречивых высказываний с особым компонентом лексического значения — отрицательным импликационалом (негимпликационалом) и отрицает возможность осмысления несочетающихся взаимоисключающих признаков, он считает, что это «всего лишь видимость, скрывающая и сигнализирующая семантические процессы переосмысливания слов и домысливания словосочетаний, такие, что в результате восстанавливается совместимость смыслов... Логическая норма не может быть нарушена без утраты смысла, ее нарушение лишь видимость. Реально негимпликациональные словосочетания нарушают не нормы логики и мышления, а нормы именования вещей и сочетания слов» [4, с.572]. Подобные замечания о том, что такие сочетания слов выражают лишь «мнимое логическое противоречие», можно найти и у других авторов [15, с.72].

Но тогда возникает вопрос: на какой логике основаны эти нормы именования вещей и сочетания слов, если они все же могут быть нарушены? Не следует ли из диалектической взаимосвязи языка и мышления то, что законы правильного мышления (суть диалектические законы) должны соответствовать законам языка (нормам наименования вещей и сочетания слов) и что несоблюдение языковых норм неминуемо ведет за собой и нарушение норм правильного мышления, т.е. логических норм? Выходит, что логические правила не являются единственными приемлемыми, обязательными для осуществления мыслительных операций.

Противоречивость в общем виде может быть представлена как одновременное сосуществование А и не-А. В нормальном мире, в данной нам в опыте окружающей действительности такого просто не бывает. Хотя развитие науки доказало реальность неевклидовой геометрии и неньютонаской физики, где нарушается формально-логический закон исключения третьего. Кроме того, естественный язык универсален, он может использоваться не только в применении к эмпирическому, данному нам в непосредственном наблюдении, миру.

Существуют «иные миры», бытие которых отличается от бытия предметной действительности. Это, например, психический мир человека, в котором трудно разграничить прямо противоположные переживания и чувства, и для их выражения язык в состоянии использовать объединение антонимов: рус. *Где смеются, там и плачут; И хочется, и колется; бел. Сколькі смутку, столькі радасці; I госць мил, і хлеба жаль.*

Естественный язык приложим к разным мирам — «идеальному и должно-му, психологическому и предметному, мифическому и эмпирическому, запредель-ному и реальному, видимому и кажущемуся» [13, с.8], где могут действовать законы других логик. И в этом проявляется уязвимость формальной аристотелевской логики в применении к языку и шире — к мышлению, матери-альной формой которого является язык.

Здесь мы затрагиваем проблему искусственного интеллекта, построение ко-торого потребовало создания новых логических систем. Оказалось, что в «кин-телецупальных системах чисто логические решатели задач не могут исчерпать весь запас средств, необходимых для воссоздания интеллектуальной деятельно-сти» [16, с.43]. Не все проявления человеческой мысли могут быть формализо-ваны, т.е. запрограммированы и переведены на символический язык формаль-ных систем. «Понятия, которыми оперируют в различных областях анализа информации и знаний, оказываются на самом деле слишком сложными и утон-ченными для того, чтобы можно было воспользоваться традиционно господству-ющей логикой, в которой центральная роль отведена только точным, хорошо определенным количественным рассуждениям» [17, с.49].

Такая уязвимость классической логики привела к созданию в 1965 году те-ории нечетких множеств, предложенной математиком Л.А.Заде, в основе кото-рой лежат понятия нечеткой логики и лингвистической переменной (с языковы-ми, а не числовыми значениями истинности).

Существование других логических систем, отличных от формальной логи-ки Аристотеля, находит свое подтверждение и в герменевтике — теории, наце-ленной на анализ природы познавательной деятельности как таковой, в том виде, в котором эта теория предшествует конкретно-научной методологии и филосо-фии в целом, т.е. теории предрассудка (или предпонимания) как предпосылки любого познания. Анализ и исследование принципов понимания является од-ним из направлений современной герменевтики. Должны ли эти принципы со-ответствовать жестким логическим законам? И.А.Василенко, утверждая, что политическая герменевтика как наука и искусство интерпретации политическо-го поведения партнера другой культуры способна сделать инструментарий со-временной политической науки более гибким, более действенным при разреше-нии сложных межкультурных противоречий политики, отмечает, что современная политика еще не преодолела искушения аристотелевской логики. Индийская политическая система традиционно использует такую логику, где вполне можно сказать: это и добро, и зло. «А это значит в политическом диалоге цивилизаций мы должны иметь в виду возможность обеих логик, каждая из которых дополня-ет другую» [18, с.6].

Современное состояние науки, основанное на интегративной тенденции научного знания, на взаимопроникновении методов естествознания и гумани-тарных дисциплин, а также стремление найти более адекватные модели объяс-нения человеческих отношений в социально-исторической и культурно-гумани-тарной жизни поставили вопрос о границах приложимости классической логики как к естественнонаучному, так и к гуманитарному знанию, не говоря уже об ограниченности формально-логической теории в применении к естественному

языку, являющемуся универсальным отражением, материальной формой бытия человеческого мышления вообще, способному описывать научные и вненаучные явления, реальные и нереальные миры человеческого сознания.

Таким образом, идеи разработки новых логик имеют отношение и к лингвистической задаче логического анализа языка.

Попытки построения новой логики предпринимались такими русскими учеными, как Н.А.Васильев (начало XX в.) и Б.Ф.Поршнев (60-70-е гг. XX в.). Оба исследователя разработали логические теории, свободные от закона противоречия, в которых сосуществование А и не-А имеет статус истинности, причем и Н.А.Васильев, и Б.Ф.Поршнев, описывая противоречивые суждения, интерпретировали их с помощью основных понятий категории сравнения: сходств и различий.

Васильев освобождает логику от закона противоречия путем переосмысливания понятия отрицания. В нашем мире только утвердительное суждение непосредственно, т.е. основано на восприятии и ощущении, отрицательное же всегда является выводным и опирается на принцип несовместимости признаков.

Но если предположить иной мир, где мы будем способны испытывать не только ощущение белого, но и ощущение не-белого цвета, то «тогда возможно, что в каком-нибудь объекте совпадут зараз основания и для утвердительного и для отрицательного суждения» [19, с.216]. В случае совместного существования утверждения «S есть А» и отрицания «S не есть А» Васильев выделяет третье суждение, которое отвечало бы нормам истинности, и предлагает назвать его «суждением противоречия или лучше суждением индифферентности» и обозначить как «S есть и не есть А зараз» [19, с.220].

Поскольку утвердительное суждение обозначает сходство двух явлений, а отрицательное выражает несовместимость, как в классической логике, а различие, то ясно, что могли бы существовать суждения, одновременно выражавшие сходство и несходство двух явлений (т.е. суждения, в которых сходство и различие будут находиться в равновесии). Н.А.Васильев определяет такую логику как логику «сходства, различия и соединенного сходства и различия», как «логику трех измерений», в которой действует закон исключенного четвертого, как «воображаемую логику».

В 1962 г. видный русский историк и психолог Б.Ф.Поршнев, создавший оригинальную концепцию происхождения человека, предложил иную логическую систему — генетическую логику, которая должна быть построена на рубеже логики и психологии. Эта система отсылает нас к предыстории всего человечества, к проблемам эволюции мышления и происхождения человеческой речи, к этапам формирования второй сигнальной системы. Генетическая логика — это своего рода «сублогика» (термин Б.Ф.Поршнева), первичный способ осмысливания действительности, который предшествовал всем интеллектуально-логическим действиям. В основу генетической логики Б.Ф.Поршнев положил открытое французским психологом А.Валлоном, исследовавшим развитие мышления у ребенка, явление пар или бинарных структур.

А.Валлон обнаружил пары представлений как простейший элемент мысли, как «молекулу» докатегориального, доконцептуального мышления при изучении речи детей 6-9-летнего возраста. В чем же заключается природа таких бинарных сочетаний? «По А.Валлону, в паре находятся два момента мысли: единство и дифференциация, ассоциация и многочисленность... ребенок альтернативно или последовательно воспринимает одно и то же явление как идентичное, так и разное. Идентификация и дифференциация явлений и противоположны, и взаимодополняющи. Они сосуществуют, взаимоисключающая друг друга...» [20, с.175].

Здесь уместно было бы процитировать Л.А.Абрамян, давшую философски-семиотическое истолкование соединения, казалось бы, несоединимого, несовместимого, относимое к одному из этапов становления детского мышления: «Дети не различают «еще» и «уже». Моя племянница упорно путает «большой» и «маленький», а когда хочет сказать «промокла», часто говорит «высохла». Ребенок как бы держит палку за середину — и для него еще нет начала и конца. Он как бы постоянно пребывает там, где большое переходит в маленькое, а промокшее высыхает. В нем как бы встречаются противоположности, и он «знает» путь в обе стороны» [21, с.59-60].

(И это действительно так. Мой сын двух с половиной лет может сказать: «Мама, я большой и маленький», «Я плохой и хороший». На мои недоуменные вопросы, что это означает, он отвечает: «Большой, потому что я уже вырос, и маленький, потому что, если я даже стану на стульчик, я не достану до потолка», «Плохой, потому что я плохо себя веду, и хороший, потому что ты меня все равно любишь». Причем в его рассуждениях отсутствует установка на намеренное произнесение противоречивого высказывания, и, что самое интересное, он еще не осознает, не видит в этом противоречия. Он просто так ощущает и осмысливает окружающий мир.)

Данные о бинарных структурах были перенесены и в сферу первобытного мышления. В плоскости антропогенеза и эволюции мышления Б.Ф.Поршнев вместо выражений Валлона «пара», «бинарная структура», «чета» употребляет термин «дипластия» (вероятно от греч. δι – дважды, двойной и пласт) как два пласта сходного и различного, налагающихся друг на друга, как некоторый диффузный синтез сходного и различного. «На языке логики имя этой операции — абсурд» [22, с.468]. Этому противоречивому объединению отвечала определенная эмотивная реакция, которая и «склеивала» несоединимое.

Генетическая логика на уровне антропогенеза предшествует формальной логике, являясь ее «изнанкой», где действуют обратные логике законы абсурда.

Вся дальнейшая история человеческогоума, по Поршневу, это расслоение, «растаскивание» дипластий, переход к логическому мышлению, «дезабсурдизация». Если отложить на отрезке прямой линии все возможные пропорции сочетания признаков дипластий, считает Поршнев, «то по краям отрезка окажутся две экстремальные противоположные формы: на одном конце такая, где тождество, сцепление минимально, т.е. едва выражено и почти отсутствует [зона различия — Е.П.]; на другом конце такая, где, наоборот, едва выражено и почти отсутствует различие, обособление [зона сходства — Е.П.]. Еще одно небольшое движение в ту или другую сторону за предельные точки отрезка, и мы оказываемся уже в двух сферах интеллектуально-логических действий, хотя бы ранних» [22, с.476].

Таким образом, Б.Ф.Поршневым дипластия помещена между двумя интеллектуально-логическими операциями установления сходства и различия, лежащих в основе сравнения. Вспомним, что мы также определили местонахождение на функционально-параметрической модели сравнения описываемой нами категории временного равновесия сходного и различного, где значение ‘сходство’ соприкасается со значением ‘различие’, как центральное, промежуточное между полем сходства и полем различия.

Стремление к постоянной дезабсурдизации влечет за собой кратковременность и зыбкость семантики равновесия сходств и различий, поэтому мы и определили его как **временное** равновесие. Но так как познание окружающей действительности и означивание новых объектов отнюдь не временный, а постоянный и универсальный процесс, то и категория временного равновесия сходного и различного, призванная закрепить этот процесс в языке, является

универсальной понятийной категорией языка, за которой закреплены специальные средства выражения подобной семантики.

Очертив контуры генетической логики как перехода от сублогики диплазий и чисто суггестивной функции второй сигнальной системы к логическим понятиям, счету, категориям, к отражательной функции второй сигнальной системы, Б.Ф.Поршнев отмечает, что дипластия не принадлежит исчезнувшему прошлому.

Опираясь на труды Б.Ф.Поршнева, мы предлагаем для обозначения категории, являющейся объектом рассмотрения данной статьи, ввести однословный термин *д и п л а с и я*, не исключая из научного оборота описательное название — категория временного равновесия сходного и различного, содержащее в себе инвариантный признак категориального значения. Мы заменили дипластию Поршнева на дипласию (от греч. *διπλασίος* — двойной, удвоенный, причем в этимологическом словаре М.Фасмера *διπλασίος* трактуется как один из источников происхождения слова «пласт», т.о. мы используем исходный вариант) по нескольким соображениям.

Во-первых, для их различия. Б.Ф.Поршнев использует это термин при описании антропогенеза и эволюции мышления, для обозначения одного из этапов формирования второй сигнальной системы. Мы же говорим о дипласии как о понятийной категории, нашедшей свое отражение в языковой системе, о «рудименте не вполне «расташенной» дипластии» [22, с.478] — словесном означивании еще не познанного объекта, противоречивые признаки которого могут быть представлены лишь в абсурдной форме, как об источнике рождения нового смысла вопреки логике; а также (уже в качестве следствия) как о возможности использования такой формы говорящим как средства изображения, стилистического приема, который рассчитан на реакцию адресата, обладающего интерпретативной компетенцией (термин Н.Д.Арутюновой).

Во-вторых, эти термины не совпадают по объему значений. Элементы, входящие в пару, бинарную структуру, как отмечает А.Валлон, не всегда восходят к ассоциированию объектов или терминов по сходству или по контрасту, их соединение и одновременное различие семантически достаточно случайно и несуразно. Используя понятие абсурда для описания дипластии, сам Поршнев указывал на то, что «применение логического понятия «абсурд» к дипластиям есть забегание вперед: поначалу дипластия вообще вне семантики, является до-смысловой. Она оказывается абсурдом только у порога того времени, которое зачинает в себе смысл...» [22, с.472-473]. Мы же исследуем дипласию как категорию, в основе которой лежит логика абсурда, т.е. *т у ч а с т ь д и п л а с т и и*, которая отражена в языке соединением противоположных признаков, обладающих максимальным различием, максимальной несовместимостью.

Итак, мы рассматриваем дипласию как понятийную категорию временного равновесия сходного и различного, которая является субкатегорией по отношению к категории сравнения (поэтому возможен термин *д и п л а с и в н о е с р а в н е н и е*), имеет полевую структуру и на шкале функционально-параметрической модели сравнения занимает промежуточное положение между полем сходства и полем различия. Категориальное значение дипласивной семантики базируется на одном из свойств человеческого мышления — возможности соединения противоположностей: сходства, отождествления и различия, причем различия, основанного на максимальной несовместимости.

1. Холодов Н.Н. За древними тайнами русского слова «и» — тайны иных масштабов: Учеб. пособие. — Иваново: Изд-во ИГУ, 1991.

2. Таванец П.В. Вопросы теории суждения. — М.: АН СССР, 1955.
3. Конюшкевич М.И. Категория сравнения: функционально-параметрическая модель для со-
поставительного описания // Функцыянальны аспект апісання моўных сістэм: Пятыя Карскія
міжнародныя чытанні (14-15 снежня 1994 г.). — Гродна, 1995. — С.13-18.
4. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. — СПб.: Научный центр проблем диа-
лога, 1996.
5. Федосеева М.С. Функционально-семантическое поле сравнения в современном немецком
языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Нижегородский гос. лингв. ун-т. — Ниж-
ний Новгород, 1997.
6. Каменская В.В. Семантика и структура сравнительных конструкций в тексте (на материа-
ле поэзии и прозы XIX-XX веков): Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Тамбовский
гос. ун-т. — Тамбов, 1998.
7. Карапетова Е.Г. Функционально-семантическая категория компаративности в совре-
менном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Минский гос. лингв.
ун-т. — Минск, 2000.
8. Берестнев Г.И. Иконичность ДОБРА и ЗЛА // Вопросы языкоznания. — 1999. — №4 —
С.99-113.
9. Левицкий С.А. Очерки по истории русской философии. — М.: Канон, 1996.
10. Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические систе-
мы (Древний период). — М.: Наука, 1965.
11. Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. — М.: Наука, 1990.
12. Апресян Ю.Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // Избранные труды. —
М.: Языки русской культуры, 1995. — Т.2: Интегральное описание языка и системная лексико-
графия. — С.598-621.
13. Арутюнова М.Д. От редактора // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных
и прагматических контекстов. — М.: Наука, 1990. — С.3-9.
14. Кифер Ф. О роли прагматики в лингвистическом описании // Новое в зарубежной линг-
вистике. — М.: Прогресс, 1985. — Вып.16. Лингвистическая прагматика. — С.333-348.
15. Унукович В.В. Языковые средства выражения противоположности в контексте (на мате-
риале адъективных номинаций современного английского языка): Дис. ... канд. филол. наук:
10.02.04 / Киевский гос. пед. ин-т иностранных языков. — Киев, 1986.
16. Толковый словарь по искусенному интеллекту. — М.: Радио и связь, 1992.
17. Танака К. Итоги рассмотрения факторов неопределенности и неясности в инженерном
искусстве // Нечеткие множества и теория возможностей. Последние достижения. — М.: Радио
и связь, 1986. — С.37-51.
18. Василенко И.А. О возможностях политической герменевтики // Вопросы философии. —
1999. — №6. — С.3-12.
19. Васильев Н.А. Воображаемая (неаристотелева) логика // Журнал Министерства народно-
го просвещения. — 1912. — Т.40. — С.207-246.
20. Тутунджян О.М. Психологическая концепция Анри Валлона. — Ереван: Айастан, 1966.
21. Абрамян Л.А. Беседы у дерева (Этнографические заметки) // Обычаи и культурно-диф-
ференцирующие традиции у народов мира. — М.: МФГО, 1979. — С.55-83.
22. Поршинев Б.Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). — М.:
Мысль, 1974.

Поступила в редакцию 26.12.2001.

The category of the temporary balance between the likeness and the difference as one of the subcategories
of the functional and semantic field of the comparison is examined in the article. The term of diplasia to
name this category is justified.

Пустошило Елена Петровна, аспирант кафедры русского языка ГрГУ им. Я. Купалы. Науч-
ный руководитель — профессор, доктор филологических наук М.И. Конюшкевич.

УДК 808.2

В.К.Церлюкевич

К ПРОБЛЕМЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ОПИСАНИЯ НЕПРОИЗВОДНЫХ И ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

В статье рассматриваются проблемы непротиворечивого описания производных слов русского языка в их отношении к непроизводным. В этой связи автор последовательно отстаивает мысль о том, что все общие и частные выводы лингвистики, касающиеся образования и существования производного слова и его составляющих, должны быть соотносимы с сущностью существования непроизводного слова.

«По самому своему замыслу всякая теория предназначена служить основой для исчерпывающего и непротиворечивого описания объекта» [1, с.38].

С этим трудно не согласиться. Вероятно, и лингвистическая теория словообразования, чтобы быть исчерпывающей и непротиворечивой, должна с неких общих позиций объяснить существование в языке всех слов: и производных, и непроизводных. У тех и других непременно должно быть нечто, объединяющее их в систему. С этой точки зрения и производные, и непроизводные слова должны являться полноправными объектами исследования в словообразовании как науке.

Однако в Грамматике-80, в частности, находим: «Объектом изучения в словообразовании являются словообразовательно мотивированные слова, т.е. слова, значение и звучание которых обусловлены другими однокоренными словами» [2, с.133].

Такое определение объекта исследования представляется нам слишком узким. Ведь немотивированное (непроизводное) слово входит в так называемые словообразовательную пару, словообразовательную цепь, словообразовательное гнездо и, значит, не может не быть объектом изучения в словообразовании как науке.

С другой стороны, словообразовательный и морфемный анализ слов по сути своей являются анализами, направленными в конечном итоге на выявление нечленимой далее основы непроизводного слова. Таким образом, исследования словообразовательных явлений могут проходить как в направлении от непроизводных слов к производным, так и в направлении от производных слов к непроизводным.

Поэтому, на наш взгляд, лучше говорить о том, что объектом изучения в словообразовании прежде всего являются слова, связанные отношениями мотивации. Эти слова естественно могут быть как производными, так и непроизводными.

Следует также заметить, что производные слова грамматически не противопоставляются непроизводным, а уподобляются им. В этом плане производные слова отнюдь не самостоятельны, а зависимы и, если хотите, «вторичны» по отношению к непроизводным. Именно об этой «вторичности» часто забывают при тех или иных лингвистических характеристиках производного слова и его составляющих.

Так, в той же Грамматике-80 читаем: «Суффикс в отличие от префикса и постфиксa выполняет классифицирующую функцию: он относит слово к определенному словоизменительному типу; поэтому образования одного суффиксального типа обычно характеризуются и принадлежностью к определенному типу словоизменения» [2, с.138].

На наш взгляд, наличие или отсутствие суффикса у слова для отнесения его к определенному словоизменительному типу решающей роли не играет. Словообразовательные суффиксы могут только «подсказывать» ту или иную грамматическую принадлежность слова, но не определять ее. Производное

слово (по грамматической аналогии с непроизводным) к определенному словоизменительному типу относит все тот же словоизменительный аффикс. Когда же мы утверждаем, что суффикс «относит слово к определенному словоизменительному типу», мы пытаемся выдать следствие за причину.

В слове *земляника* есть элемент (*я*)*ник*, который, якобы, может ложно указать на принадлежность этого слова к мужскому роду. На самом деле у носителей русского языка нет по этому поводу никаких проблем, потому что производные слова воспринимаются ими точно так же, как и непроизводные: отнесение их к определенному словоизменительному типу зависит от той системы флексий, которой они обладают.

Именно такая точка зрения, как нам представляется, оказывается и исчерпывающей, и непротиворечивой, ибо одинаково трактует существование в языке и непроизводных слов, и производных. Последние с формально-грамматической точки зрения оцениваются как созданные по образцу и подобию первых. Именно поэтому оказывается возможным такое историческое изменение в морфемном составе слова, как *опрощение*.

Разговор о проблемах лингвистического описания словообразовательных явлений, связанных с неадекватной оценкой роли непроизводных слов в языковой системе, можно продолжить.

Так, мы считали и считаем, что введение в лингвистический обиход термина и понятия «нулевой словообразовательный суффикс» не обладает достаточной объяснительной силой, потому что это понятие («нулевой суффикс») как раз и не служит основой «для исчерпывающего и непротиворечивого описания объекта», каким является «слово» вообще.

Действительно, в основе производных слов типа *золотой*, *вход*, *супруга* нет реально выраженных словообразовательных аффиксов. И введение понятия «нулевая суффиксация» вроде бы объясняет, как эти слова образовались. Термины «безаффиксный» или «бессуффиксальный» способы образования, конечно же, неудачны, ибо содержат в себе лишь указание на то, чего нет. Однако «нулевой суффикс» есть прежде всего знак лингвистический, т.е. «навязанный» языку извне. Уже по этой причине необходимость употребления этого термина не очевидна.

Словарный состав русского языка не исчерпывается наличием только производных слов. В нем есть, как все мы знаем, и так называемые непроизводные слова. Есть слова типа *синий*, *стол* и *сорока*, которые своей морфологической (да и морфемной) структурой очень похожи на слова *золотой*, *вход* и *супруга*. Но для объяснения существования непроизводных слов вроде бы нет необходимости использовать понятие «нулевой суффиксации». Считается, что все непроизводные слова «живут» и без нулевого суффикса.

Значит, присутствие формально выраженного аффикса в основе того или иного слова вовсе не является обязательным условием существования последнего.

И если словообразующим (словоорганизующим) элементом так называемых непроизводных изменяемых слов типа *синий*, *стол*, *сорока* (и всех других изменяемых непроизводных) следует признать систему флексий, то что же мешает нам признать словообразующим элементом производных изменяемых слов типа *золотой*, *вход*, *супруга* ту же самую систему флексий?

И действительно — в «Словообразовательном словаре русского языка» А.И.Тихонова, в частности, находим: «... В отдельных типах производных слов окончания совмещают формо- и словообразующие функции, т.е. выступают как синкетические морфемы. Ср.: *раб* — *раб-а*, *кум* — *кум-а*, *супруг* — *супруг-а* и т.п. В этих словах окончание выражает не просто грамматическое значение женского рода, а обозначает одновременно лицо женского пола, т.е. выражает и сло-

вообразовательное значение, которое в русском языке обычно передается суффиксальным путем» [4, с.20].

Как видим, словообразовательная роль окончаний в словах *раба, кума, супруга* признается А.Н.Тихоновым. В этих словах автор «Словообразовательного словаря» нулевых суффиксов не обнаруживает, однако от понятия нулевого словообразовательного суффикса не отказывается: «Словообразовательная функция нулевых суффиксов особенно наглядно выступает там, где одно и то же словообразовательное значение в одних однокоренных словах передается материально выраженным суффиксом, а в других — нулевым. Так, в русском языке от прилагательного *синий* образованы синонимичные существительные *синева* и *синь*.... Одно и то же значение опредмеченного качества в слове *синева* обозначается материально выраженным суффиксом (-ев-), а в слове *синь* нулевым суффиксом (*синь- є*)» [3, с.21].

Как видим, обнаружение нулевого суффикса в слове *синь* оправдывается наличием материально выраженного суффикса у другого однокоренного с ним слова *синева*.

Логика подобных рассуждений, на наш взгляд, не очень убедительна. Во-первых, производные слова *синь* и *синева* не состоят в прямой словообразовательной связи, т.е. не образуют так называемой словообразовательной пары и даже не входят в одну словообразовательную цепь. Да, они находятся в одном словообразовательном гнезде, но «родились» самостоятельно друг от друга. Поэтому наличие материально выраженного суффикса в слове *синева* вряд ли может служить решающим аргументом в пользу необходимости обнаружения хотя бы нулевого суффикса в слове *синь*. Во-вторых, если учесть, что в разговорном русском языке есть слово *супружница* (наряду со словом *супруга*), а в литературном есть слово *рабыня* (еще более частотное, чем слово *раба*), то тогда с логической последовательностью можно утверждать, что (по аналогии с *синь — синева*) слова *супруга* и *раба* тоже образованы с помощью нулевой суффиксации [4, с.73].

Таким образом, у нас есть три пути логических рассуждений: 1) все производные слова типа *синь...* образованы с помощью нулевых суффиксов; 2) все производные слова типа *синь...* образованы (как и все непроизводные) с помощью системы флексий, т.е. конверсией; 3) некоторые производные слова с нечленимой основой типа *раба* образованы с помощью окончаний, а другие — типа *синь* — с помощью нулевых суффиксов.

На наш взгляд, компромиссное решение: признание в одних случаях словообразующей роли окончаний и признание в других случаях нулевой суффиксации — является самым неудачным выбором из трех возможных вариантов. Уж лучше признать, что все подобные слова (*синь, раба, супруга, вход, золотой...*) образованы способом нулевой суффиксации.

Однако само существование в языке так называемых непроизводных слов типа *синий, стол, сорока...* подсказывает нам возможность аналогичной оценки структуры производных слов типа *золотой, вход, супруга...* И этот путь логических рассуждений кажется нам гораздо предпочтительнее двух остальных.

И все, что нам нужно сделать, это отказаться от мысли (недавно еще такой естественной), что окончания не участвуют в словообразовании.

Как только мы признаем словообразующую роль окончаний как в существовании непроизводных слов, так и в образовании и существовании производных слов, то все сразу станет на свои места. И тогда непроизводные слова получат такое же право на внимание к ним со стороны лингвистов, как и производные.

Пока же наша теория словообразования часто представляет реалии языка в достаточно искаженном виде.

Вот еще одна иллюстрация к этому утверждению: «Морфемным составом обладают все слова, тогда как словообразовательную структуру имеют только производные слова» [3, с.30].

На первый взгляд, совершенно безобидная (и к тому же — традиционная) мысль. Однако она с легкостью позволяет прийти к идею о принципиальной разнице между морфемной и словообразовательной структурами одного и того же слова. В итоге оказывается, что слово (по данным тех же словообразовательных и морфемных словарей) обладает *одновременно* двумя часто не совпадающими структурами [5]. Это противоречит всякой логике, но почему-то устраивает многих лингвистов.

Понятие словообразовательной структуры может трактоваться и более широко. Оно должно быть приложимо ко всем звуковым комплексам, которые претендуют на то, чтобы называться «словом». В этом плане те же непроизводные слова непременно должны обладать не просто морфемной, а именно словообразовательной структурой, т.е. той структурой, которая и образует слово как нечто сущее в языке.

Таким образом, некая общая теория словообразования, чтобы быть исчерпывающей и непротиворечивой, должна рассматривать и решать как минимум две задачи. Во-первых, она должна непротиворечиво описывать как сущность образования, так и сущность существования слов. Рассмотрение одного явления в отрыве от другого методологически (диалектически) не оправдано, ибо слова образуются (рождаются), чтобы существовать (использоваться) в речи.

Во-вторых, как следствие к первому, теория словообразования должна в некоем общем контексте рассматривать существование как производных, так и непроизводных слов. В этом плане, как нам представляется с точки зрения общей философии языка, непроизводные слова, будучи «родителями» производных слов, должны по праву и естеству стать исходным объектом этой общей теории словообразования. Другими словами, все общие и частные выводы лингвистики, касающиеся образования и существования производного слова и его составляющих, должны быть соотносимы с выводами о сущности существования непроизводного слова. И тогда такая общая теория действительно будет и исчерпывающей, и непротиворечивой.

1. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.
2. Русская грамматика. — Т. 1. — М.: Наука, 1982.
3. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. — М.: Русский язык, 1990.
4. Краткая русская грамматика. — М.: Русский язык, 1989.
5. Церлюкевич В.К. Словообразовательный и морфемный анализ структуры слова: проблема соотносительности и приоритетности // Весник Гродзенскага дзяржаўнага універсітэта. Серыя 1. Гуманітарныя науку. — 2001. — № 2. — с.133–141.

Поступила в редакцию 21.03.2002.

Word-building theory, as well as any other theory is to be exhausting and non — controversial. That is why it must described in general terms as of both formation and existence of all words — derived and non — derived ones.

Церлюкевич Виталий Казимирович, кандидат филологических наук, доцент ГрГУ им. Я. Купалы.

УДК 808.26

І.І. Суцько

АДАД'ЕКТЫЎНЫЯ СУБСТАНТЫВЫ З СЕМАНТЫКАЙ ФЕМІНІННАСЦІ

Статья посвящена описанию отприлагательных наименований лиц женского пола в белорусских говорах. Автор проводит многоплановый анализ лексических единиц этой группы, включающий описание семантических особенностей номинаций, рассмотрение их структуры и словообразовательных вариантов.

Гурт асабовых адпрыметнікавых¹ найменняў нешматлікі ў параўнанні з аддзеяслоўнымі і адсубстантыўнымі. Асаблівасці структурнай і семантычнай арганізацыі, а таксама словаўтваральныя варыянты адпрыметнікавых намінацый у народнай мове даследующа на матэрыяле лексічных адзінак макракатэгорыі з агульным значэннем ‘носьбіт непрацэсуальнай прыметы’, зафіксаваных дыялектнымі слоўнікамі.

З улікам характару скланення назоўнікаў і словаўтваральнай структуры яны падзяляюцца на дэрываты назоўнікавага (*гырба'тка*², *разу'mніца*) і ад'ектыўнага тыпу скланення (*малада'я*, *стара'*, *нарачо'ная*).

Дэрывація асабовых адпрыметнікавых *фемінінатывау*³ назоўнікавага тыпу адбываецца пераважна шляхам суфіксацыі.

Найбольш пашираныя найменні з суфіксамі **–к-а** і **–іц-а**. Пры дапамозе гэтых суфіксаў утварылася больш за палову жаночых асабовых намінацый, выяўленых у аналізаваных лексікаграфічных крыніцах. Адзначаныя суфіксы ў межах макракатэгорыі з значэннем ‘носьбіт непрацэсуальная прыметы’ утвараюць шэраг лексічна-тэматычных групаў, межы паміж якімі ў асобных выпадках ўмоўныя, што выкліканыя як полісемантычнасцю многіх фемінінатываў, так і недастатковай семантычнай выразнасцю некаторых найменняў. Многія лексемы маюць фанетычныя варыянты (яны падаюцца ў дужках).

Дэрываты з суфіксам **–к-а** тэматычна можна аб'яднаць ў наступныя групы:

1. Назоўнікі, якія абазначаюць жанчынаў паводзе іх:

а) вонкавага выгляду: *бе'лка* ласк. ‘жанчына з белымі валасамі’ (міёр.), *малава'нка* ‘дзяўчына з ярка намаляванымі вуснамі’ (свісл.), *курно'ска* (мсцісл.), *руся'ўка* (жытк.), *ра'бка* (лях., мсцісл., гом.), *чырня'ўка* ‘чорнаволосая жанчына’ (краснап.) (параўн. *чарня'ўка* (гродз.) ‘варажбітка’), *не'mка* (краснап., лоеў., стол., івац., Нас.), *вугня'ўка* (мсцісл.), *нездаро'ўка* (жытк.), *сл'ѣ'пка* (Нас.), *глу'шка* (клім., жытк.), *гырба'тка* (краснап.), *апуничо'нка* асудж. ‘неахайнай, нядбайной, абыякавая да сябе, да свайго выгляду’ (мсцісл.);

б) псіхічнага складу, разумовых здольнасцяў, рысаў характару: *вясёлка* (Нас., гом.), *пяничо'нка* ‘вельмі выпеставаная асоба’ (міёр.), *хванабе'rка* ‘ганаровая’ (Нас.);

¹ У артыкуле разглядаюцца таксама аддзеепрыметнікавыя назоўнікі з значэннем асобы жаночага полу, але не вылучаюцца ў асобную группу з прычыны іх нешматлікасці.

² Тут і далей у прыкладах захоўваецца арфаграфія выкарыстаных крыніцаў.

³ Да адпрыметнікавых утварэнняў мы адносім тыя назоўнікі жаночага роду, якія маюць супольную аснову з асабовымі назвамі мужчынскага полу, – г.зв. кадэрываты (у адрозненне ад асабовых назоўнікаў жаночага роду, словаўтваральны сродак у якіх далучаеца да асноваў назваў асобы мужчынскага полу). Параўн.: *хітрыца*, *хітруха* < *хітрай* і *хітрунка* < *хітрун*, *ласуха*, *ласоха* < *ласая* і *ласуння* < *ласун*.

в) паводзінаў, маралі, спосабу жыцця, дзеянняў і ўчынкаў: *брахлі'ука* ‘пляткарка, манюка’ (лоеў.), *крыклі'ука* (лоеў.), *працаві'tка* (гом., Нас.), *жва'вка* (Нас.);

г) узроставых адзнакаў: *мало'дка* (ветк., креч., жытк.), *ма'lка* (Нас., маз.), *безл'ѣтка* ‘малалетняя дзяўчынка’ (Нас.);

д) адносінаў да іншых людзей: *знако'mка* ‘знаёная’ (лоеў., стол.), *каха'nка* (раг., маз., чач.) (*коха'nка* (Нас., гом.), *кыха'nка* (креч.), *улюблёнка* (Нас.)).

2. Назвы жанчынаў паводле роднасці, свяцтва, сямейных адносінаў: *дзя'дзінка* (карм., Нас.), *брато'ука* (шум., швянч.), *сястры'nка* (маг.), *хрышчо'nка* ‘хросная маці’ (брэст.) (*параўн. хрышчо'nка* (гродз.) ‘хросная дачка’), *гадо'ванка* ‘дзяўчынка, якую бяруць на выхаванне, выхаванка’ (зэльв., стол.), *разве'дзенка* (жлоб.) (*разведзёнка* (гом., рас.), *разлуча'nка* ‘жанчына, якая развялася з мужам’ (рэч.).

3. Назвы жанчынаў паводле месца іх нараджэння ці жыхарства. Утваральныя — адносныя прыметнікі з суфіксам **-ск-**; фіналь **-ск-** адцінаеца. Дэрываты з’яўляюцца кандэнсатамі аналітычных назваў: *крычатаўская кабета* — *крычата'ука* (в. Крычаты), *зэ'львенка* (Зэльва), *валько'ука* (Валькевічы).

4. Назвы жанчынаў паводле іх сацыяльнага становішча: *прыго'nка* (Нас.), *подда'nка* (*пытда'nка*) (Нас., новазыбк.).

Трэба зазначыць, што прыметнікі, ад якіх утварыліся найменні кшталту *хрышчонка*, *гадованка*, *разведзенка* (*разведзёнка*), *разлучанка*, *прыгонка*, *улюблёнка*, па сваім паходжанні — дзееприметнікі залежнага стану, якія ад’ектываваліся ў выніку паслаблення дзеяслоўных якасцяў. Па-другое, гэтая прыметнікі выступаюць тут як бы ў ablічы субстантываваных. Адбываецца незвычайная з’ява: асабовыя назоўнікі на **-к-а**, утвораныя ад асноваў прыметнікаў, семантычна матывуюцца не так тым прыметнікам, ад якога ішло іх утварэнне, як канкрэтным словазлучэннем, у склад якога ўваходзіць пэўны прыметнік і якое першапачаткова магло быць сінанімічным да ўтварэння на **-к-а**: *хрышчоная маці* (дачка) — *хрышчонка*, *гадаваная дзяўчынка* — *гадованка*, *разведзеная жанчына* — *разведзенка*, *прыгонная жанчына* — *прыгонка*. Але ў выніку марфалагічнай трансфармацыі прыметніковых кампанентаў словазлучэння ў бок іх субстантывацый адбылося “пераразмеркаванне” сінанімічных адносінаў. Назоўнікі на **-к-а** сталі сінонімамі да адпаведных прыметнікаў.

Вялікую группу назваў асобы жаночага полу — носьбітаў непрацэсуальнай прыметы складаюць субстантывы, утвораныя пры дапамозе суфікса **-іш-а** (-ыш-а). Яны таксама рэалізуюцца некалькі семантычных тыпau:

1. Назоўнікі, якія абазначаюць жанчынаў паводле іх:

а) вонкавага выгляду: *раскраса'віца* ‘выключная прыгажуня’ (мсціл.), *абры'нданіца* асудж. ‘1. Хто ходзіць абрыйнданы, заляпаны гразёю. 2. Абарваная’ (зэльв.), *карэ'lіца* экспр. ‘неахайная’ (стаўб.), *нядо'шліца* ‘фізічна слабая’ (гом.), *няге'гліца* (*ніге'гліца*) ‘нямоглая, кволая’ (глус.), *нязгра'бніца* (*нізгра'бніца*) (глус.);

б) псіхічнага складу, разумовых здольнасцяў, рысаў харектару: *дурні'ца* (люб., міёр.) (*дурні'ца* (мсціл.), *дуры'ца* (зэльв.), *палубу'mніца* асудж. (мсціл.), *разу'mніца* (міёр., Нас.), *на'гліца* ‘пра бессаромнью, нахабную жанчыну’ (ст.-дар.), *стра'mніца* (*сра'mніца*) ‘бессаромная жанчына ці дзяўчына’ (гар., бял., люб.) (параўн. *стра'mніца* (петр.) ‘няшчасная’), *хванаб'рніца* ‘ганаровая’ (мсціл.), *ве'траніца* ‘легкадумная’ (мсціл.), *заві'dніца* (в.-дзв.), *зазро'ніца* ‘зайздросніца’ (зэльв.);

в) паводзінаў, маралі, спосабу жыцця, дзеянняў і ўчынкаў: *бездабо'tніца* асудж. (навагр.), *ляні'віца* неадабр. ‘гультайка’ (віл.), *нядба'йніца* (гом., ветк.) (*недба'йніца* (стол.), *нідба'йніца* (глыб.) ‘нядбайная, гультайка’, *стара'нніца*

адабр. (круп., глус.), *гара'тніца* (пол.) (*гъра'тніца* (міёр.), *гару'тніца* (швянч.), *горко'тніца* (Нас.) спагадл. ‘бедная, гаротная’, *мо'дніца* (міёр.);

г) адносінаў да іншых людзей: *любе'зніца* ‘палюбоўніца, каханка’ (стол.), *облюбе'ница* ‘каханая, нявеста’ (Нас.), *похо'тніца* ‘ахвотніца да жартай з мужчынамі’ (жытк.);

д) узроставых адзнакаў: *маладзі'ца* ‘маладая замужняя жанчына’ (смарг., астр., лід., пух., гар., рэч.) (*мыладзі'ца* (клім.), *молодзі'ца* (жытк., Нас.).

2. Назвы жанчынаў паводле роднасці і сваяцтва, сямейных адносінаў: *хрышчэ'ніца* (жытк.), *хрэ'сніца* ‘хросная дачка’ (даўг.), *заму'жніца* (мсцісл.), *годо'-ваніца* (стол., Нас.).

3. Назвы жанчынаў паводле іх сацыяльнага становішча: *нево'льница* ‘1. Арыштантка, зладзейка. 2. Нявольніца’ (Нас.), *нягра'матніца* ‘непісьменная’ (мсцісл.), *приго'нница* (Нас.), *бездо'льница* (Нас.).

Адпрыметнікавыя фемінінатывы, утвораныя пры дапамозе суфіксаў **-ух-** (-юх-), таксама складаюць семантычна разнастайны гурт. Яны абазначаюць жанчынаў паводле іх:

а) вонкавага выгляду: *гразну'ха* (паст.), *чысцю'ха* (зэльв.), *карату'ха* (кырату'ха) ‘жанчына невысокага росту’ (гом., краснап.), *рабу'ха* асудж. (міёр.), *руду'-ха* ‘рыжавалосая’ (міёр.), *слѣпну'ха* (Нас.), *таўсту'ха* (бярэз., міёр.);

б) псіхічнага складу, разумовых здольнасцяў, рысаў харектару: *весялу'ха* (*веселу'ха*, *вісялу'ха*) (віл., глус., стол., міласл., краснап.), *ръсьсязу'ха* асудж. ‘рассеяны, дурнаваты’ (міёр.), *сердзю'ха* (Нас.), *хітру'ха* асудж. (міёр.);

в) паводзінаў, маралі, спосабу жыцця, дзеянняў і ўчынкаў: *уда'луха* ‘жанчына, якая ўсё ўмее рабіць, здатная да ўсяго’ (круп.), *спрытну'ха* (жытк., люб.), *неўме'луха* (стол.), *нескладу'ха* ‘няўмелая жанчына або дзяўчына’ (раг., гом.), *ляну'ха* (гом.);

г) узроставых адзнакаў: *дренну'ха* ‘невялікая дзяўчынка’ (Нас.), *мяниу'ха* ‘1. Самая меншая з дзяцей. 2. Жонка малодшага сына’ (віл.), *маладу'ха* ‘маладая замужняя жанчына’ (круп., глыб., вільн., рэч., касцюк.) (параўн. *маладу'ха* (віл.) ‘1. Нявеста, маладая. 2. Маладая замужняя жанчына. 3. Зняв. Дарослая дзяўчына, якая плача без прычыны’), *молоду'ха* (брэст., жытк.), *мыладу'ха* (хоцім., міласл.).

Цікавым, на нашу думку, з'яўляецца той факт, што найменне *бальшу'ха*, якое ўжываецца практычна на ўсёй тэрыторыі Беларусі, у розных рэгіёнах мае сваё адметнае значэнне (адценне значэння). Параўн.: *бальшу'ха* (*большу'ха*) ‘старэйшая сястра ў сям'і’ (карэл., кам.), ‘вялікая, дарослая, большая за іншых’ (мсцісл.), ‘рослая дзяўчына’ (бял.), ‘дачка (дарослая)’ (крыўскі, б.-каш.). *Бальшухай* у бялыніцкіх, глускіх, слуцкіх гаворках непахвальна называюць дзяўчыну, паводзіны якой не адпавядаюць узросту.

Нязначныя па колькасці групы лексемаў жаночага роду маюць суфіксы **-ачк-** (-ячк-) (*кірпа'чка* ‘кірпаносая жанчына’ (мсцісл.), *слѣпна'чка*, *глупя'чка*, *голя'чка*¹ ‘бедная’ (Нас.), *праму'драчка* ‘кемлівая дзяўчына’ (віл., стаўб.), **-ін-** (*ро-зумніна'*, *тоўшчына'* ‘таяўстуха’, *молодзі'на* (жытк.), *ашкарэ'ліна* асудж. ‘неахайнай’ (шчуч.), **- ox-** (-ёх-) (забрындо'ха асудж. (навагр., воран.), *гладо'ха* ‘1. Прыгожая, добра апранутая жанчына. 2. Мажная жанчына’ (пін.), *дурнёха*

¹ Словы *кірпа'чка*, *слѣпна'чка*, *глупя'чка*, *голя'чка* стасуюцца і з асновамі асабовых назоўнікаў мужчынскага роду *кірпач*, *слѣпакъ*, *глупякъ*, *голякъ*.

груб. спагадл. (міёр.). Намінаціі абазначаюць асобаў паводле вонкавага выгляду ці паводле псіхічнага складу, разумовых здольнасцяў, рысаў харектару і маюць экспрэсію непахвальнасці.

Паводле вонкавага выгляду харектарызуюць асобу жаночага полу дэрываты з фармантамі **-ах-а** (кленда'ха 'клышаногая жанчына' (жытк.) — кленда'ты 'клышаногі', горба'ха, кудла'ха (жытк.), **-енд-а** (**-ендж-а**, **-андж-а**, **-янд-а**, **-яндз-я**, **-ынд-а**) (слепе'нда экспр. (жытк.), слепенджса' абразл. (стол.), слепянда' абразл. (слонім.), слепяндзя' абразл. (зэльв.), сухры'нда лаянк. 'худая жанчына' (узд.), **крыянда'м** (зэльв.), **крыянджа'** абразл. 'скрыўленая' хваробай жанчына' (мсцісл.), глухяндзя' (зэльв.), **-ешк-а** (гарбе'шка (навагр.), карчаве'шка 'картавая жанчына' (мсцісл.), **-ул-я** (**красу'ля** 'прыгажуня' (пух.), **насу'ля**, **гарбуля'** (зэльв.), **чарну'ля** 'чорнавалосая жанчына' (міёр.).

Адзінкавыя прыклады назоўнікаў жаночага роду на **-уся**. Яны даюць харектарыстыку асобы па выразнай прымече і маюць экспрэсію зніжанаасці: **марда'-тая** — **марду'ся**, **далікту'ся**, **чарну'ся**, **мадню'ся** (зэльв., стаўб.).

Невялікую колькасць найменняў маюць у народнай мове тыпы назваў асобы жаночага полу — носьбіта непрацэсультанай прыметы, утвораныя **нульсуфіксавым** способам. Тэматычна іх можна аб'яднаць у группы — слова, якія абазначаюць жанчынаў паводле: а) вонкавага выгляду: бры'нда асудж. 'якая ходзіць брудная, абрыйданая' (стаўб., навагр.), **рострэ'на** экспр. 'неахайнай і бесклапотная жанчына' (жытк.), гла'дзь 'вельмі поўная жанчына' (стол.), **нечві'да** 'непрыгожая жанчына або дзяўчына' (жытк.) — **нечві'дны** 'непрыгожы', **ненагля'да** (мсцісл.); б) псіхічнага складу, разумовых здольнасцяў, рысаў харектару: **капры'-за** 'капрызная' (стол.) (параўн. **капри'за** (Нас.) 'упартая'), **ма'за** 'капрызница, песта' (жытк.) — **ма'заны** 'збалаваны, спешчаны'; в) паводзінаў, маралі, спосабу жыцця, дзеянняў і ўчынкаў: **зяе'да** 'заўзятая працаўніца' (жытк.) — **зяя'длы** 'заўзяты', **наха'ба** неадобр. (лоеў.), **про'бега** 'смелая, дзейсная жанчына' (стол.) — **пробе'глы** 'дзейсны, пранырлівы, рызыкоўны', **распу'ста** '1. Жанчына, якая разышлася з мужам. 2. асудж. Распусная жанчына. 3. м. і ж. Славольнік, славольніца' (мсцісл.).

Фемінінатывы ад'ектыўнага тыпу скланення ў народнай мове — гэта субстантываваныя прыметнікі і дзеепрыметнікі. Навукоўцамі канчаткова не вызначана, да якога способу ўтварэння (субстантывациі ці нульсуфіксавага (ад назоўнікаў) адносяцца слова тыпу **малада'я** 'нявеста' (brasл., астр., смарг., ваўк.), **малая** 'маленькая дзяўчынка' (Нас.), **убо'гая** 'бедная' (Нас.), **стара'** 'свякруха, жонка сталых гадоў, старая' (жытк.), **нарачо'ная** (гrodz.) і г.д. Так, В.В.Лапацін лічыць, што жаночыя найменні такога кшталту матывуюцца не адпаведнымі прыметнікамі, а субстантываванымі прыметнікамі мужчынскага роду з значэннем асобы, а значыць, не могуць інтэрпрэтавацца як субстантывы [1, с.220]. Зыходзячы з гэтага меркавання, слова **маладая**, **малая**, **стара**, **убога** суадносяцца з адпрыметнікамі назоўнікамі мужчынскага роду (**малады**, **малы**, **стары**, **убогі**) і намінацыя **нарачоная** — з аддзеепрыметнікамі назоўнікамі **нарачоны**. Такім чынам, асабовыя найменні жаночага роду тыпу **маладая** і г.д. з'яўляюцца адназоўнікамі ўтварэннямі з нулявым суфіксам. М.А.Паўленка вызначае ў такіх субстантывах флексійны спосаб утварэння. На яго думку, словаутваральныя функцыі афікса з значэннем асобы жаночага полу ў гэтых дэрыватах выконвае флексія [2, с.80].

Аднак асабовыя намінацыі жаночага роду на **-овая**, **-іна**, якія маюць агульнае значэнне 'ジョンка пэўнай асобы' (**краўцо'ва** 'ジョンка краўца' (смарг.), **майстро'вая** 'ジョンка майстра' (Нас.), **сынава'я** 'ジョンка сына, нявестка' (зэльв., ашм., воран., карэл., шчуч.) (**сынава'** (ігн., шальч., гар.), **сыно'ва** (астр., швянч., шальч.,

гродз., міёр., брасл.), *сыно'вая* (Нас.), *бра'tавая* ‘жонка брата’ (лаг., віл.) (*бра'-тава* (стаўб., пух., лід.), *брато'ва* (мсціл., шальч.), *брата'ва* (лоеў.), *брато'вая* (Нас.), дзя'дзіна ‘жонка дзядзькі’ (мсціл., клім., паст., воран., маст., чэрв., віл.) (дзя'дзіна (Нас.), дзя'дна (браг., б.-каш., лоеў.), дзя'нна (брэст., петр., лельч.), дзе'дына (брэст.), на нашу думку, мэтазгодна адносіць да субстантыватай, бо такія назвы ўзніклі ў выніку страты назоўнікаў жаночага роду (*краўцова жонка — краўцова, сынавая жонка — сынава, братавая жонка — братавая, дзядзіна жонка — дзядзіна*) і субстантывацыі прыналежных прыметнікаў на **-овая, -іна**.

Да субстантыватай трэба адносіць і жаночыя найменні ад'ектыўнага тыпу скланення, якія не маюць адпаведных назоўнікаў мужчынскага роду з прычыны нямоўнага харектару: *груба'я* (хойн., рэч., навагр., пух.), *таўста'я* (докш., віл., гродз., хойн.), *брэ'mенная* (ветк.) з значэннем ‘цяжарная жанчына’, *благло'ва* ‘жанчына наогул’ (Нас.). Хоць іх падача ў дыялектных слоўніках неаднастайная (адны пазначаныя адпаведнай паметай — *субст. пр.*, іншыя пададзеныя як прыметнікі), на карысць таго, што гэта ўсё ж субстантываты, сведчыць і змена месца націску ў асобных такіх словаах у парадунні з адпаведнымі прыметнікамі.

У некаторых гаворках усходу Беларусі бытуюць слова тыпу *рэкамендатар-шая* ‘тая, хто рэкамендуе’ (мсціл.), *апце'каришая* (гом.), *до'хтаршая* (гом.). Утварыліся яны, відаць, ад назоўнікаў мужчынскага роду *рэкамендатар, апекар, дохтар* пры дапамозе суфікса **-ш-**, а потым па аналогіі з субстантыватамі тыпу *маляровая* прынялі форму прыметнікаў.

Усе разгледжаныя субстантываты і адназоўнікавыя намінацыі ад'ектыўнага тыпу скланення з значэннем асобы жаночага полу можна размеркаваць па наступных лексічна-тэматычных гуртах — намінацыі паводле: а) роду заняткаў (*апце'каришая, до'хтаршая, рэкаменда'тарская*); б) сацыяльнага становішча, вонкавых прыметаў (*убо'гая, малада'я*); в) сямейнага становішча (*бра'-тавая, майстро'вая, краўцо'ва, сы'навая, дзя'дзіна*); г) узроставых адзнакаў (*мала'я*).

Вывучэнне лексічна-семантычных узаемаадносінаў паміж жаночымі асабовымі намінацыямі і тымі словамі, ад якіх яны ўтварыліся, паказвае, што, акрамя найменні ў, тоесных па сваёй семантыцы з утваральнymі словамі (забрынданіца ‘неахайнная жанчына’ — забрынданы ‘неахайнны’, прамудрачка ‘кемлівая дзяўчына’ — прамудры ‘кемлівы’, сліпка ‘сліпая жанчына’ — сліпы ‘які не бачыць, пазбаўлены зроку’), ёсць фемінінатывы, семантычная структура якіх не супадае з сэнсавай структурай судносных утваральныхных слоў. Гэта выяўляецца, як правіла, з аднаго боку, у звуженні, а з другога — у пашырэнні семантычнага абсягу фемінінных назваў у парадунні з утваральнымі словамі: глупасніца ‘недалёкая, разумова абмежаваная істота’ — глупасны ‘1. Неразумны. 2. Неістотны’, сівуля ‘1. Дзяўчына, якая паводзіць сябе як малое дзіця. 2. Перастарка’ — сівы ‘1. Белы, серабрысты, які страціў афарбоўку (пра валасы). 2. Колеру попелу; шэры. 3. З прымесью шаравата-белай шэрсці (пра футра). 4. Перан. Шаравата-белы, блявы. 5. Перан. Які мае адносіны да далёкага мінулага; старажытны’, маладуха ‘1. Нявеста, маладая. 2. Маладая замужняя жанчына. 3. Зняв. Дарослая дзяўчына, якая плача без прычыны’ — малады ‘1. Які не дасягнуў сталага ўзросту; юны. 2. Нясталы, малавопытны па маладосці. 3. Які нядаўна нарадзіўся, пачаў расці... 6. у знач. наз. **маладыя**. Жаніх і нявеста пасля заручынаў і ў час вяселля’.

Полісемічнасць многіх *nomina feminitatis* абумоўлена як адлюстраваннем шматзначнасці слоў, што ўтвараюць гэтыя назвы, так і працэсамі семантычнага развіцця непасрэдна фемінінатывай.

Словаўтаральныя варыянты адад'ектыўных фемінінатываў.

Аналіз адпрыметнікаўых фемінінатываў, зафіксаваных дыялектнымі слоўнікамі, паказаў, што пэўная колькасць аднакаранёвых найменняў пры тоеснай семантыцы мае розныя суфіксы і, такім чынам, складае варыяцыйныя рады.

Праблема варыянтнасці ці праблема стасункаў і ўзаемазалежнасці слоў, утвораных пры дапамозе сінанімічных афіксаў, з'яўляеца вельмі важнай, бо на зіранні за лёсам аднакаранёвых паралеляў даюць магчымасць акрэсліць некаторыя агульныя тэндэнцыі развіцця моўнай словаўтаральнай сістэмы. Варыянтнасць, такім чынам, — гэта “суінаванне ў пэўнай моўнай сістэме дзвюх або некалькіх фармальных мадыфікацыяў той самай лексемы, тоесных ці блізкіх сваім значэннем” [3, с.32].

Структурна адпрыметнікаўская асабовыя намінацыі адрозніваюцца ў межах варыяцыйнага раду: а) рознымі суфіксамі; б) адсутнасцю / наяўнасцю суфіксаў:

-iц-a / -к-a: *годо'ваніца* ‘выхаванка, прыёмная дачка’ (стол., Нас.) — *га-до'ванка* (зэльв., стол.), *непуцёвіца* ‘1. Няўдалае. 2. Няўдаліца’ (мсцісл.) — *непу-цёўка* ‘няўдалая жанчына’ (мсцісл.);

-iц-a / -ін-a: *разу'mніца* іран. ‘разумная жанчына’ (міёр., Нас.) — *разумні-на'* (жытк.);

-ыц-a / -ух-a: *xi'tрыца* ‘хітрайа жанчына’ (ст.-дар.) — *ximtru'xa* асудж. (міёр.);

-iц-a / -ух-a / -к-a / субст. пр.: *маладзі'ца* ‘1. Маладая замужняя жанчына. 2. Жонка’ (смарг., астр., лід., воран., шчуч., пух., чэрв., ветк., чач.) — *маладу'ха* ‘маладая замужняя жанчына’ (хоцім., міласл., круп., глыб., вільн., рэч., чач.) (параўн. *маладу'ха* (віл.) ‘1. Нявеста, маладая. 2. Маладая замужняя жанчына. 3. Зняв. Дарослая дзяўчына, якая плача без прычыны’) — *мало'дка* (ветк., крыч.) — *ма-лада'я* ‘1. Нявеста. 2. Нявестка’ (брасл., астр., смарг., гар., ваўк.);

-iц-a / -ox-a: *забры'нданіца* зняв. ‘неахайнная жанчына’ (іёеў.) — *забрын-до'ха* асудж. (навагр., воран.);

-iц-a / -ёх-a / -ic-я: *дурні'ца* ‘дурная жанчына’ (люб., міёр.) — *дурнёха* груб. спагадл. (міёр.) — *дурні'ся* асудж. (міёр.);

-iц-a / -ячк-a: *хрэ'sніца* ‘хросная дачка’ (даўг., Нас.) — *храсня'чка* (шальч.);

-к-a / -ух-a: *вясёлка* ‘вясёлая жанчына’ (гом.) — *весялу'ха* (стол.) (параўн.: *ве-сялу'ха* (лоеў., глус.) ‘1. Вясёлка. 2. Перан. Вясёлая, жыццярадасная жанчына’);

-к-a / -ух-a / субст. пр.: *брато'ўка* ‘братава жонка’ (шум., швянч.) — *бра-таву'ха* (раг.) — *бра'тавая* (стаўб., пух., лаг., віл., лід., шальч.);

-к-a / -ух-a / -ул-я / -ейз-а: *ра'бка* ‘рабая жанчына’ (лях., мсцісл., гом.) — *рабу'ха* асудж. (міёр.) — *рабу'ля* (мсцісл.) — *рабе'иза* асудж. (ст.-дар.);

-к-a / -ух-a / ачк-a / -ых-a / -яндз-я: *сл'пка* ‘сляпая жанчына’ (Нас.) — *сл'пну'ха* (Нас.) — *сл'пна'чка* (Нас.) — *слепчы'ха* (брэст.) — *слепяндзя'* абрэзл. (зэльв.);

-к-a / -ул-я: *наса'тка* ‘насатая жанчына’ (мсцісл.) — *насу'ля* зняв. (зэльв.);

-к-a / -ул-я / -ах-a / -ешк-a: *гырба'тка* ‘тарбатая жанчына’ (краснап.) — *гарбуля'* (зэльв.) — *горба'ха* (жытк.) — *гарбе'шка* (навагр.);

-к-a / -янк-a: *бе'lка* ласк. ‘жанчына з белымі валасамі’ (міёр.) — *біля'нка* (краснап.);

-к-a / -яндз-я: *глу'шка* ‘глухая жанчына’ (клім., жытк.) — *глухяндзя'* (зэльв.);

-ух-a / -ус-я: *дълякту'ха* асудж. ‘вельмі выпеставаная асоба, з якой трэба абыходзіцца далікатна’ (міёр.) — *дълякту'ся* (міёр.) (параўн.: *далікту'ся* іран. (ганц.) ‘тая, што бацца фізічнай працы’);

-ух-а / -ох-а / -аўк-а: *ласу'ха* ‘ласая на ежу жанчына’ (міёр.) — *ласо'ха* (Нас.) — *ла'саўка*¹ (глус.);

-ух-а / -ул-я: *сіву'ха* ‘стала жанчына, паводзіны якой выклікаюць асуджэнне’ (пух.) — *сіву'ля* ‘1. Дзяўчына, якая паводзіць сябе як малое дзіця. 2. Перастарка’ (глус.) (параўн.: *сівуля* іран. ‘дарослая дзяўчына, якая паводзіць сябе як малое дзіця’ (бых.);

-ух-а / -ох-а / О: *гладу'ха* ‘гладкая, сътая жанчына’ (глус., кір., гом.) — *гладо'ха* ‘1. Прыгожая, добра апранутая жанчына. 2. Мажная жанчына’ (пін.) — *гла'дзь* ‘вельмі поўная жанчына’ (стол.);

-ух-а / -ын-а / субст. пр.: *таўсту'ха* ‘тоўстая жанчына’ (бярэз., міёр.) — *тоўшчына*’ (жытк.) — *то'ўстая* ‘цяжарная’ (лоеў.);

субст. пр. / -к-а: *каханая* (маст., віл.) — *каханка* (раг., маз., чач.), дзядзіна (мсцісл., клім., паст., воран., маст., свісл., карэл., віл., глыб.) — *дзядзінка* (карм., Нас.).

Як сведчаць факты, варыяцыйныя рады выступаюць пераважна як бінарныя аб'яднанні (*годованіца* — *гадованка*, белка — *білянка*, *сівуха* — *сівуля*, *вясёлка* — *весялуха* і г.д.), але нярэдка і як аб'яднанні, што маюць у сваім складзе больш як два кампаненты (*дурніца* — *дурнёха* — *дурніся*, *рабка* — *рабуха* — *рабуля* — *рабейза* і інш.).

З боку семантычных адносінаў паміж кампанентамі варыяцыйнага раду ўстаноўліваюцца:

а) дублетныя словаўтваральныя мадэлі, кампаненты якіх семантычна не адрозніваюцца паміж сабой (*гырбатка* — *гарбуля* — *гарбешка*, *братоўка* — *братавуха* — *братавая*, *хітрыца* — *хітруха*, *храсніца* — *храснічка* і г.д.);

б) недублетныя словаўтваральныя мадэлі, кампаненты якіх характарызуюцца неаднолькавым аб'ёмам семантычнага зместу (*маладзі'ца* ‘1. Маладая замужняя жанчына. 2. Жонка’ — *маладу'ха* ‘маладая замужняя жанчына’ (параўн. *маладу'ха* (віл.) ‘1. Нявеста, маладая. 2. Маладая замужняя жанчына. 3. Зняв. Дарослая дзяўчына, якая плача без прычыны’) — *мало'дка* — *малада'я* ‘1. Нявеста. 2. Нявестка’, *сівуха* ‘стала жанчына, паводзіны якой выклікаюць асуджэнне’ — *сівуля* ‘1. Дзяўчына, якая паводзіць сябе як малое дзіця. 2. Перастарка’ і некаторыя іншыя). Дублетных варыяцыйных аб'яднанняў большасць.

Адрозніваюцца словаўтваральныя варыянты і з боку эмаксыйна-экспрэсійной афарбоўкі (параўн.: *рабка*, *рабуля* — *нейтр.*, *рабуха*, *рабейза* — *асудж.*; *слепка*, *слепуха*, *слепачка*, *слепчыха* — *нейтр.*, *слепяндзя* — *абразл.*).

Скарачэнні:

Абрэзл. — абрэзлівае, адабр. — адабральнае, асудж. — асуджальнае, груб. — грубае, зняв. — зняважлівае, іран. — іранічнае, ласк. — ласкальнае, лаянк. — лаянкавае, неадабральнае, нейтр. — нейтральнае, параш. — парашайце, перан. — пераноснае, спагадл. — спагадлівае, субст. пр. — субстантываваны прыметнік, экспр. — экспрэсійнае; Нас. — Насовіч І.І. “Слоўнік беларускай мовы” (Мн., 1983); астр. — астравецкі, ашм. — ашмянскі, б.-каш. — буда-кашалёўскі, браг. — брагінскі, брасл. — браслаўскі, брэст. — брэсцкі, бых. — быхаўскі, бял. — бялыніцкі, бярэз. — бярэзінскі, в.-дзв. — верхнядзвінскі, вайк. — ваўкавыскі, ветк. — веткаўскі, віл. — вілейскі, вільн. — вільнюскі, воран. — воранаўскі, гар. — гарадзіцкі, ганц. — ганцавіцкі, глус. — глускі, глыб. — глыбоцкі, гом. — гомельскі, гродз. — гродзенскі, даўг. — даўгаўпілскі, докш. — докшыцкі, жлоб. — жлобінскі, жытк. — жыткавіцкі, зэльв. — зэльвенскі, івац. — івацэвіцкі, ігн. — ігналінскі, іўеў. — іўеўскі, кам. — камянецкі, карм. — кармянскі, карэл. — карэліцкі, касцюк. — касцюковіцкі, кір. — кіраўскі, клім. — клімавіцкі, краснап. — краснапольскі, круп. — крупскі, крыч. — крычаўскі, лаг. — лагойскі, лельч. — лельчынскі, лід. — лідскі, лоеў. — лоеўскі, люб.

¹ Назоўнік *ласаўка* стасуецца і з асноваю дзеяслова *ласавацца*.

любанскі, лях. — ляхавіцкі, маг. — магілёўскі, маз. — мазырскі, маст. — мастерскі, міёр. — міёрскі, міласл. — міласлаўскі, мсцісл. — мсціслаўскі, навагр. — навагрудскі, новазыбкаўскі, паст. — пастваўскі, петр. — петрыкаўскі, пін. — пінскі, пол. — полацкі, пух. — пухавіцкі, раг. — рагачаўскі, рас. — расонскі, рэч. — рэчыцкі, свісл. — свіслацкі, слонім. — слонімскі, смарг. — смаргонскі, ст.-дар. — старадарожскі, стаўб. — стаўбцоўскі, стол. — столінскі, узд. — уздзенскі, хойн. — хойніцкі, хоцім. — хоцімскі, чач. — чачэрскі, чэрв. — чэрвеньскі, шальч. — шальчицінскі, швянч. — швянчонскі, шум. — шумілінскі, шчуч — шчучынскі.

1. Лопатин В.В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. — М., 1967.

2. Паўленка М.А. Нарысы па беларускаму словаўтварэнню: Жаночыя асабовыя намінацыі ў старабеларускай мове. — Мн., 1978.

3. Семенюк Н.Ю. Некоторые вопросы изучения вариантиности // Вопросы языкоznания. — 1965. — №1.

Поступила в редакцию 27.11.2002.

The article is devoted to the description of the adjective substantives of female person in the Belarusian dialects. The author has carried out polyplanned analysis of the lexical units of this group, including description of the semantic peculiarities of names, consideration of their structure and word-formative variants.

Сут’ко Ирина Ивановна, аспирант кафедры белорусского и теоретического языкоznания ГрГУ им. Я. Купалы. Научный руководитель — профессор, доктор филологических наук П.В. Стецко.

УДК 884.09

Е.А.Паньков

ТОПОС ЭССЕИСТИЧЕСКОГО ЛАБИРИНТА В РОМАНЕ Т.БРЕЗЫ «ВЕДОМСТВО»

Статья затрагивает одно из самых значительных явлений польской литературы XX века — эссеистическое творчество Тадеуша Брезы (1905–1970). На примере романа «Ведомство» происходит систематизация разрозненных суждений и предпосылок теоретического характера, описание художественной специфики жанра эссе в ее конкретной реализации. Исследуется литературное параболическое измерение «Ведомства», склоняющее к сравнениям с творчеством Ф. Кафки. Подчеркивается значимость произведений Т.Брезы для развития польской прозы, своеобразной квинтэссенцией которой является жанр эссе, продолжающий и до сегодняшнего дня активно и динамично развиваться, обогащая польскую литературу.

Писатели славянских литератур всегда интересовались чиновниками и бюрократией, делая их объектом сатирических выпадов, высмеивая, прежде всего, определённые черты характера государственных функционеров: взяточничество, продажность, угодничество перед сильными мира сего. Ограниченный чиновник-бюрократ часто появляется в произведениях писателей различных стран во второй половине XIX века, например, у Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Яна Лема, Михала Балуцкого. Литература XX века, обобщая данную проблематику в границах структуры «человек — бюрократическое ведомство», открыла перспективу опосредованного изучения современного общества и современной культуры. В кругу данной проблематики находится творчество Тадеуша Брезы (1905–1970), принадлежащее к наиболее значительным явлениям польской литературы XX века. Следует отметить тот факт, что Бреза является примером писателя, способ познания мира которого характеризуется фундаментальностью, но не столько стремлением к различного рода оценкам, сколько изучением тайных механизмов функционирования мира и человека, не опускаясь до уровня симпатий или антипатий. Элегантность духа и, конечно же, стиля, врожденный такт не позволяют Брезе трансформировать открытые пружины человеческой натуры и её сложных взаи-

моотношений с обществом в тривиальные оценочные категории и этим акцентировать внимание на человеческих слабостях. Мастерское оперирование художественным словом поднимает автора на недосягаемы её вершины интеллекта, соединяется с проявлениями эстетики, позволяет превратиться в искусство.

«Римский период» [4, с. 142] в творчестве Т.Брезы принес два произведения. «Бронзовые врата» имеют второе название «Римские записи» и являются фактическим описанием различных событий, но, следует признать, описанием чрезвычайно точно продуманным и смоделированным. Выводящееся, в некотором смысле, из «Бронзовых врат» «Ведомство» представляет собой соединение двух художественно-смысовых начал: обобщающего, структурного, и единичного, индивидуального. Т.Бреза обращается к анализу конфликтной ситуации между этими противоположными проявлениями субъективной реальности. Данный момент имеет чрезвычайно важное значение в плане исследования автором индивидуальной судьбы конкретного человека. В «Адаме Грывалде», «Зависти», «Стенах Иерихона» и даже в «Небе и земле» сущность авторского анализа составляют реакции, фобии, патологии либо отдельного человека, либо того или иного общества. Ведомства в дилогии времён санации столь же аморфны и безлики, как и их человеческие производные. Можно сказать, что они словно не существуют, не имеют конкретной, сколько-нибудь реальной формы, а их содержание является собой некую эфемерную субстанцию, влияющую, впрочем, самым непосредственным образом на течение земной жизни. В «Бронзовых вратах» Брезу интересовало, прежде всего, ведомство. Именно ведомство и его структура, а уже затем служащий ему человек. В данном случае наблюдается определённая конфронтация нескольких перспектив. Индивидуальной и общей, обычной и официальной. С этой точки зрения можно рассматривать «Ведомство» как многоуровневый философский роман. Современная критика зачастую обращала внимание именно на философские мотивы произведения. Не было, пожалуй, исследователя творчества Брезы, который, размышляя о «Ведомстве», не обратился бы к произведениям Кафки, не отыскал объединяющие элементы с сартровской концепцией осуждения человека на неотвратимую деградацию в мире. Ян Зигмунд Якубовский говорил о «беллетристическом идеино-философском трактате» с Брезы, это «Замок», только более реалистичный», — подчёркивал Стефан Жулковский, уточняя, что «в этом романе мы имеем дело с конструированием модели отношений человека и созданной им самим, но обретшей самостоятельность, чуждой силы — ведомства» [5, с. 40]. Т.Древновский называет «Ведомство» моралите [3, с. 22]. Несомненно, приключения землемера К., вступающего в конфликт с всевластной замковой бюрократией (модель Кафки), которая не позволяет герою интегрироваться в местное общество, обороняясь посредством собственной недоступности и непостижимости для реального разума, напоминают в общих чертах попытки главного героя «Ведомства» выйти из лабиринта ватиканской курии. Однако пристальное изучение данных произведений, кроме очевидных совпадений, позволяет заметить достаточно явные отличия. Кафка предпочитает пользоваться абстрагированными, универсальными моделями отношений между людьми, где индивидуум находится в состоянии постоянной, хотя и не столь выразительной угрозы со стороны общества-ведомства, что приводит к полной изоляции человека. Эта неконкретность существования усиливает таинственность, которая сопровождает развитие действия (например, деревня в «Замке» тонет в темноте и тумане — вне реального исторического времени). У Брезы всё выглядит иначе. Проблематика «Ведомства» связана с конкретными проявлениями культуры, хорошо знакомыми как читателю, так и автору. Главный герой романа Брезы, так же, как это происходит у Кафки, подвержен

воздействию ведомства, но здесь подобное воздействие не имеет эффекта неотвратимости, а опасность для человеческих ценностей носит ограниченный характер. Следует, тем не менее, отметить, что попытки преодоления бюрократических преград, стремление постичь сущность функционирования ведомства заканчиваются поражением и одного, и другого героя, но последствия этого поражения — разные. У Кафки они имеют метафизическое измерение; бюрократический замок делает невозможным индивидуальное существование землемера К. В романе Брезы столкновение с ведомством становится значительным событием для совокупности культурных ценностей, но не ставит под сомнение смысл человеческого существования.

Общие черты «Замка» и «Ведомства» можно обнаружить в характеристиках способов функционирования ведомств. Чиновники из замка используют такие же запутанные методы управления, что и чиновники из Ватикана. Совпадают и методы всестороннего изучения всех дел, но без учёта аргументации и здравого рассуждения. Замок Кафки в состоянии, однако, осознать присутствие индивидуума и реально повлиять на его судьбу. Ватиканское ведомство не имеет возможности разглядеть конкретного человека, поскольку само для себя является окончательной и достаточной реальностью.

И Бреза, и Кафка стремятся оградить индивидуум от пагубного влияния его собственных производных — институтов общественного существования. Второй, однако, представляет конфликт, который не находит разрешения в его произведениях, поскольку индивидуум не в состоянии объединиться с обществом. Бреза, в свою очередь, выражает стремление обнаружить возможность возвращения проходящего в лоно антропоцентрической перспективы, гуманизации враждебных проявлений культуры и, прежде всего, изменения отношения ведомства к конкретному человеку и его реальным проблемам.

В написанном на основе философских размышлений П. Тейяра де Шардена эссе под названием «Нелли» (1969) автор рисует образ человеческой мысли, придавленной тяжестью современных ограничений, но всё же развивающейся. «Удивительный инстинкт ростка, словно камня, инстинкт, который делает возможным, невзирая на огромное давление, существование и развитие ростка. Но росток, хотя и пробивается к свету, не стремится к безрассудной гибели, и это кажется мне замечательным» [1, с. 95]. В этих словах выражено убеждение о праве человека на свободу мышления, уважения по отношению к окружающим, признания всей их непохожести и неповторимости. Высказанные в ватиканских произведениях идеи приобретали некое обобщающее содержание. Несомненным представляется тот факт, что во имя признания прав той или иной индивидуальности на существование как сформировавшейся личности, а не предмета общественных манипуляций, автор обратился к столь откровенному анализу взаимоотношений человека и ведомства. Ксёндз Пиоланти называет это добротой: «Именно здесь содержится стремление заботиться о другом человеке <...>. Примущественно люди думают только о себе, и это находится в противоречии с добротой. Некоторые думают о всех, но и это не является добротой. Только немногие думают о других, о том или ином отдельном человеке, и именно это доброта» [2, с. 57]. Встречи с ксёндзом Пиоланти представляют собой огромной важности моменты в римских приключениях героя. Он не помог, следует признать, в решении ватиканских проблем молодого человека, но явился яркой иллюстрацией того, «что бюрократические ведомства не смогли до конца уничтожить все проявления доброты и человечности. У «straniero» (иностраница) из Польши складывается впечатление, что ведомственные формы, которыми окружает себя человек, чтобы оградить себя перед другим человеком, являются од-

новременно особенным и трагическим проявлением любви. Парадокс заключается в стремлении к ней человека и боязни связанных с этим стремлением испытаний. Это парадокс каждого ведомства, каждого права, каждого порядка» [4, с. 66].

Выразительно параболическое (иносказательное) измерение «Ведомства», склоняющее к сравнениям с творчеством Кафки, имеет, однако, ограниченное содержание. «В самом деле, гуманизм Брезы осуждает всякую враждебную, господствующую над человеком бюрократическую силу бездушного ведомства, — замечает Стефан Жулковский. — Но его книга не является абстрактным, утопическим обобщением. Здесь не идёт речь об анахроничном, свойственном ранним экспрессионистам конфликте с любого рода структурами общественной жизни. Но имеется в виду рука мёртвого, который хватает живых. <...> Бреза не предлагает утопическую борьбу с любым ведомством. Он говорит о нонсенсе мёртвых структур, выделенных, созданных человеком и господствующих над человеком» [5, с. 49].

«Ведомство» является собой продолжение писательского интереса к «образцовому умиранию» определённых культурных формаций. Впрочем, данное произведение куда более драматически показывает явления, сопутствующие этим процессам. В этом представлении мира пустых форм, из которых испарились живые гуманистические ценности, но которые, несмотря ни на что, продолжают свою существование в роскоши ведомственной обрядовости, — ватиканский роман Брезы близок атмосфере творчества Томаса Манна. Но одновременно органично вписывается в цепь произведений Т.Брезы, анализ общественных составляющих в которых не заканчивается гибелью индивидуально человека.

Основу конструкции «Ведомства» составляет история исканий молодого учёного, историка, стремящегося в римской курии разрешить проблемы своего отца, которому влиятельный епископ Хожелинский фактически запретил профессиональную деятельность в качестве адвоката канонического права. Роман представляет собой кажущееся простым изложение последовательных событий, в определённом смысле хроникальной записью действий молодого человека, начиная с первых мгновений до последних.

«Поезд медленно приближался к вокзалу. Я стоял возле окна, погружённый в увиденное и возбуждённый. Я помню всё. Огни, которых становилось всё больше, скопление людей в коридоре, перрон с толпой встречающих. После Флоренции я ощутил такую сонливость, что был вынужден ей подчиниться, попросив соседа разбудить меня перед Орвието» [2, с. 5].

Аналогичным образом выглядит финал романа:

«Приближается час дня. Я ещё успею на поезд, отправляющийся в два пятнадцать. Обед не съеден. Я не в состоянии есть. Разрываю коробку с книгами. Все отправляются сейчас на дно чемодана. Книга о святой Катажине выскользывает у меня из рук. Поднимаю её с пола и тоже толкаю вниз. Складываю спокойно вещи. Мысли проясняются. Я вновь анализирую происшедшее. События целого месяца. Я приехал сюда в первую очередь для отца, а по случаю и для себя. Мне ничего не удалось сделать. Я не решил научной проблемы, которая, как мне кажется, вскоре будет решена и без меня. Мой отец не будет исполнять в Тарнове тех функций, которые ему не дано выполнять в Торуне. Я не думаю, что в сложившейся ситуации, а преимущественно по причине его возраста, он решился бы на то, чтобы покинуть свой город. Вот результаты исканий в этом замкнутом кругу!» [2, с. 285].

Данные фрагменты чрезвычайно ярко иллюстрируют особенности функционирования художественного «Я» главного героя и одновременно автора. Предложения отличаются краткостью, несут достаточно большую коммуникативную

нагрузку и фактически с первых строк выражают стремление насытить читательский интерес к происходящему предельно чёткой информацией. Складываются условия для художественного эксперимента, в котором автор передаёт свои полномочия повествователя главному герою. Несомненным, однако, является тот факт, что такой герой характеризуется определённой схематичностью, а в некотором смысле и предсказуемостью, поскольку в гораздо большей степени представляет собой производную не авторского вдохновения и фантазии, а авторского интеллекта и писательского опыта. Главный герой в романе Брезы не имеет имени, фамилии. Известно только, что он поляк. Что приехал «оттуда», то есть из-за железного занавеса, через некоторое время после того, как этот железный занавес слегка приоткрылся. Что приехал по делам своего отца, замешанного, в некоторой степени, в политические хитросплетения недавней эпохи, особенно сложные в церковно-светских перипетиях. Говоря о «Ведомстве», Бреза подчёркивал, что речь идёт о «происшествии, которое могло с каждым из нас в этом мире случиться» [4, с. 176]. Анонимность героя и ведомства объединились конкретной общественно-политической основой.

Что касается непосредственно самого героя, то представляется необходимым подчеркнуть тот факт, что критика не отличалась по отношению к нему излишней терпимостью. Прежде всего, отмечалось отсутствие у него каких-либо выдающихся черт и неординарных реакций на те или иные события.

«Он безмятежен, аполитичен и хорошо воспитан», — характеризовал героя Тадеуш Древновский [3, с. 258]. Один из основных исследователей творчества Т.Брезы Владислав Мацёг ставил в вину центральному персонажу «Ведомства» экзистенциальную пассивность, которая наблюдается, по его мнению, у «всех хорошо воспитанных людей» [4, с. 260]. Следует отметить, что подобные оценки явно преувеличены, если обратить внимание на основную идею произведения. К ней относится стремление автора показать подлинную сущность конфликта основополагающих проявлений общественного существования в их наиболее общих, обычных, неэкстремальных версиях. Именно по этой причине герой Брезы не воинствующий атеист, а только лишь основательно подготовленный паломник, поклоняющийся могуществу ведомства и почитающий его кульп. Подобное отношение к происходящему позволяет молодому человеку романа верить в возможность конкретного разрешения своих проблем.

«— Я приехал в Рим, — подчёркивает он, — полон доверия. Я приехал побуждаемый к действию желанием, чтобы этому превышению полномочий, которое допустил епископ по отношению к моему отцу, пришёл конец. Тактично и деликатно, безусловно, но, тем не менее, в согласии с правом и справедливостью» [2, с. 134]. Подобная трактовка главного героя является наиболее приемлемой для реализации писательского замысла Брезы. Его персонаж — это не выдающаяся индивидуальность творчески и решительно преодолевающая многочисленные преграды; не диктатор, уничтожающий старые принципы и устанавливющий собственные; не, наконец, психически неуравновешенный человек, действия которого можно было бы как угодно извратить и свести к минимуму, используя его уязвимость. Из вышесказанного следует, что на определённую автором «Ведомства» роль требовался «хорошо воспитанный» [2, с. 295], принципиально убеждённый в справедливости своего дела, полный доверия к окружению, способный трезво оценивать действительность герой. В свою очередь, определение приёмов и методов разрешения возникших проблем, система хитроумных компромиссов и консультаций принадлежат приятелю отца, более компетентному по отношению к происходящему, адвокату Кампилли. Итак, главный герой представляет определённую культурную формуацию. Известно, на чём

она основана, сколь велико её влияние и где находятся границы этого влияния. Используя такого героя, Бреза исключил возможность непредвиденных реакций. Не существует ничего, что могло бы пошатнуть интеллектуальную конструкцию произведения, поставить под сомнение справедливость и уместность использования того или иного художественного приема.

В «Ведомстве» Бреза возвращается к своей излюбленной повествовательной манере: повествованию от первого лица. Подобную поэтическую технику мы можем наблюдать в «Адаме Грывалде», «Зависти», с определёнными отступлениями в «Стенах Иерихона» и «Небе и земле». Более поздние произведения отмечены присутствием объективного повествования от третьего лица. Однако в «Бронзовых вратах» и в «Ведомстве» автор возвращается к старой стилистической форме, возвращаясь, впрочем, с определённой долей условности. Передавая нить повествовательной интриги в руки главного героя, Бреза не наделяет его специфической, характерной, к примеру, для Пруста, способностью эффективного разрешения психологических проблем. Подобный приём гарантирует повествованию без существенного ущерба для его правдоподобности интеллектуальную многозначность и расширяет границы творческих возможностей писателя. Следует также отметить использование в «Ведомстве» традиций первых произведений Брезы: чувства одиночества, несоответствия той или иной среде, враждебности окружающего мира. Показательным в данном контексте является следующий фрагмент:

«Мне запомнилось, что я не отдал чемодан носильщику. Все отдавали, а я нет; это я тоже помню. <...> Я двигался медленно. Не обращая внимания на окружающих. Я чувствовал волнение. Не знаю почему. Собственно, нет ничего постыдного в незнании здешних порядков» [2, с. 261].

Несколько иную функцию выполняют мотивы научных поисков главного героя, занимающегося объяснением, на основании старых архивных материалов, термина Рота. По причине различных трудностей исследования не принесли желаемого результата — доказательства нового содержания термина. Рота сохраняет два своих традиционных значения: высший апелляционный суд в Ватикане и средневековое колесо пыток. Для героя произведения эти оба значения сливаются в одно, означая психическое подавление индивидуума посредством абстрактной, поэтому непонятной силы.

Развитие действия в «Ведомстве» связано с различными неожиданными происшествиями, событиями, неоднозначными, зачастую причудливыми сочетаниями фактов и явлений: неоднократно радикально изменяются возможности выполнения основной миссии, чтобы в конце концов всё зашло в логический тупик: курия, решая проблему, собственно, её не решает. В подобном finale романа Т.Древновский усматривает насмешку писателя над традиционными жанровыми структурами: «...соломоново решение Роты не является happy endem, как, впрочем, не является и катастрофой» [3, с. 34]. В таком finale критика усматривала один из многочисленных сигналов эссеистической природы произведения, а в данном случае сознательной незавершённости литературного оформления темы, что уже имело место в некоторых предшествующих книгах Брезы, например, в «Пиру Валтасара», «Бронзовых вратах». Однако в данном случае автор вынужден был решать более сложные проблемы, поскольку эссеистически структурированный сюжет требовал совмещения структурных особенностей романа, пусть не совсем традиционного, но обуславливающего жанровую принадлежность «Ведомства» и проявлений литературного эссе, а также необходимости рассмотрения в границах тестового пространства сложных интеллектуальных противоречий. Только на первый взгляд повествование ведётся от первого

лица, главного героя — автора. Постепенно влияние собственно автора, выступающего под маской героя произведения, становится доминирующим. Повествование из личностного трансформируется в описательное. Роман всё меньше рассказывает о молодом поляке в Риме, но гораздо больше о механизмах функционирования Курии. В «Ведомстве» наступает определённая объективизация действия, приданье ему многозначности посредством мнений различных персонажей, а также через некоторое обобщение всего содержания. Благодаря этому единичный случай, ничего, по сути, не значащее происшествие в ведомстве, становится своеобразным эталоном всех ситуаций, в которых человек сталкивается с отчуждёнными производными своей собственной культуры. Выразительным показателем эссеистической универсализации проблематики произведения является удачное, по мнению критики, изменение первоначального названия романа — «Миссия», выведившегося из развития сюжета, на «Ведомство» — относящееся уже непосредственно к интеллектуальной плоскости произведения.

Использование в романе стилистических средств, принадлежащих к области эссеистической прозы, например, многочисленные метафизические и параболические сцены «Ведомства», основывается на различных элементах структуры произведения. К их числу можно отнести: главного героя, построение сюжета, соотношение отдельных сцен, сюжетов и мотивов. В отличие от многих современных писателей Бреза не конструирует абстрактные модели мира для выражения важной интеллектуальной проблематики, а вписывает её в культурно-исторические или психологические реалии. Нечто подобное происходит и в «Ведомстве». Ватиканская реальность в данном произведении приобретает — благодаря разнообразным приёмам — метафорическое звучание.

1. Breza T. Nelly. O kolegach i o sobie. — Warszwa, 1970.
2. Breza T. Urząd. — Warszwa, 1973.
3. Drewnowski T. "Urząd" Tadeusza Brezy. — Warszwa, 1967.
4. Dąbrowski M. Tadeusz Breza. — Warszwa, 1982.
5. Żółkiewski S. Przepowiednie i wspomnienia. Urząd za spiżową bramą. — Warszwa, 1963.

Поступила в редакцию 13.12.2002.

E.Pankov is engaged in scientific researches of the Polish literary essay. He pays much attention to T.Breza's (1905-1970) creative work which is a characteristic feature of the intellectual and philosophical bases. The author of this article points out that a parabolical measuring of the novel «The department» has analogy to F.Kafka's novels.

Паньков Евгений Аркадьевич, преподаватель кафедры польской филологии ГрГУ им. Я. Купалы.

УДК 811.161.1:81'36

А.В.Никитевич

К ТЕОРИИ ДЕРИВАЦИОННЫХ СОЧЕТАНИЙ. ДЕРИВАЦИОННЫЕ СОЧЕТАНИЯ В СОСТАВЕ НОМИНАТИВНОГО КЛАССА «ГЛАГОЛ»

В статье рассматриваются различные типы деривационных сочетаний как дискретных соответствий производным глаголам.

Сочетания в деривационной функции — деривационные сочетания — впервые были глубоко и всесторонне описаны в работах В.М.Никитевича [1, 2, 3].

Убедительно доказав существование строго моделированного способа представления деривационных значений, В.М.Никитевич указал на определяющие признаки деривационных сочетаний: 1) один из его компонентов выступает в значении словообразующего аффикса (аффиксов), 2) сочетание регулярно соотносимо с формантом словообразовательного ряда производных слов, 3) коммуникативная функция и 4) эксплицитная связь, знаковое родство с мотивирующим словом [1, с.57-62]. В дальнейшем, в разработанной им теории деривационной грамматики, деривационные сочетания рассматриваются как одна из образующих форм номинативного ряда [1, 2]. Наиболее полному и систематизированному описанию подверглись деривационные сочетания как образующие формы в составе номинативных рядов личного субстантива [3]. Ср.: *бедняк — бедный человек, богач — богатый человек, ё — мужественный человек, ё — честный человек* и т.п.

Деривационные сочетания как эквиваленты глагольных номинаций не получили столь исчерпывающего и глубокого освещения. Лишь отдельные фрагменты теории деривационных сочетаний иллюстрируются на примере глагольных сочетаний. Например: «Сочетание безусловно является деривационным, если одно из его слов регулярно соотносимо с формантом словообразовательного ряда производных слов. Сочетания порядка *иметь намерение* (*надежду, желание*) выражают глагольность посредством слова *иметь*, которая может быть выражена также и аффиксацией в соотносительных глаголах *намереваться, надеяться* и т.п. Те ряды сочетаний с отождествляющим лексическим компонентом, которые с большей или меньшей регулярностью соответствуют деривационному аффиксу, безусловно включаются в систему номинативной деривации. На границе этой системы стоят такие сочетания, которые не отвечают условию регулярности, например: *одержать победу* (*победить*), *принять решение* (*решить*)» [1, с.59]. «...сочетания, в которых (отождествляющий) компонент единичен или лексически индивидуален, ... не включаются в деривационную систему и выступают как обычные номинативные корреляты отдельного слова. К ним относится большинство устойчивых глагольных сочетаний. Их связь с отдельным глаголом строится на экспрессивно-семантических и стилистических отличиях, сосредоточенных в самом глагольном компоненте сочетания (ср.: *упрекать — осыпать упреками, завидовать — лопаться от зависти*). Следовательно, перифраза, имплицитно соотнесенная с отдельным словом, тем более не может быть отождествлена с деривационным сочетанием (ср.: *сомневаться — не выражать уверенности*)» [1, с.63].

Задача идентификации деривационных сочетаний, выявление их специфических черт и типов в составе номинативного класса «Глагол» прежде всего зависят от точности описания тех словообразовательных структур, которые представлены в глаголах различных словообразовательных типов. Как известно, характер словообразовательной семантики производного глагола во многом зависит от значения части речи производящей единицы. Семантика той или иной части речи (существительного, прилагательного, глагола) может по-разному трансформироваться при проекции определенного содержания в глагол. Поэтому целесообразно рассмотреть семантику и структуру определенных типов деривационных сочетаний в пределах конкретных отсубстантивных, отадъективных и отглагольных словообразовательных типов. Так, среди аналитических соответствий производным отсубстантивным глаголам встречаются различные типы сочетаний. В одних случаях глагольный классифицирующий компонент в той или иной мере ослабляет свою лексичность и, фактически, выступает в функции деривационного аффикса. В частности, деривационная функция глагола

заниматься в сочетаниях типа заниматься критиканством, заниматься ябедами и т.п. развивается за счет все большего ослабления лексического значения, что способствует корреляции организуемых им сочетаний с глаголами, выражаяющими процессуальность в широком смысле. Как лексически знаменательное, полнозначное слово глагол заниматься выступает лишь в узкой сфере деятельности, являясь синонимом глагола учиться. Универсальный же характер глагола заниматься как деривационного слова проявляется в его способности сочетаться с именами, которые не имеют прямых глагольных дериватов в данном значении, либо процессуальность которых деривационно никак не выражена, скрыта в самой семантике слова. Например: заниматься пересудами — *Æ*, заниматься математикой (литературой, домом) — *Æ*.

К деривационным сочетаниям, безусловно, относится значительное число дискретных соответствий производных глаголов, мотивационно связанных с отвлечеными именами и именами лиц. Классификация данных аналитических единиц без труда осуществима по характеру глагольного классифицирующего компонента. Например: скромничать — проявлять скромность, смешить — вызывать смех, упорядочить — привести в порядок, паниковать — впадать в панику, обанкротиться — стать банкротом, слесарничать — работать слесарем, губернаторствовать — быть губернатором, лакейничать — вести себя как лакей и др. Данные единицы конструктивно связаны с родственным словом и способны в условиях контекста заменить соответствующий глагол. Не говоря уже о том, что они могут компенсировать в ряде случаев недостаточность собственно словообразовательных средств [4, с.184-190]. Регулярность и, в силу этого, лексическая опустошенность (правда, в различной степени) глагольного компонента, а также специфика семантики имени делает возможным включение данных единиц в модель сопоставления деривационно связанных способов представления глагольной семантики, т.е. в номинативные ряды.

Сочетания глаголов с предметными именами, как считается, лишены указанных выше характеристик и в качестве функциональных эквивалентов соответствующих глаголов не рассматриваются [5, с.15]. Причины этого обычно видятся в том, что глаголы в составе данных сочетаний лексически полнозначны, связь их с производящим именем свидетельствует о наличии в семантике производных единиц большого числа нерегулярных, идиоматичных по своему характеру смыслов, что, в конечном итоге, делает соответствующее сочетание неэквивалентным (недостаточно или не в полной мере) по смыслу той пропозиции, языковой «сверткой» которой и является производный глагол. Об этом убедительно свидетельствуют и словарные определения. Ср.: *столбить* ‘отмечать столбами какое-либо место, границы какого-либо участка’, *огосударствовать* ‘передать в собственность и ведение государства’, *треножисть* ‘связывать треногой передние ноги лошади с одной задней’.

Однако совершенно очевидно, что не во всех случаях можно с уверенностью провести четкую разграничительную линию между сочетаниями деривационными и недеривационными. Необходимо учитывать и некоторые промежуточные случаи. Проанализируем, к примеру, двуфункциональность слова производить в глагольных сочетаниях типа производить обувь (мебель...) и производить ремонт (вычисления...). В первом случае глагол сочетается с предметным именем как результатом — конечным продуктом действия. Во втором же случае этот глагол сочетается с отвлеченным именем действия. В первом случае глагол производить выступает в своем прямом, вещественном значении, результатом действия здесь является реальный, материальный продукт (обувь, мебель и т.д.). Во втором случае глагол производить выступает в служебной функции, в

значении деривационного слова, а реальный объект действия отсутствует, он не включается в семантику сочетания, а появляется как следствие его распространения: *производить ремонт* (чего?) — *тракторов* (обуви, мебели...). Лишь в этом служебном значении глагол *производить*, выступая как деривационное слово, коммуникативно соотносится с цельнооформленным глаголом (*производить ремонт* — *ремонтировать*). В своем же прямом значении *производить* — лексически полноценный глагол и сочетание, в которое он входит, соотносится не с цельнооформленным глаголом, а с деривационным сочетанием (*производить обувь* — *работать обувщиком*). Однако существенно то, что в обоих случаях, в прямой и служебной функции, глагол *производить* заключает в себе *сему процессуальности*, которая *переводит имя в класс глагола*. Это хорошо видно на примерах, когда сочетание с управляющим глаголом *производить* не имеет цельнооформленного коррелята: *производить полеты* — *Æ*. Таким образом, сочетания, в которых глагол *производить* выступает в деривационной функции, структурно совпадают с сочетаниями, где он выступает в прямом значении, но их следует принципиально различать.

Аналогично, заслуживают внимания различия, существующие между деривационными сочетаниями *работать кем* и менее регулярными, лексически конкретизированными конструкциями модели *работать чем*. Ср.: *мотыжить* — *работать мотыгой*, *лопатить* — *работать лопатой*, *Æ* — *работать вилами*, *Æ* — *работать ломом* и т.д. В последних примерах глагол *работать* сочетается с предметным именем как орудием действия и выступает в своем основном значении ‘физическая работа’. Однако семантика глагола *работать* даже в прямом значении является более абстрактной, отвлеченной по сравнению с конкретными лексическими сочетаниями — аналогами таких производных, как глаголы *мотыжить* и *лопатить*. Ср.: *мотыжить* — *окучивать мотыгой*, *лопатить* — *копать лопатой*, *разгребать лопатой*, *сгребать лопатой*, *пересыпать лопатой*. В этом смысле глагол *работать* выполняет деривационную функцию, а сочетания типа *работать чем* являются деривационными, несмотря на указанную лексическую полнозначность глагола. Как это ни парадоксально звучит, по мнению ряда исследователей, «степень аналитичности конструкции тем выше, чем в меньшей, а не в большей степени выветрилось значение служебного слова», «предельно аналитичным является свободное словосочетание, если оно используется для выражения категориального значения» [6, 7].

С другой стороны, совершенно очевидно, что, помимо лексической полнозначности отдельного слова, глагола следует вести речь и о значении сочетания слов как комбинации, синтезе (взаимопересечений) значений входящих в него слов-компонентов. *Ставить клеймо*, *забивать клин*, *резать пилой* — не просто сочетания глаголов-действий с объектами (в широком смысле): результатом, объектом, орудием, но целые фрагменты, и их целостность подтверждается существованием отдельных слов-глаголов (*клеймить*, *клиновать*, *пилить*). Взаимная связь компонентов в подобных сочетаниях неслучайна: предметное (даже предметное!) имя связано с определенным(и) действием(ями), функциональным использованием [7]. Особенности именной семантики, «модус существования» имени диктуют выбор вполне конкретного глагола, либо ограничивают их круг двумя-тремя, но объединенными обозначением функциональной предназначенностии того, что представлено именем. Например: *клин (ббивать)*, *пила (пилить, резать)*, *клеймо (ставить, выжигать)*. В этой связи мы обратили внимание на следующее замечание М.В.Панова: «Такое (инструментальное) значение появляется в том случае, если глагол и основа существительного-дополнения имеют общие семантические признаки (выделено нами — А.Н.). *Топор — то, чем рубят*.

Поэтому понятно выражение *рубить топором* [8, с.195]. Однако в одних случаях обозначения действия получают форму производного глагола (*копать лопатой — лопатить*), а в других — нет (*рубить топором — Э, резать ножом — Э*).

Существенным, по нашему мнению, является то обстоятельство, что свободные (с точки зрения синтаксиса) сочетания могут оказаться вполне не-свободными по их отношению к процессу словообразовательного синтеза. Лексически полнозначный глагол *ставить*, например в сочетании с существительным *клеймо*, выполняет уже строевую (подчиненную) роль, ослабляет или, точнее сказать, специфицирует свое лексическое значение. Не следует забывать о том, что в принципе любой, даже полнозначный глагол способен выполнить и строевую роль. Поэтому заслуживают внимания не только факты «морфемизации отдельных глагольных лексем» [9, с.118], но и, судя по всему, многочисленные и по-настоящему еще не исследованные случаи функционального ослабления полнозначности глагола (ср.: *ставить книгу на полку и ставить отметку, ставить клеймо*), его способности образовывать с именем более тесное единство, которое, возможно, и послужит толчком к появлению нового производного слова.

Несмотря на то обстоятельство, что сочетаний с предметными именами очень много и все их принято считать свободными, многие из них способны по отношению к процессу деривации выполнить ту же роль, что и устойчивые глагольные сочетания с отвлеченными именами. Они являются аналитическим, дискретным способом представления значений, идентичных словообразовательным, или, согласно определенной точке зрения, тем из них, которые могут получить статус лексико-словообразовательных [10]. Влияние лексической семантики производящей основы на специфику словообразовательного значения производного во многих случаях столь очевидно, что интерпретация глаголов и соответствующих им сочетаний в указанном аспекте представляется нам вполне обоснованной. При неповторимости внутренней структуры многих производных слов трудно ожидать повторяемости целого ряда компонентов у их развернутых соответствий. Всегда следует помнить о гибком и одновременно сложном механизме взаимодействия лексического и нелексического (словообразовательного, грамматического) в слове, а тем более, в сочетании слов. Поэтому данные сочетания с лексически конкретизированным глагольным компонентом нами также включаются в состав соответствующих номинативных рядов, хотя они, безусловно, обладают своей спецификой [11].

Категоризирующая (а не только дифференцирующая) функция деривационных сочетаний, там, где это наблюдается, в первую очередь связана с семантической спецификой классифицирующего компонента — ядерного глагола. Так, глагол *покрываться* в функции деривационного слова характеризуется способностью соединяться с объектами различной природы: *покрываться потом (снегом, инеем, лаком, олифой...)*, а следовательно, вбирает в себя семантику целого ряда словообразовательных значений. Вряд ли сочетание *покрываться снегом* будет соответствовать словообразовательному значению ‘выделять что’. Вместе с тем, именно примеры подобной категоризации, категоризации обобщения, идентификации, категоризации на уровне неслова, но деривационно связанного с ним сочетания, заслуживают самого пристального внимания, поскольку вполне естественны для механизма функционирования языка. Естественность связи, преемственность обнаруживают себя также в том, что сочетания способны абстрагироваться от конкретных аффиксов (т.е. соответствовать производным глаголам с различными аффиксами) и являться способом представления тех же оппозиций, что и аффиксы в составе глаголов. Так, сочетание

покрываться потом соответствует глаголу *потеть* с аффиксом *-e-*, сочетание *покрываться лаком* — глаголу *лакироваться* с формантом *-ирова-(ть)-ся*. Глагол *дернеть* с коммуникативным соотношением *покрываться дерном* находится в известной оппозиции глаголам *дернить*, *дерновать* с сочетанием *покрывать дерном*.

Таким образом, в пределах любой группы глаголов, объединенных тем или иным частным значением, можно выделить две разновидности единиц: 1) глаголы, имеющие соотносительные деривационные сочетания (включая и лексически конкретизированные) и 2) глаголы, не имеющие соотносительных деривационных сочетаний. При этом во вторую группу попадут и такие глаголы, которым есть лексически развернутые соответствия. Ср.: *вихрить* — *крутить вихрем*, *туманить* — *заволакивать туманом*. Родственные по словообразовательному значению ‘проявляться (о субъекте)’ данным глаголы *порошить* и *дождить* вообще не способны характеризоваться посредством деривационно родственного сочетания. Ср.: *порошить* ‘идти, падать (о мелком снеге)’ и *дождить* ‘о начиняющемся дожде…’.

Следует не забывать также о том, что деривационные сочетания как способ представления определенной семантики могут составить особую, третью группу номинаций, не имеющих соответствий среди производных глаголов. Ср.: *покрываться листьями* — *Æ*, *покрываться битумом* — *Æ* и под. Большое количество конкретных словообразовательных моделей, даже отдельных слов (!), могут «подсказать», какое направление «свертывания» семантической информации могло получить, но не получило (!) в данном языке реализацию посредством важнейшей категории — прототипа для естественного языка — категории производного слова [12, с.194]. Так, среди глаголов, образованных от конкретных имен натурафактов, особое место занимает группа производных со значением ‘совершать действие с целью иметь что’: *зверовать*, *мышиковать*, *белковать*, *пантовать*, *соболевать*, *шишковать*, *ягодничать*. Специфика производящих — имен животных, названий плодов, ягод, — заключается в том, что в них содержится информация о практической пользе соответствующих реалий для человека, т.е. того, что они являются объектом промысла, охоты и т.д. Это объясняет формулировку словообразовательного значения в грамматике, а также особенности структуры и, самое главное, степень регулярности тех деривационных сочетаний, которые эксплицитно представляют семантику соответствующих производных глаголов. Ср.: *охотиться на зверя (на соболя, на белку, за мышами)*, *собирать шишки (ягоды)*. Понятно, что во многих случаях подобные структуры останутся за пределами словообразования: *охотиться на уток* — *Æ*, *охотиться на оленя* — *Æ*, *собирать грибы* — *Æ*. Даже наличие таких окказиональных фактов, как *налимничать* — *ловить налимов* (ср. у В.Астафьева: *Налимничать как-то отправились*) не позволит оставить без внимания другие, исключительно аналитические случаи представления подобной семантики. Ср.: *ловить фо*рель — *Æ*, *ловить треску* — *Æ*.

Характеристика глагольного компонента в формуле словообразовательного значения (‘действовать’) может получить практически любую лексическую конкретизацию. Так, *банить* — *парить в бане*, *гнездоваться* — *устраивать гнезда*, *квартировать* — *снимать квартиру*, *огородничать* — *работать на огороде*. Ср. также: *берлогжиться* — *житься в берлоге*, *оceanить* — *плавать в океане*, *острожничать* — *сидеть в остроге*, *курортничать* — *отдыхать на курорте*. Лексически конкретизированные сочетания, безусловно являющиеся коммуникативными эквивалентами данным производным глаголам, характером своего классифицирующего компонента подтверждают тезис о

том, что словообразовательное значение (частное, конкретизированное, как реальность коммуникативной системы языка, а не как сухая формула из текста грамматики) выражается не с помощью аффикса производного слова, не аффикс является его носителем [13, с.135], но есть результат взаимодействия семантики морфем — корневой и аффиксальной, есть синтез значений. Поэтому далеко не всегда аналогичные аналитические структуры в состоянии предстать в виде отдельного производного слова. Самостоятельным знаком — эквивалентом и способом представления определенной ситуации — должны быть признаны и некоторые, идущие от типичных словообразовательных структур, виды конкретных глагольно-именных сочетаний. Ср.: *устраивать жизнь* — *Æ*, *устраиваться на ночлег* — *Æ*, *снимать квартиру* — *Æ*, *снимать блок* (в общежитии) — *Æ*, *снимать особняк (виллу)* — *Æ*, *работать на заводе(фабрике, предприятии)* — *Æ*, *работать в поле* — *Æ*, *жить в городе* — *Æ*, *жить в деревне* — *Æ*, *жить в лачуге* — *Æ*. Естественно, что наличие одной производной единицы типа *берложисть* ‘живь в берлоге’, вряд ли говорит в пользу признания деривационными сочетаний с глаголом *жить* в сочетании с компонентом «место». Однако то, что в составе данных сочетаний глагол ослабляет свое вещественное значение, становится в некотором смысле переменной «пребывания в определенном месте», а основная смысловая нагрузка лежит на транспонируемом в глагол имени, не вызывает никаких сомнений. И тот факт, что в русском языке появился глагол от сочетания *жить в берлоге* (*берложисть*), но не появился от сочетания *жить в норе* (**норить*), — лишь факт поверхностной языковой структуры (причем, возможно, конкретного языка), но никак не глубинных семантических структур, лежащих в основе многих, основополагающих для познавательной деятельности человека, когнитивных моделей. Даже такие, лексически индивидуальные конструкции типа *плавать в океане* (*оceanить*) и *сидеть в остроге* (*острожночать*) должны быть учтены, так как, во-первых, они сигнализируют лингвисту о границах тех семантических линий, областей, которые могут быть подвержены конденсации. Об этом, кстати, убедительно свидетельствуют факты сопоставления даже родственных языков [14, с.234]. Так, в русском языке отсутствует производный глагол — эквивалент деривационному сочетанию *держать в тюрьме* — ?. Однако, ср. в польском: *więzienie* ‘тюрьма’, *więzic* ‘держать в тюрьме’. И, во-вторых, следует принимать во внимание то обстоятельство, что значительное число производных глаголов по характеру своей семантики не могут иметь аналитических эквивалентов в коммуникативной системе языка. Ср. в рассматриваемой группе значение глагола *токовать* ‘производить особые движения, издавать крики, петь’, а также рассмотренные ранее глаголы *порошить* и *дождить*.

Идентификация и выявление типов деривационных и лексически конкретизированных сочетаний как эквивалентов производных глаголов может явиться основой сопоставления несловообразовательного окружения деривационных полей в славянских языках.

1. Никитевич В.М. Основы номинативной деривации. — Минск, 1985.
2. Никитевич В.М. Теоретические основы деривационной грамматики. — Гродно, 1993.
3. Никитевич В.М. Субстантив в составе номинативных рядов (к проблеме деривационной грамматики). Дис.... д-ра филол. наук: 10.02.02. — М., 1973.
4. Никитевич А.В. Несловообразовательные номинации как потенциал «развития» деривационного гнезда // *Słowotwórstwo a inne sposoby nominacji. Materiały z 4 konferencji Komisji Słowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów*. — Katowice, 2000.
5. Zmigrodzki P. Właściwości składniowe analitycznych konstrukcji werbo-nominalnych w języku polskim. — Katowice, 2000.

6. Габриэль Кимпо. Аналитизм и его особенности в русском языке (системно-типологический аспект): Автореф. дис.... канд. филол. наук:10.02.02. — М., 1986.
7. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. — М., 2000.
8. Панов М.В. Позиционная морфология. — М., 1999.
9. Гайсина Р.М. Тенденции в глагольной номинации // Языковая номинация. — Минск, 1999.
10. Янценецкая М.Н. Словообразовательное значение и его виды: Основные понятия. Выпуск 1. — Томск, 1987.
11. Никитевич А.В. Отсубстантивные глаголы и их дискретные соответствия: семантика и комбинаторика составляющих // Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik. 5 Internationale Konferenz der Kommission fur Slavische wortbildung beim Internationalen Slavistenkomitee. — Wittenberg, 2001.
12. Никитевич А.В. Комплексные деривационные структуры в отношении к когнитивным структурам знания // Русский язык: исторические судьбы и современность. Труды и материалы Международного конгресса. 13-16 марта 2001 г. — М., МГУ, 2001.
13. Русская грамматика. — М., 1980. — Т.1.
14. Никитевич А.В. Деривационные сочетания как моделирование и экспликация типов глагольного словообразования в славянских языках // Славянский мир на пороге третьего тысячелетия. — Гомель, 2001.

Поступила в редакцию 18.12.2001.

Different types of derivative word-combinations are viewed as discrete correspondences to the derived verbs in this article.

Никитевич Алексей Васильевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ГрГУ им.Я.Купалы.

Хроніка

IX МЕЖДУНАРОДНЫЕ КАРСКИЕ ЧТЕНИЯ «Е.Ф.КАРСКИЙ И СОВРЕМЕННОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

16-17 мая 2002 года в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы (Республика Беларусь) прошли очередные, IX международные научные чтения в честь выдающегося ученого-слависта академика Е.Ф.Карского. (Международные Карские чтения проводятся с 1990 г. по инициативе кафедры русского языка Гродненского государственного университета в целях изучения, пропаганды и развития идей и научной школы Е.Ф.Карского, уроженца Гродненщины. Кроме белорусских ученых, в чтениях постоянно принимают участие филологи Литвы, России, Польши, Украины. Были и совместные международные проекты проведения Карских чтений. Так, VII Карские чтения под названием «Антрапоцентрический подход в исследовании языка» были проведены в 1998 г. в Нежинском, тогда педагогическом институте, ныне университете имени Н.В.Гоголя, в *alma mater* академика. Следующие за ними VIII Карские чтения под названием «Язык в свете классического наследия и современных парадигм» были проведены уже в пределах республики совместно Гродненским и Белорусским государственными университетами в декабре 2000 года к 140-летию ученого. Дважды (в 1990 и 2000 гг.) в чтениях принимала участие внучка ученого, известный филолог из Санкт-Петербурга Т.С.Карская.

IX Карские чтения состоялись под традиционным названием «Е.Ф.Карский и современное языкознание». География участников (а их было свыше 80 человек, заявлено же еще больше — 123) значительно расширилась: в Гродно приехали также ученые из Казахстана и Японии. Расширилась она и применительно к научным центрам и вузам России и Украины: кроме постоянных участников — филологов Московского и Нежинского государственных университетов, с которыми у гродненских ученых существует долгое творческое сотрудничество, в чтениях участвовали ученые из

Санкт-Петербурга и Салехарда, из Луцка и Каменец-Подольского, из Львова и Одессы. Пополнился состав участников из Польши: в соответствии с Договором о сотрудничестве между ГрГУ и Белостокским университетом прибыла делегация лингвистов из Белостокского университета. Белорусские ученые представили на чтениях почти все университеты республики.

Чтения открыл ректор Гродненского госуниверситета профессор С.А.Маскевич, с приветственным словом выступил также декан филологического факультета ГрГУ В.К.Церлюкович.

Широкий диапазон вопросов (а тематика чтений это предусматривала) обсуждался на трех пленарных и шести секционных заседаниях.

На первом пленарном заседании было заслушано семь докладов. М.Кондратюк (Белосток) в докладе «Академик Е.Ф.Карский как начинатель исследований белорусских говоров западной части бывшей Гродненской губернии» охарактеризовал методику и результаты исследований Карского какialectолога, дал информацию о состоянии исследований белорусских и переходных говоров на указанной территории (ныне северо-восточной части Польши) польскими dialectологами. В докладе Е.И.Янович (Минск) «Е.Ф.Карский — палеограф» рассмотрены основные труды ученого в области славянской палеографии: курс лекций, работы по описанию и изданию древних славянских памятников, работы по белорусской палеографии, основоположником которой он являлся. Отмечена характерная черта Карского-палеографа: тесная связь палеографических и историко-лингвистических интересов. М.В.Всеволодова (Москва) в докладе «Словосочетание как объект функционально-коммуникативной модели языка» предлагает иное, в соответствии с прикладной моделью языка, понимание словосочетания как

полифункциональной единицы синтаксиса, обладающей денотативной, сигнifikативной и формальной синтаксической структурой, проявляющей свои свойства только в конкретном предложении-высказывании. Даётся типология словосочетаний в соответствии с их полевой организацией по степени связанности компонентов, перечисляются функции словосочетания, указываются факторы, обусловливающие эти функции. В докладе В.И.Коваля (Гомель) «О фразеологических эвфемизмах в народных песнях о любви» вскрывается глубинный эротический код, заложенный в белорусских народных песнях и реализованный в эвфемистических ФЕ с лексемами *конь, ведро, венок, гриб*. Доклад Р.В.Железновой в соавторстве с Н.А.Качаловой (Москва) «Русская историческая ономастика как важнейший лингвистический источник реконструкции апеллятивной лексики XI-XVII вв.» свидетельствует, что многие слова древнерусского ономастикона суть производные от апеллятивов, уже существовавших в системе языка. Неподдельный интерес аудитории вызвал доклад А.А.Гирицкого (Минск) «Тетраграмма YHWH и ее формальная и семантическая интерпретация», в котором рассматривается история возникновения и судьба в библейских текстах известной тетраграммы. Идея доклада «К типологии единиц релятивной грамматики: компараторы идентификационного тождества и абсолютива» М.И.Конюшкевич (Гродно) состоит в обосновании необходимости еще одного уровня лингвистического анализа — уровня релятивной грамматики; показывается типология средств этой грамматики (компараторов) с двумя разновидностями отношения — отношения идентификационного тождества и отношения абсолютива как двух полярных видов отношения на шкале «экватив — компаратив». В докладе Л.В.Зубовой (Санкт-Петербург) «Древнерусский язык в поэтическом отражении: Виктор Соснора» даются анализ и оценка «востребованности современной постмодернистской поэзией прежних структур», когда казалось бы навсегда утраченные свойства языковой единицы вновь становятся ощущимыми в особых условиях стихотворного текста, а это «позволяет утверждать, что поэзия активно отражает предшествующие, а нередко и вероятные будущие языковые состояния».

На втором пленарном заседании С.В. Конявская (Москва) показала возможности использования дискурсивных характеристик для жанровой классификации и сопоставительных исследований текстов, принадлежащих разным времененным срезам («Древнерусская словесность и понятие дискурса»). В докладе А.С.Белой (Нежин) обращается внимание на то, как

исследовательское кредо Е.Ф.Карского — каждый факт белорусского языка рассматривать на фоне других славянских языков — проявляется в исследовании украинско-белорусских языковых связей на фонетическом и лексическом уровнях. Б.К.Мурзалина (Алматы), раскрывая взаимодействие значений, выражаемых лексико-грамматическими, интонационными средствами и контекстом, делает сопоставление семантико-прагматического потенциала русского и казахского предложения, отмечает больший интонационный диапазон высказывания в русском языке и более выраженную роль лексикографических средств в казахском языке («Семантико-прагматический потенциал высказываний, конкретизируемый интонационными средствами»). Доклад «Вариативность и синонимика безличных статальных предложений» Н.Н.Арват (Нежин) посвящен разграничению вариативных и синонимичных безличных статальных предложений и выявлению в каждой из этих разновидностей инвариантного предложения. Насыщенный интересными иллюстрациями доклад «Межэтническое общение в свете этнолингвистики» И.И.Токаревой (Минск) пронизан идеей необходимости системной интеграции социологии, лингвистики и этнографии в новой парадигме коммуникации без эгоцентризма и негативной стереотипизации. В докладе Е.В.Ничипорчик (Гомель) «Русские, итальянские и немецкие пословицы со структурой тождества: универсальное и специфическое» рассмотрены как общие, так и специфические для трех неродственных языков семантико-синтактические модели со структурой тождества.

На третьем, заключительном, пленарном заседании были заслушаны два доклада. И.М.Кобозева (Москва) на примере реплик диалога героев «Мертвых душ» Гоголя рассматривает в докладе «Архитектура прагматического компонента модели порождения высказывания» модули прагматического компонента модели порождения высказывания, минимально необходимые для достижения коммуникативной цели. М.В.Всеволодова во втором своем докладе «К вопросу о предлоге как части речи» развила идеи, высказанные ею на недавно прошедшей конференции в Болгарии. В частности, в определении массива и границ русского предлога М.В.Всеволодова предлагает опереться на полевую организацию этой части речи, включающую несколько концентров в зависимости от степени «определенности» лексем, входящих в данное поле.

В силу сжатости времени, отведенного на секционные заседания (половина), работало шесть секций.

Заседание секции «Функциональная грамматика» открыл доклад М.Номати (Токио) «О

так называемом «дательном падеже принадлежности» с коммуникативной точки зрения», в котором рассматриваются условия употребления дательного падежа принадлежности и его коммуникативная роль по сравнению с аналогичными по семантике родительным падежом существительного и притяжательным местоимением. Реализация собственно целевого значения в «малых» жанрах русского и белорусского фольклора была предметом рассмотрения в одноименном докладе В.Л.Лещенко (Гродно). Специализация абсолютивных глаголов, порождающих три типа одновалентных предикатов — действия, процесса и состояния — была проанализирована в докладе Н.Б.Иваницкой (Винница) «Функциональные параметры абсолютивных глаголов украинского языка в семантико-сintаксической структуре предложения». Значение собственно противоречия как одна из субкатегорий дипласивной семантики (семантики временного равновесия сходного и различного) было предметом доклада Е.П.Пустошило (Гродно). Диапазону и специфике актантных ролей слова *больной* в медицинских текстах посвятила свой доклад И.В.Песоцкая (Гродно), сопоставлению способов реализации в русском и белорусском языках типовой ситуации внешней причины осознанного действия — доклад И.А.Усаченко (Гродно). В докладе Л.И.Смольской (Гродно) на материале языка газеты даётся описание экспликаторов значения неопределенности субъекта в различных типах конструкций, в докладе Е.В.Близнюк (Минск) рассматривается комплекс факторов, определяющих понятие глагольного управления. О направлениях формирования модальной семантики нежелания, невозможности в восточнославянских языках — тема доклада О.Н.Мельниковой (Гомель). Преломлению логической модели сложного предложения в области риторики, использование структуры данных конструкций как средства развития «идей» посвящен доклад Г.Н.Жданени (Гродно). Функциональные особенности внутрисистемных значений применительно к созданию семантического словаря для поиска информации и реферерирования письменных научных текстов показаны в докладе А.Ю.Станкевич (Гродно).

В секции «Словообразование и номинативная деривация в славянских языках» участвовало 10 докладчиков. Вопросы соотнесенности / несоотнесенности семантических групп глаголов состояния и действия к их дискретным коммуникативным соответствиям были темой доклада А.В.Никитевича (Гродно). В аналогичном аспекте рассматривались глаголы и аналитические наименования деятельности лица как деривационные сочетания гла-

гола в докладе А.Н.Овчинниковой (Гродно), межъязыковая асимметрия деривационных полей глаголов эмоционального состояния в русском и белорусском языках показана в сообщении О.А.Кот (Гродно). Сопоставление дериватов с суффиксом *-н-* в русском и белорусском языках проводится в докладе О.А.Фелькиной (Брест). М.В.Золотова (Минск) на материале болгарского и белорусского языков рассматривает возможные пути семасиологического подхода к сопоставительным исследованиям глагольной префиксации. Контекстные условия появления производных существительных с целью свертывания пропозиций на материале текстов произведений В.Токаревой анализируются в докладе О.В.Костюкевич (Минск). Деривационные процессы в русской экономической терминологии проанализированы в докладах В.Мешковской (Белосток) и А.Ю.Корнеевой (Москва), ботанической терминологии в белорусском языке — в докладе Е.Н.Лапковской (Гродно).

Широкий спектр проблем общения был предметом обсуждения в секции «Прагматингвистика». В докладе Т.А.Пивоварчик (Гродно) очерчивается объем понятия «категория персонализации», которую она понимает как прагматингвистическую категорию, выражающую представление говорящим себя и других в системе ролей (коммуникативных, ситуативных, социальных), «встраивание» позиций каждого коммуниканта в общую речевую ситуацию. Эволюция концептуального в речевом этикете восточных славян понятия *Привет* исследуется в докладе Н.С.Гребенщиковой (Гродно), случаем метафоризации номинаций лица в русском ярго посвящен доклад И.Хомко (Белосток). Возможности Словаря Даля для исследования этностереотипов и их места в русском языковом сознании продемонстрированы в докладе О.В.Потаповой (Минск). Особенно пристальное внимание исследователей касалось вопросов учета лингвопрагматического компонента языковой единицы при сопоставлении языков. Так, А.Г.Павловская (Гродно) обратила внимание на важность учета эмфатических средств при переводе древнегреческих текстов Евангелий на другие языки — английский, русский, белорусский. Сопоставительной типологии безэквивалентных ФЕ (дифференцируются этнолингвистические, собственно безэквивалентные и аналоги ФЕ), эксплицирующих невербальные средства коммуникации, посвящен доклад Ж.Червинской-Сладкевич (Гданьск), сопоставлению антропонимических моделей английского и белорусского языков — доклад Л.В.Викторко (Минск). В докладе Е.Конефал (Белосток) прослеживаются успехи и неудачи перевода на польский

язык экспрессивных обращений в «Бедных людях» Ф.М.Достоевского.

Несколько докладов было посвящено вопросам общения. В докладе О.В.Гилевой (Гродно) рассматривается генезис понятия «интерактивный аспект общения», конкретизируется типология стратегий взаимодействия коммуникантов. Типология стереотипов разговорной речи студентов г. Могилева дана в докладе М.В.Ладутько (Могилев), отмечена тенденция к использованию студентами экспрессивных и табуированных лексем в условиях становления группообразования и естественной иерархии. Применение теории лица Э.Гоффмана в объяснении природы ритуализированного вербально-го поведения демонстрируется в докладе И.А.Бережного (Минск), практические рекомендации для формирования навыков ведения деловой беседы даются в докладе Л.И.Мамонтовой (Могилев).

Секция «Язык в пространстве и времени» объединила исследования историко-этимологического, социолингвистического и диалектологического характера.

Историко-этимологический анализ названий фруктов и их функционирование в современных русском и польском языкахается в докладе И.Лукашук (Белосток), о различиях лексических вариантов и глосс в текстах памятников письменности XI-XVII вв. говорилось в докладе М.А.Бурибаевой (Алматы), родовые и видовые праславянские названия хлеба в русском и белорусском языках были предметом рассмотрения в докладе Н.И.Шабулдаевой (Гомель). Анализ трансформаций лексики с семантическими изменениями (дифференциацией, конкретизацией, генерализацией значений) в переводах со старорусского на польский делала в своем докладе Б.Е.Подешвилик (Белосток), а предметом внимания ее белостокской коллеги Л.Цитко был анализ графики и орфографии «Хроники Быховца», произведения XVI в.. транслитерированного с западнорусского (старобелорусского) языка на польский. В докладах могилевских лингвистов Л.И.Шаповаловой и В.Б.Сузанович, исследовавших языковую ситуацию в малых городах и сельской местности Верхнего Поднепровья, русско-белорусское двуязычие характеризуется как двуязычие с неразграничением общественных функций русского и белорусского языков и с необозначенностью приоритетов белорусского языка по сравнению с русским.

Диалектология на секции была представлена докладом исследователя из Бреста В.В.Борисюка, посвященным анализу особенностей падежных форм существительных в вядском (на Полесье) говоре, а также докладом Н.А.Даниловича (Гродно), определившим критерии

выделения фразеолого-сintаксических диалектизмов.

Теоретическим и практическим аспектам формирования языкового сознания и языковой личности была посвящена работа секции «Языковая личность и языковое сознание». Языковое сознание студента как языковой личности стало предметом внимания в докладах Л.П.Мухаммад в соавторстве с Х.И.А.Мухаммад (Щекино) и Е.К.Сычовой (Могилев). В первом докладе на основе уточнения понятий «личность как реальность» и «личность как модель» предлагается методология обучения РКИ, основывающаяся на параллельном формировании противоположных типологических свойств личности, на интегрирующей когнитивно-вербальной речевой деятельности студента-инофона. Во втором докладе на материале употребляемой в разговорной речи студентов лексики был обрисован вуз в языковом сознании студента. На анализе синонимии глаголов говорения в белорусском литературном языке и диалекте, рассмотренных в акустическом аспекте, представлено языковое сознание «человека говорящего» в докладе И.С.Лисовской (Гродно). О необходимости риторики как необходимой составляющей в формировании языковой личности, а также пути «риторизации» образования (среднего и высшего) в Беларуси и России говорилось в докладах С.М.Антоновой (Гродно), Е.Н.Новик (Гродно), С.Е. и Е.Б.Тихоновых (Салехард).

Лингвотекстологической и лингвокультурологической проблематике была посвящена работа секции «Язык. Литература. Культура».

В докладе М.Д.Путровой (Новополоцк) приводятся экспериментальные доказательства текстообразующей роли голоса, постулируется важность передаваемой голосом гендерной информации. С.А.Горская (Гродно) предлагает трактовку концепта «озера», основанную на известной системе четырехступенчатой (исторической, тропологической, аллегорической, аналогической) классификации смыслов Св.Писания. Сопоставительный обзор наблюдений над символикой солнца и воды в свадебных обрядах славянских и других народов дается в докладе О.В.Касперович (Минск), основные сакральные функции колоратива «красный» в текстах русских и белорусских заговоров на фоне других славянских культур — в докладе И.Г.Евтуховой (Гомель). Типологии авторской афористики Я.Коласа посвящен доклад Ю.В.Назаренко ((Минск), цветописи ранних произведений К.Г.Паустовского — доклад Т.В.Павлюкевич (Гродно), в котором, в частности, автор подвергает сомнению существующее утверждение, что любимым цветом писателя был серый: количественные

данные свидетельствуют о том, что романтизм раннего Паустовского проявляется в тяготении к черному цвету. Анализ метонимии и синекдохи в теории тропов и фигур византийского филолога Хировоска (VI) дан в докладе О.Г.Прокопчук (Минск). Н.Г.Музыченко на материале словарных дефиниций, речевых клише и результатов ассоциативного эксперимента обрисовала концептосферу слова *гора* в русской лингвокультуре. Подчеркнув пионерский характер некоторых научных положений Е.Ф.Карского, Т.Г.Бобковой (Могилев) на ряде фактов из истории науки и культуры привела примеры других белорусских приоритетов в этих областях человеческого знания.

При подведении итогов IX Карских чтений выступающими отмечались высокий представительский и научный уровень данной кон-

ференции, ее растущая, вопреки сложным обстоятельствам (прежде всего финансовым), популярность среди научной общественности, исследовательская компетентность и активность молодых ученых.

Материалы чтений готовятся к изданию и выйдут из печати в первом квартале 2003 года. Следующие, X Карские чтения (дважды юбилейные, к 145-летию Е.Ф.Карского) решено провести в мае 2005 года. Оргкомитет Карских чтений обращается к представителям всех университетов и научных центров, которые в той или иной мере связаны с именем, научным наследием и деятельностью Е.Ф.Карского (Санкт-Петербургский, Московский, Киевский, Варшавский университеты, Российская и Чешская академии наук и др.), с просьбой принять участие в организации и проведении юбилейных Карских чтений и ждет предложений.

М.И.Конюшкевич,

доктор филологических наук,
профессор, зав. кафедрой русского языка
Гродненского государственного университета
имени Янки Купалы,
председатель оргкомитета
IX Карских чтений

Змест

Гісторыя

Кулевіч І.Р. Першы Усебеларускі з'езд: гісторыяграфія праблемы	3
Лінкевич В.Н. Межконфесіональные отношения в Беларуси в 60-е годы XIX в.	12
Блінова Т.Б. Источники по истории ордена иезуитов в Беларуси (конец XVI в. — 1820 г.)	17

Філасофія

Мохсен Али Еслам Ба-Шугейра. Традиционные ценности аравийских обществ в контексте современного взаимодействия цивилизаций Востока и Запада	24
Степаненко И.Б. Проблемы социальной адаптации личности	34

Паліталогія і сацыялогія

Цыганкова Л.И. Права детей: становление, достижения, проблемы	43
Криштапович Е.А. Исторический процесс: от глобализации к демократизации	53

Культуралогія

Донских С.В. Обреченные на вечную молодость: социокультурные перспективы современной молодежи	61
Барановская Т.Г. Методология А.Ф.Лосева как основа культурологического подхода в философии музыки	68

Педагогіка

Макарова Н.П. О некоторых проблемах компьютеризированного обучения на факультетах нематематического профиля университетов	75
--	----

Псіхалогія

Карнелович М.М. Проблема формирования рефлексии у учителей как психологической детерминанты профессиональной педагогической деятельности	81
---	----

Правазнаўства

Станкевич Н.Г. Понятие и виды вещных прав на землю	89
Хилюта В.В. Сущность и содержание способов совершения мошенничества в сфере банковской деятельности	100

Толочко О.Н. Внешнеэкономическая сделка: сущность, правовая дефиниция и особенности регулирования	108
---	-----

Філалогія

Пустошило Е.П. Категория дипласии (временного равновесия сходного и различного) как составляющая функционально-семантического поля сравнения	118
Церлюкевич В.К. К проблеме общей теории описания непроизводных и производных слов	127
Суцько І.І. Адад'ектыўныя субстантывы з семантыкай фемінінасці	131
Паньков Е.А. Топос эссеистического лабиринта в романе Т.Брезы «Ведомство»	138
Никитевич А.В. К теории деривационных сочетаний. Деривационные сочетания в составе номинативного класса «глагол»	144

Хроніка

IX международные Карские чтения «Е.Ф.Карский и современное языкознание»	152
--	-----

ПРАВИЛА НАБОРА АВТОРСКИХ СТАТЕЙ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ В ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ ДЛЯ КОМПЬЮТЕРНОЙ ВЕРСТКИ

Статьи, направляемые в редакцию журнала «Вестник Гродненского государственного университета», должны удовлетворять следующим требованиям:

1. Тщательно отредактированная статья представляется в 2-х экземплярах и является оригиналом для печати.

2. К статье прилагается резюме в 2 экз. объемом не более 15 строк на отдельном листе на английском языке и аннотация на русском языке, оформленные в соответствии с ГОСТом.

3. Электронная версия статьи представляется на диске 3,5 дюйма в редакторе MS Word 97 (8,0), MS Word 2000 (9,0). Технические показатели оформления статьи указаны в п.11. Объем статьи не должен превышать 8 страниц текста, включая рисунки, таблицы, схемы, список литературы.

4. **Все формулы, а также по тексту все символы греческого алфавита и иные, используемые в формулах,** должны быть набраны с помощью встроенного в MS Word редактора формул MS EQNEDT. В последнем должен быть установлен обычный размер символов (10 п.). Размеры формул по ширине не должны превышать 130 мм. При переносе части формулы на следующую строку, в начале этой строки повторяется знак математического действия, которым заканчивалась предыдущая строка.

5. Рисунки и графики представляются в 2-х экземплярах и должны быть выполнены в масштабе журнальной полосы (не более 130 x 200 мм) тушью на листе белой плотной бумаги либо представлены в электронном виде (на диске или CD) в форматах PCD, TIF, AI, CDR, EPS, JPG. При этом в тексте статьи должна содержаться ссылка на внешний файл. Рисунки, графики и диаграммы, подготовленные в MS Word или MS Excel не должны содержать цветных заливок и обрисовок, заливок в градациях серого.

6. Занумерованные формулы выключаются в отдельную строку, номер формулы ставится у правого края. Нумеровать следует лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

7. Список литературы составляется по порядку ссылок в тексте, причем в ссылке после порядкового номера, соответствующего изданию, следует указывать номер страницы, например, [1, с. 30].

8. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята к опубликованию. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи и ответом на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Редакция оставляет за собой право отклонения статьи, если значительная часть ее содержания не соответствует профилю журнала, а также не вести дискуссию по мотивам отклонения.

9. Статья включает следующие элементы по порядку:

9.1. УДК;

9.2. инициалы и фамилия автора (авторов);
9.3. заглавие публикуемого материала;
9.4. аннотация на русском языке;
9.5. основной текст с таблицами и графикой;
9.6. пристатейные библиографические списки в соответствии с ГОСТ 7.1-84;
9.7. резюме на английском языке.

10. Статья должна быть подписана всеми авторами. В конце статьи авторы должны сообщать следующие сведения: фамилию, имя, отчество полностью, домашний адрес, телефон, место работы, учченую степень и звание. Аспиранты также должны указывать фамилию, инициалы, учченую степень, звание научного руководителя.

11. Технические показатели оформления статьи:

11.1. Параметры страницы:
– формат А4;
– отступ для левого поля и поля сверху – 25 мм, правого и нижнего – 20 мм;
– нумерация страниц сверху в колонтитуле, со второй страницы, с выравниванием по правому краю.

11.2. Весь текст набирается шрифтом «Times New Roman». Межстрочный интервал – одинарный. Абзацный отступ – 12 мм. Оформление элементов статьи следующее:

– **УДК.** Размер шрифта 10 п., прописные, выравнивание по левому краю;
– **инициалы и фамилия автора (авторов).** Размер шрифта 10 п., строчные, выравнивание по центру;
– **заглавие публикуемого материала.** Размер шрифта 12 п., строчные, выравнивание по центру;
– **аннотация.** Размер шрифта 9 п., выравнивание по ширине;
– **основной текст.** Размер шрифта 10 п., выравнивание по ширине, с выделением автором необходимых частей текста программными шрифтами («Полужирный», «Курсив»);
– **таблицы.** Размер шрифта 9 п., название таблицы светлый курсив, 9 п., выравнивание по центру;

– **пристатейные библиографические списки.**

Размер шрифта 9 п., выравнивание по ширине. Фамилии и инициалы авторов выделяются курсивом;
– **резюме.** Размер шрифта 9 п., выравнивание по ширине.

11.3. При наборе основного текста не допускается установление:

– двух и более символов «пробел» подряд;
– абзацных и других отступов с помощью клавиши «Табуляция»;
– отступа (пробела) между фамилией и инициалами, словом и символами «точка», «запятая», «кавычка», «скобка».

Правила оформления авторских статей см. ГОСТ 7.5-98 «Журналы, сборники, информационные издания. Издательское оформление публикуемых материалов».

ИНДЕКС: Для индив. подписчиков **00466**
 Для ведомств. подписчиков **004662**